



СЕГОДЕНЬШНИЕ ХРОНИКИ
ЛЕСНОГО ЦАРЯ

Annotation

Тяжело быть царем, Лесным тем более. И семья скучать не позволит: жена-ведьма развод потребовала. Старший сын укатил за границу геройски покорять дракона. Дочурка привела в дом племя зеленых гоблинов да еще чернокнижника, которого вознамерилась взять себе в мужья. Младший сын вообще сбежал в город в поисках любви и разврата. К тому же...

«Чужой! Чужой в Лесу!»

Казалось, сама земля звенит обеспокоенным шепотом. Промерзший Лес испугался, толком не проснувшись от зимнего сна. В шапках снега, с хрустальной бахромой сосулк на ветвях — оттого еще звонче казался этот беззвучный, безголосый хор.

Ксаарз хотел спать, но звон мешал. Отмахнуться бы от этих тревожных шепотков, что вторили самим себе, и снова погрузиться в сон без сновидений, еще на несколько месяцев беспробудно... Но зажимать уши ладонями бесполезно: с недавних пор он связан с Лесом — душой и телом. Тончайшие нити, словно невидимая грибница, проникали прямо в его разум, оплетали всё тело, заполняли изнутри, разрастаясь даже в легких. Не для того, чтобы поработить его, но чтобы сделать Хозяином Леса! Однако, в подобные минуты, как эта, Ксаарз очень сомневался, кто из них истинный господин. Лес сам склонил его залечь осенью в долгую спячку. Вернее, он не смог противиться непреодолимой сонливости, окутавшей всё вокруг. И вот теперь Лес же и не дает ему спокойно спать. Ложе мха ходит под ним мелкими волнами.

«Чужак пахнет дымом! Дым — это пожар!» — шептал Лес в ужасе. Ксаарз мысленно усмехнулся: даже зимой, укрытый снегами, Лес до дрожи в заледенелых стволах боится пожара.

Пришлось сделать над собой усилие и всё-таки проснуться. Не открывая собственных глаз, лесной хозяин потянулся невидимыми нитями к очагу этого страха, к тому месту, где объявился чужак. Наверняка виноваты люди из ближайшего селения, как уже бывало: пришли за валежником или поохотиться, развели костер, а Лес переполошился.

Тело Ксаарза лежало в покое и тепле, укрытое одеялом мягкого мха. Осенью на мох покрывалом лег слой листвы, а зимой сверху опустился пушистый ковер снега, утепился плотной корочкой наста. Однако ему не было ни темно, ни душно. Он ощущал себя не только Ксаарзом — большая часть его существа была Лесом. Он был сам Лес. Всё вокруг принадлежало ему: необозримые пространства, чащи, луга, речные поймы. Все шепотки и каждый голос принадлежал ему, ибо он был всем. Вся жизнь была в его власти: от медведя и рыси до самой крохотной пичужки, до насекомых. И, конечно же, в первую очередь он ощущал всем своим существом растения: заповедную Дубраву до последнего корешочка, вековые сосны до последней иголки, березовые рощи, ельники, заросли ивняка по берегам рек и ручьев. Каждый кустик принадлежал ему, потому что был им. Каждая травинка, что сейчас спала под снегом.

Ксаарз поначалу всерьез боялся раствориться среди этого многообразия жизней, но вскоре привык — и опьянение всемогуществом сменилось огромной ответственностью. Всё-таки он не стал всесильным богом. Пусть люди, которым он позволял входить в свои владения, и считали иначе. Иногда смертные удостаивались чести издали видеть Хозяина в облике юноши-пастушка, играющего на свирели, сидящего на высоком обрывистом берегу над рекой Сестрицей, что разделяет Заповедный лес и простой. Хозяин, хранитель. Для людей он представлял опасным чуждым божеством. Для Леса он обязан быть достойным защитником — для этого Лес его и принял.

Осматривая, вернее, мысленно ощупывая свои владения, Ксаарз понял, что виноваты в

переполохе не люди. Человеческие существа сейчас вправду бродили по границе Дубравы, между берегом Сестрицы и Камышиным озерцом. Один человек, ростом повыше его самого, но тоже безусый и безбородый, одетый в овечий тулуп, потерявший шапку, надоедливо аукал другого — девочку. Та заблудилась, пока собирали валежник. Ксаарзу не было никакого дела до людских проблем. Он продолжил поиски нарушителя, дальше прощупывал владения, заодно проверяя, всё ли ладно в его большом хозяйстве... Но эти крики, громкий зовущий и перепуганный хнычущий, ему резали слух.

Чтобы не отвлекаться, он попросил первую попавшуюся «под руку» пичугу отвести потеряшку к охрипшему парню. Девчонку оказалось несложно увлечь: птичка с малиновой грудкой, порхающая перед самым носом, но в руки не дающаяся, мгновенно завладела вниманием и заставила позабыть о слезах. Ксаарз выдохнул с облегчением, по звериной тропке с пернатым провожатым девчонка доберется до... И он снова поморщился от визга, из-за которого с крон задрожавших деревьев чуть не съехали шапки снега: девчонка радостно кинулась на руки искавшему. Чтобы поскорее прогнать непрошенных гостей, Ксаарз заставил деревья громко и противно заскрипеть заледенелыми ветвями. Два человека правильно поняли гнев Хозяина, они торопливо поклонились в пояс первому попавшемуся толстоствольному дереву, громко поблагодарили лесного царя за помощь, извинились за шум. Владыке решительно надоело отвлекаться на них: с дерева на голову парню упал небольшой мягкий ком снега — чтобы замолчал уже и шел домой. Парень опешил. Девчонка не удержалась, хихикнула. А птичка с малиновой грудкой замелькала над ними вновь, призывно зачирикала и повела в сторону реки, туда, где можно по крепкому льду без опаски перейти на другой берег к деревне. По пути Ксаарз велел пичуге разыскать потерянную парнем шапку.

Наконец-то в Дубраве снова воцарилось спокойствие... Ан нет, он не успел вздохнуть, как Лес напомнил шепотками: «Жар! Жарко! Пламя!»

Ксаарз нашел источник тревоги: пустовавшая медвежья берлога под огромным выворотнем. В этой глубокой земляной норе под козырьком сплетенных корней происходило нечто странное. Невидимые нити не могли подобраться ближе, что-то не позволяло. Растения, что там были, определенно пробудились! Среди зимы повели себя так, будто вдруг настало лето, причем пустились в рост с невообразимой скоростью. Ксаарз тяжело вздохнул: ясно, придется идти самому и разбираться воочию, что там за чертовщина творится. Хорошо хоть сие безобразие вершится совсем недалеко, по сугробам карабкаться меньше. Надо признать, больше всего в своих новых землях он невзлюбил именно обманчиво гладкие сугробы. То бежишь по ним легко, словно танцуешь. То вдруг наст под ногой хрустнет — и в момент провалишься по пояс или по острые уши. Выкарабкивайся потом, сушишь.

Он попросил мох раздвинуться и выпустить его. Земля, пронизанная корнями, неохотно подалась, шепнула в ответ, предупреждая, что снаружи слишком холодно, но хозяин решительно покинул свою уютную не то могилу, не то колыбель.

И впрямь мороз! Особенно чувствительно щиплющий после прелого тепла сна. Впрочем, Ксаарз не боялся простудиться или замерзнуть: он же не так слаб, как человеческие существа, что, бывало, потерявшись в лесу, засыпали мертвым сном, убаюканные вьюгой. Тем более теперь, сочетая собственное бессмертие и жизненную неутомимость Леса — жалкие людишки о настолько «крепком здоровье» могли лишь мечтать! Ксаарз холод просто не любил, ибо не за что его любить. Но даже в легкой одежде

ему было вполне сносно, не особо хорошо, но терпимо.

Лесной царь встряхнулся, поморгал, заново привыкая смотреть собственными глазами, а не чужими, одолженными у Леса. Огляделся. Широкая круглая поляна в сердце Дубравы, заменяющая ему тронный зал. Здесь летом до рассвета не смолкала музыка, лилось ягодное вино и пряный мёд, русалки водили хороводы. Зимой же это была вновь лишь пустая поляна. Только проплешина в снегу между корней самого старого дуба зияла черной разрытой могилкой — там было хозяйское «ложе».

Дубрава вместо замка. Крыша из крон, лишенных листы, взамен стен — колоннада стволов, что не задерживает ветер и метель. Вместо трона — кочка между корней. Ксаарз в очередной раз повторил самому себе обещание выстроить дворец, какой положено иметь царю, пусть и лесному. Да, он изменился теперь, став единым целым с Лесом. Однако ему хотелось бы, как и в давние времена, спать в спальне с настоящей кроватью, одеваться перед огромным зеркалом, гулять по галереям и подниматься на высокие башни, чтобы любоваться прекрасными далями...

Ксаарз снова встряхнулся, прогоняя грусть по невозвратно ушедшему прошлому. Замок, что на мгновение предстал перед внутренним взором, никогда не принадлежал ему. И никогда не станет его собственностью. Поселившись в этих диких северных землях, приняв нелепый в своей странности титул лесного царя, Ксаарз отныне и навеки окончательно разорвал все былые связи. Ему просто нужно перестать оглядываться назад, вот и всё. Впереди новая жизнь — бесконечная и непредсказуемая. Ведь он сам этого хотел? Как бы то ни было, его странствия закончились, отсюда он сбежать не сможет. И чем дольше он здесь остается, тем глубже увязает корнями в почву.

Ксаарз вздрогнул, ощутив, как морозный воздух заледенил кончики острых ушей. Он рассмеялся и решил, что в его плохом настроении виновны холод и одиночество. Голода он не чувствовал, так как Лес во время долгого сна позаботился о его теле, доставляя по живленным корешкам всё необходимое. Теперь ему следует поскорее привести себя в порядок — и выяснить наконец-то причину беспокойства Леса. А весной он обязательно вырастит себе замок. Сделает свою обитель еще больше и лучше, чем у его отца. Он тоже скроет замок колдовством, но не под видом холма, а оградив непроходимой чащей от незваных гостей. Будет у него жилище, не придется впадать, словно зверю, в спячку. Он сможет всю зиму напролет веселиться со своим «двором»: не позволит лешим застыть до весны, прикинувшись корягами, не даст русалкам уйти в ил омутов. К лешим пустые мысли! Он здесь не одинок. И ему не грустно! Это просто зима, поэтому рядом с ним никого нет. Летом всё станет по-другому.

Летом и он сам будет другим: волосы сделаются не белые, как сейчас, словно иней, но ярко-зеленые, в цвет листы и трав. И глаза — не блекло-серебристые, а изумрудные. Какое разнообразие! Раньше-то он в любой сезон ходил банально золотоволосым с синими глазами. Нынче золото касается его локонов только ненадолго по осенней поре, и тогда золотятся лишь некоторые пряди, остальные кудряшки расцветают в тон пестреющего леса: ярким багрянцем, рыжиной, блекнущей зеленью сквозь желтизну, а у висков темный тон вечно зеленой хвои. В свою первую осень царем Ксаарз даже испугался: не заболел ли, не подхватил ли от лишайников лишай или что похуже.

Однако стоять столбом, размышлять о пустяках и ловить ленивые снежинки губами было недосуг. Сонное оцепенение, навеянное зимой и спящими деревьями, нужно учиться преодолевать, иначе в итоге станешь не лесным повелителем, а очередным трухлявым

пеньком, что сидит в торфяном болоте и в спокойствии созерцает сквозь кружево крон бегущие по небу облака.

Ксаарз энергично потер ладони одну о другую — и, мысленно призвав порыв снежной метели, провел руками по воздуху перед собой, превращая снежинки в тончайшее стеклышко зеркала. Он внимательно рассмотрел свое отражение. Так и думал: бледные щеки перепачканы землей, длинные волосы посерели и потеряли блеск, на одежде пятна и прилипшие соринки. Покрутившись перед зеркалом, покачал головой, упрекая самого себя за неряшливость. Не дело! Штаны и длинная туника из мягкой козьей шерсти у него единственные — подарены старухой ведьмой, с которой он успел подружиться еще до своей «коронации». Мягкие сапожки сделаны тоже ею, сшиты из шкурок дичи, которую в обилии таскали ласковые рыси, его любимицы. Внучка ведьмы, бойкая малявка, чей возраст можно посчитать по пальцам одной руки, сплела ему шнурок для пояса, украсила деревянными бусинами и кисточками. Они обе приняли его, иноземца, нелюдя, истрепавшегося в нелегком пути странника, без лишних расспросов и подозрений. Видимо, почувствовали, что он такой же одиночка, как они сами — без поддержки, без друзей и родни.

Ксаарз вновь вызвал густую метель, отдался ее порывам, позволяя очистить себя до кончиков волос, разрешив снежным хлопьям забраться даже под одежду. Не идти же купаться в ледяную прорубь, если можно и таким способом избавиться от грязи, недостойной лесного владыки. От подобного «умывания» колючими снежинками у него щеки порозовели румянцем, глаза заблестели, сбросив пелену сонливости. Вот разберется с непонятным чужаком — и обязательно сходит навестить старую ведьму с мелюзгой. Наверняка им не помешает помощь, дров нарубить или починить что-то. Ксаарз мысленно предупредил рысей, и те отозвались радостным урчанием, в ответ послали волну нежности, он словно бы наяву почувствовал, как старшая из кошек трется пушистой мордой о его щеку. Он попросил поймать для гостинца несколько лишних зайцев, и рыси с удовольствием отправились на незапланированную охоту — уж чего, а зайцев во владениях царя было этой зимой предостаточно!

Кружившая вокруг него вьюга улеглась, словно собака свернулась возле ног. Ксаарз окинул себя взглядом в зеркале и увиденным остался вполне доволен. Конечно, это не те роскошные, тонкого мастерства одеяния, в которые он наряжался раньше, полагая их скучными в надоевшей повседневности. Зато и не жалкие лохмотья, какие также довелось носить некоторое время назад. Ксаарз решил, что должен бережнее относиться к подаркам, сделанным от чистого сердца.

Прежде чем покинуть поляну, он сотворил себе плащ из листвы и тонких побегов. По его воле в мерзлой земле пробудились растения: стрелами пробились сквозь снег, дотянулись до его плеч, опутали, оплели, соткали ткань из густых крепких стебельков, упавшую широкими складками до самых пят, и утеплили по всей длине пышной листвой. Правда, стоило побегам разорвать связь с землей, (не станет же лесной царь стоять на одном месте, как привязанный!) и сочная изумрудная листва моментально почернела, обожженная морозом. Зато по кайме каждый листочек покрылся белой полосой инея. Ксаарз пожал плечами, заставив плащ сухо зашелестеть. Хотя бы защищает от ветра, уже хорошо, да и выглядит неплохо. Нужно будет на досуге поиграть с вьюнками, придумать особый сорт, чтобы листья, даже засыхая, оставались мягкими и плотными наподобие животной кожи.

— О, надо же! Дракон? — воскликнул Ксаарз, бесшумно проникнув в бывшую берлогу, теперь больше похожую на пещеру. Пахло сырой землей, копотью, неровные стены были опалены огнем. На черноте особенно ярко выделялись змеящиеся зеленые побеги и длинные белесые корни, тянущиеся к незваному гостю, чтобы оплести покрепче и по возможности удушить.

Дракон оказался не слишком крупный, примерно с корову размером, если, конечно, не считать длинного тонкого хвоста, «лебединой» шеи и не учитывать размах изящных перепончатых крыльев. Попутно огрызаясь на ожившую шуструю зелень, ему удалось разрыть нору, увеличив логово под себя. Хозяин Леса еще на подходе подивился, что снег почернел от выброшенной свежей земли, кучками, комьями и вроссыпь разбросанной вокруг лаза в берлогу.

— О, надо же! Эльф? — в тон ему пророкотал гость. Правда, вместе с чистосердечным удивлением в голосе крылатой ящерицы звучало куда больше раздражения и усталости. Похоже, он пытался устроиться здесь на ночлег или даже на зимовку, но решительно воспротивившиеся этому колючки и зеленые плети ужасно мешали улечься и отдохнуть.

— Я полагал, драконы вымерли, — пояснил своё удивление Ксаарз.

Он бесстрашно прошел дальше, приблизился к дракону на опасное расстояние, так что даже растениям стал ясен риск. Корешки и плети потянулись к хозяину Леса, словно собирались его удержать от безрассудного дружелюбия, а желательно и вытолкнуть наружу, на холод. Однако Ксаарз не обратил внимания на такие «уговоры» и не дал утянуть себя за одежду. Вместо этого сбросил с плеч мешающий плащ и завесил им выход, чтобы закрыть от ветра и начавшегося снегопада. Плащ моментально «прижился» на новом месте, выбросил во все стороны побеги, вцепился в земляные стены, пол и потолок, выпустил новую зеленую листву, от которой приятно запахло свежестью и весной.

— А я полагал, что эльфы предпочитают теплые края, и в этих кошмарных северных землях ни один ушастый дурак не поселится по доброй воле, — парировал дракон с небольшим запозданием, ибо несколько мгновений был сильно занят: его длинный острый нос вместе с клыкастой нижней челюстью ненадолго стянула очередная назойливая плеть, которую пришлось порвать и перегрызть. По тому, как морда скривилась от брызнувшего сока, Ксаарз сделал вывод, что дракон не из тех зверей, что любят пощипать молодую травку.

— Что же привело тебя в эти кошмарные северные земли, о дракон? — поинтересовался хозяин Леса.

Ксаарз резко выбросил руку вбок, тем самым заставив дракона вздрогнуть в напряжении, но оказалось, что он лишь хотел поймать сидевшего на земляной стене жука. На раскрытой ладони лесного владыки жук, подчиняясь произнесенному колдовству, в считанные секунды вырос до небывалого размера, сделавшись больше кулака. Он оказался светляком: мягкое бирюзовое сияние от его брюшка пятном прорезало темноту в норе. Ксаарз вновь посадил жука на стену, на сплетение корней и побегов. Впрочем, как сам хозяин Леса, так, похоже, и дракон, имели достаточно острое зрение, чтобы прекрасно видеть друг друга без такого скудного светильника, и всё же при свете в берлоге стало уютнее.

— Я странник, видишь ли, — ответил дракон, беспокойно ёрзая всем телом: не получалось улечься на земле, ибо из нее постоянно вылезали новые и новые побеги. — Я

искал место, где можно было бы отдохнуть и поспать. Я удивил тебя? Есть еще причины, чтобы рыть нору посреди зимнего леса?

— От тебя исходит сильный жар, о дракон, — заметил Ксаарз, приблизившись еще на шаг. Он протянул к нему руку, однако без разрешения всё же не дотронулся до твердой кожи, блестящей в полумраке глянец морщинок-чешуек.

Дракон не счел необходимым отвечать, презрительно фыркнул, испустив через ноздри струйку дыма. Хозяин Леса закашлялся, дракон имел запах не самый приятный, нечто вроде опаленной на костре шерсти и старой стельки мужского сапога, просушенной на углях до поджаривания.

— Из-за твоего жара, из-за твоего пламени Лес пробудился от зимнего сна, — сказал Ксаарз.

— Я заметил, — сухо отозвался дракон, лапой пришибив особенно надоедливый росток, и скривился из-за мстительно впившихся в подушечки мелких колючек.

— Если ты желаешь остаться и пользоваться радушием Леса, прошу, назови свое имя, — предложил Ксаарз.

— Ты хочешь сказать: твоим радушием? — прищурил вишнево-красные глаза дракон. — Ты-то сам кто такой?

— Я — хозяин Леса, зови меня Яр.

Ксаарз представился так, как назвала его малолетняя внучка ведьмы. Девчужке не хотелось ломать язык, и он согласился, ведь новая жизнь требовала нового имени. Тем более мелюзга, лишь недавно научившаяся выговаривать «р», забравшись к нему на руки, объяснила свой выбор ясно и просто: «Ты такой же яр-р-ркий, как солнышко!»

— Не собираюсь тебя никуда звать, — хмыкнул дракон, поймав на слове. — Подозрительно это, больно ты молод, чтобы быть владыкой собственных земель. Даже для эльфа ты выглядишь слишком... сопляком.

Ксаарз не собирался обижаться на уставшего зверя.

— Ты будешь оскорблять меня или попросишь о гостеприимстве?

— Марр! Руун Марр, — со вздохом назвался дракон. — Теперь отзови колючки, я хочу спать. И сам можешь тоже убираться восвояси.

Услышав имя, эльф помедлил короткое мгновение. Но и не подумал уйти.

— Ты такой теплый, Руун.

Доверив ему свое имя, дракон перестал быть для него опасностью. Более того, приняв его как гостя, лесной царь получил над ним определенную власть. Ксаарз мысленно попросил Лес разрешить дракону остаться, как забредшему зверю. И растения наконец-то успокоились, полностью полагаясь на волю повелителя, побеги спрятали колючки и сложились в жестковатую подстилку на земляном полу.

— Хочешь, чтобы я тебя согрел, ушастый? — оскалился дракон. Однако не отпрянул, когда Ксаарз по-хозяйски положил обе ладони на его длинную шею. — У тебя ладошки, как ледышки. Неужели владыка Леса не может позволить себе шубу из медвежьей шкуры? Тощий оборванец ты, мелкий сопляк, а не владыка.

— Ты меня не прогонишь обидными словами, о дракон, — улыбнулся Ксаарз, не разрывая прикосновения. — Ты ранен, я сразу ощутил запах крови, едва подошел к норе.

— Я не твоя лесная животина, не смей меня лечить, — огрызнулся дракон, досадуя, что его уловку так легко раскусили.

— Я обязан избавить тебя от боли, ведь ты мой гость, — улыбка Ксаарза стала еще

шире, многозначительней. Дракон поёжился, сложил крылья удобнее, будто собирался при первой же для себя опасности немедленно убежать, вырваться из любых сетей, что мог приготовить для него этот странный сопляк с белыми, как снег, волосами.

— Я ощущаю твою боль, — пояснил Ксаарз. — Приняв тебя в свои владения, я разделил с тобой твои чувства. Теперь я должен залечить твои раны, иначе не смогу уснуть.

— Ты собираешься залечь в спячку? До весны? — удивился дракон, отчего ороговевшие шипастые брови на его морде забавно выгнулись двумя дугами.

— Я спал, пока ты меня не разбудил, — кивнул тот. — И я хотел бы, если ты не против, остаться здесь с тобой. Ты поделишься со мной своим теплом?

— А ты накормишь гостя? — прищурился Марр Руун. — Ростом ты не вышел, мяса на костях нет, тебя даже если целиком проглотить — не наемся, лишь изжога замучает. Требуешь разделить с тобой ложе? Пусть ты похож на девушку и личико у тебя, как у принцессы, но я не из тех драконов, у которых ветер в голове! Я не знаю тебя, не делил с тобой еду и не дарил тебе цветов...

Дракон осекся, так как Ксаарз, весело рассмеявшись, стрельнул глазами на стену, увитую зелеными побегами.

— Дарить мне цветы? Нелепей подношения не придумать.

За разговорами гость не заметил, как на побегах стремительно набухли бутоны. Цветки начали распускаться, источая благовонный нектар, способный перешибить даже вонь драконьего дыма.

Этот запах не дал дракону вовремя учуять, что к норе приблизились хищные звери с дичью в зубах. Хозяин же получил мысленный зов и ненадолго вышел, чтобы вернуться с тремя еще теплыми тушками только что пойманных зайцев.

— От тебя пахнет кошками, — сморщил морду дракон. Однако одного зайца проглотил махом, под негромкий смех хозяина Леса.

— Разве ты не из тех драконов, что умеют принимать человеческий облик? — спросил Ксаарз. — Мне будет легче помочь тебе излечиться, если не придется иметь дело с толстой шкурой.

Он уселся на зеленую подстилку рядом с довольно облизывающейся мордой и нахальным образом взялся гладить ладонями горячие драконьи щеки. Потрогал длинные рога на макушке, пощекотал под подбородком, а еще обнаружил прижатые за короной шипов уши и принялся почесывать там тоже. От ощущения чутких пальцев на самой нежной и чувствительной коже, что имелась на всём его теле, дракон едва не заурчал в наслаждении, забыв о тянущей боли от раны.

— Я не приму облик двуногого, если не буду уверен в своей безопасности, — пророкотал Руун, жмурясь и невольно чуть-чуть дергая задней лапой.

— Разве ты не уверен в безопасности сейчас? — спросил Ксаарз медовым голосом.

— Тебе не удастся заполучить меня в свой зверинец, о любопытный эльф, — беззлобно рыкнул дракон, неуклонно таявший под невинными ласками. — У двуногих слишком тонкая шкура. У вас нет шипов и рогов, слабые когти...

— «У нас»? — переспросил Ксаарз с ноткой брезгливости. — Не забывайся, я не человек, не приравнивай меня к смертным.

— О, прости, владыка, — хмыкнул дракон. — Но ты выглядишь куда более хрупким, чем любой из двуногих.

— Кто нанес тебе эту рану? — Ксаарз мягко отвел кончик крыла в сторону.

Дракон с самого начала пытался скрыть от него это, но лесной хозяин заставил его расслабиться, обманул хрупкое доверие. Руун, словно трезвея, взглянул на зияющую прореху в своей, казалось бы, непробиваемой шкуре. Его голос прозвучал резче, чем мгновение назад:

— Тебе лишь бы потешить свое любопытство, маленький эльф.

— Она воспалилась. Похоже, туда попали кусочки стекла и ядовитое вещество. Ты подрался с алхимиком в его же лаборатории и перебил там окна и реторты? Как неосторожно, — пожурил помрачневшего ящера владыка, однако за шутливым предположением скрывалось напряженное внимание.

Тот промолчал.

— Еще в твоей спине давно застряла добрая... нет, недобрая дюжина наконечников стрел, — продолжал Ксаарз, прикрыв глаза веками, словно приглашая гостя полюбоваться своими прекрасными ресницами и бровями с изящным изгибом, на что дракон попался, словно обычный мужчина, послушно уставился. — У тебя старые шрамы на шкуре, как будто тебя пытали каленым железом. Обломаны когти, на нескольких пальцах выдраны с мясом. И крыло перебито, совсем недавно, поэтому ты не мог лететь. Ты пришел в мой лес пешком, как лошадь?!

Он распахнул глаза, и дракон, застигнутый врасплох, резко отвернулся.

— Мне было бы легче исцелить тебя, если бы ты принял человеческий облик, — повторил повелитель Леса.

— Тебе просто интересно увидеть мое превращение, — буркнул Руун Марр.

— Интересно, — не стал отпираться Ксаарз. Добавил: — Если я войду в тебя, тебе не придется терпеть боль.

Дракон издал звук, словно поперхнулся. Хмыкнул глумливо и возмущенно:

— А хвост мне не приподнять ради твоего удобства?!

— Попробуй, приподними, — прищурился хозяин, будто бы не понимая пошлой шутки. И придвинулся ближе, наслаждаясь теплом драконьего тела.

— Да ты!.. — не сразу нашел слова Руун. — Вот же наглый маленький эльф мне попался! На мужика не похож, а всё туда же!

— Куда — туда? — Ксаарз, не обращая внимания на возгласы, взял дракона за... руку. Обычную человеческую руку, только с длинными загнутыми ногтями.

Руун Марр опешил: сам не заметил, как изменил форму? Этот сопляк заговорил ему зубы — и заставил перекинуться! Конечно, в таком виде у дракона хвоста нет, а значит приподнимать нечего, как ни старайся. Ощетиниться тоже нечем, равно и скалиться бессмысленно. Вот мальчишка и хохочет, глядя на его растерянность.

Ксаарз уверенно держал его за руку. Заставил раскрыть кулак и приложил к его ладони свою ладонь, палец к пальцу: указательный к указательному, мизинец к мизинцу, и так всей пятерней.

— Как же ты собираешься в таком виде вылечить мое крыло? — недоверчиво спросил дракон, ведь вместе с хвостом исчезли и крылья.

— Вот увидишь, всё получится.

— Черт с тобой, делай, что хочешь, — проворчал Руун.

— Всё, что хочу? — уточнил маленький шутник, многозначительно выгнув бровь.

Даже в человеческом облики дракон оставался гораздо крупнее обычного мужчины, невысокий эльф рядом с ним выглядел худеньким подростком. Тем возмутительнее казались

гостю его двусмысленные намеки. Если уж кто к кому и должен приставать, так это он сам к смазливому хозяину, а никак наоборот!

— Только в голову ко мне не лезь! — прошипел Руун Марр. Он не отдернул руку, хотя в кончиках пальцев яркой вспышкой сверкнула короткая боль: владыка Леса выпустил невидимые нити, которые пронзили кожу, мышцы и сплелись с его нервами, объединив дракона и эльфа в единое целое. — Я так и знал, тебе просто любопытно узнать, что за зверь такой дракон. Ты с самого начала вознамерился влезть ко мне в память? Не смей этого делать!

— Кто же мне помешает? — растянул губы в ухмылке хозяин Леса.

Ксаарз всегда делал только то, что сам считал нужным, и не следовал никаким запретам или законам. Хуже того, любой запрет разжигал в нем пламя противоречия. Даже тень смущения в этом бурном недовольстве заставляла его играть против правил гостеприимства. Хотя кое-что ему подсказывало, что Руун Марр не столь уж недоволен, как хочет показать.

Эльф провел свободной ладонью вверх по обнаженному бедру, горячему, как от лихорадки. Впрочем, вполне возможно, что лихорадка имелась, нераспознанная из-за внутреннего огня дракона. Затем переместил руку выше, к животу. Рана начиналась от ребер сбоку и вела наискосок ниже пупка. Ксаарз вновь насмешливо приподнял брови: в людском облики у драконов, оказывается, тоже есть пупки. Тем самым окончательно смутил гостя.

— Доверься мне. Дыши спокойно.

— Не слишком ты обнаглел, чтобы указывать мне, как дышать? — раздраженно фыркнул Руун.

— Если будешь задерживать дыхание, можешь потерять сознание. Тогда придется начать всё сначала, — ровным голосом произнес эльф.

Под тонкими пальцами окровавленные клочья мышц стали послушно срастаться. Глубокий рваный разрез заживал изнутри. Сгустки запекшейся крови рассыпались прахом, словно сгорали в невидимом огне, вместо темных, почти черных подтеков выступила свежая алая кровь. Плоть сама выталкивала глубоко впившиеся осколки стекла — разбитая вдребезги посуда из лаборатории алхимика и разноцветный оконный витраж. Яд, попавший с осколками, собирался в густые капли и стекал по краям раны, оставляя полосы на смуглой коже. Даже давно застрявшие наконечники стрел, раздирая старые шрамы, вылезли с язвами наружу, выпали, ржавые, на землю, позволив язвам затянуться, а шрамам разгладиться совершенно. Дракон шипел и жмурился, однако не двигался и, более того, пытался сдержать крупную дрожь, то и дело прошивавшую от макушки до копчика.

— Больно? — негромко спросил Ксаарз, хотя сам знал ответ, ведь чувствовал всё то же.

— Жжется, — прошипел Марр.

— Потерпи.

Руун послушно закрыл глаза. Лежать беспомощным и голым под руками лесного царя, пусть тот выглядит сопляком, хилым цыпленком рядом с тем, кто и в человеческом жалком облике не потерял драконью мощь и силу... Это было по меньшей мере странно.

— О, Небо! — выдохнул дракон с необыкновенным облегчением.

Эльф же не спешил его отпускать. Как и предполагал Руун, ему было чрезвычайно любопытно не только исследовать загадочное тело дракона, но и прикоснуться к разуму, заглянуть в память.

— Летать настолько приятно? — пробормотал Ксаарз. — Ну-ка, как ты это делаешь?.. Хм, оказывается, не так уж и сложно отрастить себе крылья. Непременно попробую...

Крепко держа за руку, теперь сплетя пальцы, он утомленно привалился к горячему плечу. Лечить чуждое тело, лишь внешне похожее на человеческое, но настолько отличное в своей сути, бывшему эльфу оказалось довольно тяжело. Лес давал хозяину столько сил, сколько он просил, и мог дать еще больше, если потребуется, вот только на восстановление собственного тела, использованного как инструмент, ему необходимо некоторое время. Впрочем, в первый раз Ксаарз и медведицу с трудом спас после выстрела одного неудачливого охотника. Зато потом со случайно поранившимся медвежонком получилось значительно легче. Вполне возможно, в следующий раз, если дракон останется и ему снова потребуется помощь, он управится с его ранами гораздо быстрее.

— А, добрался-таки до памяти, — хмыкнул Марр.

Словно бы нехотя, немного грубовато, дракон в благодарность обнял лекаря за плечи, прижал спиной к своей груди. Тот не возражал, напротив, устроился в его руках удобнее, постарался прижаться плотнее, с наслаждением впитывая тепло драконьего жара. Не открывая глаз, Ксаарз продолжал читать его память, словно листал книгу с занимательными картинками. Полеты. Охота. Стычки с людьми, заканчивающиеся либо благоразумным побегом, если людей было много и у них было оружие, либо пролившейся кровью, иногда потерями с обеих сторон...

Руун, обнимая эльфа, освобожденный от боли ран, как свежих, так и застарелых, сделал вид, будто задремал. Ведь только во сне воспоминания могут возвращаться такими явственными и яркими. Он видел те же самые картины прошлого, которые поднимал из глубин его разума жадный эльф, считая эту роскошь любопытства своей законной наградой за помощь.

— Думаю, я останусь здесь до весны, — негромко произнес дракон.

Ксаарз, по-прежнему с закрытыми глазами, кивнул. Добавил:

— Если проснешься раньше меня и проголодаешься, можешь поохотиться на кабанов. Их много вокруг Дубравы. Оленей и лосей не трогай.

— Мне придется назвать тебя своим хозяином? — уточнил Руун с напускным безразличием.

— Как хочешь, — разрешил владыка Леса.

«Хочу!» — подумал, но не произнес дракон.

Марр хмыкнул. Отмахнувшись от сцен прошлого, внимательно посмотрел на эльфа, очертил взглядом остроносый профиль. В таком ракурсе малыш не особо походил на девушку. И брови хмурит, совсем как взрослый. Черт разберет этих эльфов, сколько ему лет на самом деле, не угадаешь... Вдруг Руун понял, что связь между ними установилась двусторонняя: неожиданно захлестнула волна затаенной грусти — чужой, горло сжалось от по-детски безотчетной обиды на мир. Эльф вызывал в его памяти образы далеких стран, волшебной красоты дворцов, неведомых лесов с деревьями исполинами — и Руун ощущал его печаль, как свою собственную. Ксаарз не успел побывать везде, где хотелось бы, не успел увидеть всё, что мог бы увидеть за свою бессмертную жизнь. И теперь уже никогда не увидит, связав себя с Лесом. И его жег стыд за то, что он в этот момент зависти к чужой свободе мысленно предал то доверие, которое оказал ему Лес, приняв своим хозяином.

Марр Руун скользнул взглядом по напряженному безупречному лицу... и заметил шрам, косой штрих от скулы вниз к челюсти. Едва видимый, очень давний, тонкий. Шрам на лице бессмертного — невозможная вещь. Тем более на лице того, кто в совершенстве владеет искусством врачевания. Разве только эльф сам решил его оставить, как память о прошлом.

Дракон не удержался, поднял руку и осторожно провел по чуть выступающей на коже линии подушечками пальцев, стараясь не задеть когтями. Ксаарз в его руках дернулся от неожиданности. И Руун получил ярчайшую вспышку — чужое воспоминание: перстень с острым камнем на руке отца, чье холодное лицо даже в крайнем гневе было прекрасно, как скульптура, но глаза обещали немедленную смерть... единственному сыну. Руун сморгнул, и всё исчезло. Ксаарз шумно выдохнул. Дракону стало всё ясно — такой же изгнанник.

— Ксаарз... Так и думал, что это ты, — произнес Руун. Эльф не шелохнулся. — Ты сменил имя на новое, изменился сам. Но я всё равно тебя нашел.

— Кто кого здесь нашел, еще вопрос, — криво улыбнулся хозяин Леса.

— Твой отец! — заторопился рассказать дракон. — Он приказал мне тебя отыскать. И передать...

— Замолчи! Не хочу ничего слышать о нем, — резко оборвал его эльф.

— Твои родичи нуждаются в тебе, — опешив, всё же договорил Руун. — Неужели ты откажешься им помочь?

— Даже если бы я мог покинуть это место, — соизволил пояснить Ксаарз, — я не желаю возвращаться туда, откуда меня с позором изгнали. Они отказались от меня, так что у меня нет обязательств перед ними.

— Не хочешь слушать, тогда посмотри! — предложил дракон. — Посмотри на них моими глазами! Что с ними стало!

— Нет! — выкрикнул Ксаарз и отнял руку. Отодвинулся. Незримые нити не разорвались, они натянулись, протягиваясь через воздух, истончились, но Марр всё еще ощущал их связь, пусть и сделавшуюся более слабой.

Руун вынужден был промолчать. Он, последний дракон из своего рода, не понимал, как возможно отвернуться от сына, как отречься от семьи. Вдохнул. В конце концов, он обещание исполнил — нашел того, за кем его послали. На этом всё.

— Кстати, я тоже слышал о тебе, Руун Марр, — решил признаться и Ксаарз. — От Сильвана. Я был его спутником после тебя. А наш некромант не умеет страдать молча, как ты знаешь! Хотя, возможно, ты и не знаешь, ведь страдать научил его именно ты.

Дракон словно окаменел. Одно лишь имя, произнесенное с теплотой и грустью в голосе, прозвучало для него, точно проклятье.

Опомнившись, Руун попытался окончательно разорвать связь с эльфом, который так коварно заманил его в ловушку, но у него не получилось. С тем же успехом можно пытаться порвать в лоскутки воздух. Он понятия не имел, как избавиться от прошивших его тело невидимых нитей. Ощущать себя марионеткой на леске было невыносимо.

— Ш-щ, не дергайся, — ухмыльнулся Ксаарз. — Я не собираюсь мстить тебе за него. Это ваше дело, не мое. Мне интересно, уж не в его ли зельях ты недавно искупался? Не ег ли лабораторию разгромил?

Руун покрылся болезненной испариной. Мелькнула мысль напасть на тщедушного эльфа, придавить, придушить. Но рассудок напомнил, что владыку Леса легко не одолеть. Оказаться вновь связанным колючими стеблями было бы совсем некстати, ведь так он потеряет последний шанс на побег.

— Неужели ты не ощущаешь вину за содеянное? За то, что отправил его тогда к людям, беззащитного, наивного, оставил на растерзание толпы? Позволил сгореть на костре? — продолжал выпытывать эльф, заглянув в нечеловеческие глаза с узкой черточкой зрачка. Зрачок пульсировал, выдавая бешеное напряжение дракона. — Или у тебя всё-таки есть

оправдание твоего гнусного предательства? Где ты был в то время, когда он сгорал заживо? Ты хоть догадываешься, каких усилий мне стоило его спасти после того, как ты его бросил?

Как можно удержать собственные мысли?! Как можно заставить себя не думать о Сильване, если одно имя вызвало бурю воспоминаний?

Ксаарзу не пришлось прилагать усилий, чтобы вытащить из памяти дракона то, что ему было нужно. Оба сознания оглушила одна и та же сцена из недавнего прошлого, яркая, несправедливая, поэтому особенно болезненная:

«— Я не прошу простить меня! Хотя бы выслушай, пожалуйста! — Руун не видел другого способа умолять о внимании, он просто встал на колени, преградив дорогу, не позволив уйти.

— Замолчи! — Человек в балахоне алхимика, сплошь покрытом пятнами от зелий, шарахнулся от его протянутых рук так резко, словно дракон полыхнул огнем ему в лицо. — Как тебе хватило наглости явиться ко мне? Ты еще просишь тебя выслушать! После всего, что ты сделал?!

Стоящий рядом стол, уставленный приборами непонятного дракону назначения, склянками, колбами, ретортами и черт знает чем еще — перевернулся. Всё полетело на Марра, окатив его зельями и кислотами. Встретившись с полом, склянки брызнули обратно вверх осколками.

— Силь, прошу тебя! Дай объяснить!

— Убирайся!

— Но...

— Нет! — отрезал маг, но за показной решительностью Руун увидел для себя надежду...

Если бы только им позволили довести ссору до конца!

Им помешали. Вдруг какое-то маленькое низкорослое существо выскочило из темного угла, где пряталось незамеченное всё это время, и с размаха распорол длинным ножом живот дракона. Ведь тот стоял на коленях в человеческом облики, почти беспомощный. Почти. Ошалев от боли, Руун без раздумий схватил вопящее существо и со всей силой и яростью отбросил от себя. Существо отлетело далеко, впечаталось в каменную стену.

Маг закричал в ужасе. Его бездонные глаза, обычно тихо светящиеся мягкой печалью, наполнились не просто презрением и гневом за события прошлого, но настоящей жаждой убить обидчика, посмеявшего тронуть его... Зверюшку? Воспитанника? Марр даже не понял, что это за существо такое на него напало, а теперь корчится на полу, кашляя кровью. Оно, похоже, даже говорить не умело. Но зато дракон навсегда запомнит этот взгляд, до конца жизни он будет его преследовать.

Рууна просто смело с пола, уже в воздухе он успел перевоплотиться и распахнуть крылья — как его окатила волна встречного огня. Неожиданно маг раскрыл такую силу, что мог бы легко убить дракона одним мановением руки, одним своим желанием.

Руун сообразил, что у него есть единственный шанс на спасение. Едва выдержав огонь, он бросил в некроманта заклятье окаменения. На более сильное колдовство дракон был просто неспособен. Заклятье настолько простое и слабое, что могло дать Рууну лишь жалкие секунды, чтобы выскочить в окно и ринуться прочь от башни разъяренного мага, как можно дальше, как можно скорее...»

— Сильван?.. — выдохнул Ксаарз, сморгнул. Перевел полуслепой в ошеломлении взгляд

на лицо гостя. — Ты напал на него... опять?.. Совсем недавно...

Сердце Марра болезненно сжалось. Снова этот взгляд! Снова он отвергнут. Его снова вышвырнут, как ненужного щенка, пинком с порога, скулящего, не понимающего своей вины. Ведь он защищался, ничего больше!

— Где он сейчас? Что ты с ним сделал?! ОТВЕЧАЙ! ГДЕ ОН?! — Голос маленького эльфа изменился, так звучал сам Лес, безмерно огромное могучее существо, не имеющее ни жалости, ни сострадания.

Дракон опередил движение его рук, не позволил схватить себя — отшатнулся, попятился к выходу. С каждым движением, поднимаясь с четверенок на ноги, с трудом делая шаг за шагом, он чувствовал, как рвутся незримые нити, связывавшие его и владыку Леса.

Ксаарз потянулся за ним, медленно отходя от потрясения увиденным, рванулся удержать... Но из земли за спиной эльфа стремительно выстрелили побеги и корни, обвили руки, заломили локти назад, не пуская.

— Ты оставил его в опасности! Одного! Без помощи! Еще не поздно исправить! — выкрикивал Ксаарз, дергаясь в путах, а растения всё гуще и гуще обвивались вокруг его тела, оставляя открытой лишь голову. Его притянули к земляной стене, то ли распяли, то ли заботливо спеленали. Эльф мог лишь бесноваться и кричать вслед трусливо убегающему дракону, надрывая голос: — Ты снова его предал! Второй раз! И снова по твоей вине он в беде! Как ты мог?! Ты должен вернуться и...

Эльфу заткнули рот огромным комком горьковато-сладкой дурманящей пыльцы.

На выходе из норы Руун на бегу облачился в чешуйчатую кожу и расправил крылья. Разбежался и взлетел, не оборачиваясь назад.

Он не видел, как нора сплошь заполнилась густой сетью побегов и крепчайших корней. Лес испугался за своего хозяина, расценив его злость как вспышку безумия, опасного прежде всего для самого эльфа. Владыку связали по рукам и ногам, втиснули в мягкую податливую землю, окутали прелым теплом. Перед яростно вытаращенными глазами распустился цветок с чарующим запахом, и, вдохнув аромат, Ксаарз быстро сник, прекратил вырываться. Позволил закутаться в нежное одеяло мха, разрешил спеленать, как младенца. И усыпить. Лес проник в возбужденное сознание и забрал воспоминания о встрече с драконом, сочтя их вредными, спрятал глубоко в темноту, куда хозяин никогда не заглянет. Хозяин дал обещание и поэтому останется здесь, Лес не позволит ему уйти за чужаком.

Ксаарз погрузился в глубокую спячку. Словно умер.

...Сорвавшись в стремительный полет, радуясь вылеченному крылу и пропавшим ранам, Руун Марр в то же время едва не выл от обиды. Снова! Снова он изгнанник. От него опять отказались, прогнали, не позволив произнести ни единого слова в оправдание. Он мог бы объяснить, он мог бы рассказать!.. Но его никто не желает выслушать. Никто. Никогда. Он никогда и никому не будет нужен. Как всю жизнь до этого. Пора бы уже ему смириться. Руун с горечью захохотал.

Улетая, он не имел привычки оглядываться. Как не видел он, что случилось с Ксаарзом, так не узнал, и чем обернулось его «пустяковое» заклинание для некроманта.

...Когда дракон улетел, вышибив витражное окно, маг, вместо того чтобы немедленно сбросить с себя хлипкие оковы заклатья, потянулся всей душой к лежащему у стены

существо. Сильван выдохнул, лишь когда понял, что существо живо, до этого чародей не дышал, не замечая. Это маленькое нелепое создание казалось ему важнее собственной жизни. И не думая о себе, он первым делом занялся его ранами. Забот было много: залечить сломанный в нескольких местах позвоночник, треснувшие ребра и череп, снять боль, убрать последствия ушибов и кровоизлияний. Сильвану не было необходимости даже прикасаться, чтобы видеть каждый орган, каждую частичку неказистого тельца. Ведь это существо он сам оживил, совсем недавно собрал по кусочку, сложил воедино, будто изощренную мозаику...

Вот только, закончив лечение, полностью восстановив жизнеспособность и целостность маленького существа, маг остался совершенно опустошенным. Не мудрено — после вспышки ярости, которую он позволил себе излить на предателя, сразу занялся сложнейшим лечением. В сознании его мелькнула запоздалая здравая мысль: нужно было сначала освободиться самому, потратить малую крупицу сил на себя, а затем уже заниматься... Но Сильван не успел толком ужаснуться собственной опрометчивости — он потерял сознание от истощения. И при этом не упал, ибо окаменевшее тело превратилось в статую.

Спустя часы, когда сгустились сумерки, и элементарное заклятье получило необратимую власть над телом мага, превратив его в памятник самому себе, очнулось маленькое существо. Оно чувствовало себя прекрасно — пока не попыталось разбудить человека, застывшего в неудобной позе с поднятыми руками. Маг не отвечал, не шевелился и даже не был в состоянии моргнуть, чтобы успокоить горестно завывшее существо, нелепо прыгающее вокруг него. Сильван никак не мог дать знать своему воспитаннику, что всё еще жив, только скован неподвижностью, способной растянуться на вечность.

Весной Ксаарз благополучно очнулся. Капля от тающего снега упала ему на лицо. На веки. Он разлепил ресницы и часто заморгал, пытаясь вспомнить, отчего хочется плакать. Обида? Несправедливость и беспомощность? Желание куда-то немедленно бежать? Кого-то догнать и выпросить? Кого-то найти? С кем-то встретиться... Не понимая, что за клубок странных чувств застыл в груди, Ксаарз пожал плечами и сладко потянулся: наверное, ему снился дурной сон. За долгую зиму сколько снов ни увидишь.

Глава 1. Лукерья

Ведьма летела на помеле над ночным лесом. Летела невысоко, не быстро. Иногда позволяла себе шалость: задевала пяткой верхушки кудрявых березок. Тонкие свежие веточки с нежными клейкими листочками ласково щекотали босые ноги. Мягкие сапожки ведьма сняла перед полетом, связала пару поясом от платья и повесила болтаться на конце рукоятки метлы. Несмотря на ворчливое настроение, Лукерья хотела напоследок насладиться полетом. Когда ведь еще ей удастся вот так всласть покружить над родными местами? Пусть ёлки шутливо дергают за подол колючими макушками. Пусть обманчиво тихий Лес не спит — смотрит на нее из темноты, снизу вверх. Наверняка уже заподозрил, что она явилась прощаться... Лукерья торопливо отогнала от себя эту мысль, чтобы Лес не почувствовал раньше времени и не донес Яру. Она взяла чуть повыше, ближе к полной луне, сливочно-белой, как хорошо взбитое масло в круглой крынке. Поднялась ближе к синему небу в лоскутках пуховых облаков.

Лукерья заставила себя вернуться к привычному недовольству, к ворчливым мыслям. Так будет легче держать себя в руках, не струсить перед разговором, не дать себе передумать, не расчувствоваться.

Негоже ведьме ее возраста летать на свидания к мужу! На помеле верхом, как сопливой девчонке! Ну и пусть она сама решила жить порознь: она в своем тереме, выстроенном на месте старой избушки, он — во дворце. Ну и пусть она до сих пор стройна и красива, словно двадцатилетняя. Сколько ей лет на самом деле, Лукерья точно не знала, сбилась со счета, давно уже, когда полвека разменяла, а в волосах не нашла ни единого седого волоса. Она тогда в сердцах разбила редкую и дорогую вещицу — маленькое стеклянное зеркальце, что Яр купил для нее в людском городе. Другая бы на ее месте радовалась: ни морщин, ни седины, ни больных суставов. А она, глупая, всего лишь хотела жить по-человечески.

Глупо это — хотеть жить, как люди, взяв в мужья лесного царя. Лукерья умом понимала, а на сердце давно легла тяжесть, непонятная, тревожная, не дающая покоя ни ей самой, ни Яру, который читал жену, как открытую книгу. Еще бы ему не знать, что у нее творится на душе — ведь с малолетства ее растит, один. Как бабка преставилась, так вдвоем и живут. И он ведь поначалу наивно считал ее дочерью, баловал всячески, как мог, ни в чем не отказывал... Не отказал и тогда, когда она подросла и заявила ему о своей отнюдь не дочерней любви. Сперва изумился, растерялся. Пытался даже отговорить. Но сам же вырастил девчонку упрямой и своевольной — самому и пришлось смириться, заставил себя разглядеть в ней суженую... Лукерья торопливо запрятала поглубже воспоминания, разбередившие сердце — впереди показалась темная громада дворца, что возвышалась над кронами окружающих деревьев на половину немалой высоты.

Сонно шелестела Дубрава — дубы-исполины, могучие стволы, раскидистые ветви. Своим обителем Яр также сотворил из дубов: но если у людских жилищ бревна в стенах ложились горизонтально, то стены дворца лесного государя состояли из живых стволов, тесно вставших друг к другу, сросшихся воедино. Вместо побелки их укрывала ровная кора, твердая и серая, точно камень. Корни стали гладкими полами с замысловатым узором из темной и

светлой древесины. Ветви разрослись, превратившись во внутренние стены и перекрытия между ярусами, сплелись в лестницы, галереи, выгнулись сводчатыми потолками и арочными окнами. Высокие светлые окна Яр закрыл витражами. Догадался застудить стеклышки из сосновой смолы, которую окрасил цветочной пылью и травяными соками — сложил в солнечные картины, на которых замерли в кокетливых позах прекрасные дамы с арфами, лютнями и флейтами в руках, застыли под знаменами рыцари в шлемах и латах, выгнули шеи кони в ярких пополах. Когда Лукерья была девчонкой, на эти витражи могла глазеть часами, замороженная.

Лукерья помнила прекрасно, словно вчерашний день: не было в лесу никакого дворца. Были молоденькие стройные дубки, была пустая поляна с одним толстоствольным великаном, который Яр, смеясь, назначил своим «царским престолом». Пришлый эльф преобразил Дубраву по собственному вкусу: вырастил дворец, воспитал себе «придворных» — обучил этикету леших, заставил русалок надеть длиннополые платья, даже водяных сумел приручить и избавить от привычки к беспробудному пьянству. Зажил как истинный Царь — с размахом и положенной по титулу роскошью, со штатом слуг, с дружиной, с приближенной свитой. И Лукерья жила вместе с ним, сперва царевной, затем царицей. А потом ей надоело.

Ведьма плавно спустилась вниз, коснулась земли ногами. Пришлось пробежать десяток шагов, прежде чем помело перестало вырываться из рук, желая продолжить полет. Ровно к парадному крыльцу и добежала. Не по статусу ей такое появление перед царской обителью, но наплевать. Успокоившуюся метлу Лукерья приставила к изукрашенным столбцам крыльца. Уселась на чисто вымытые ступеньки, стала натягивать сапожки. Для ее удобства жуки-светляки, что вместо факелов освещали лестницу и вход, подползли по стене ближе, развернулись брюшками и, тихонько жужжа короткими крыльями, прибавили свечения, из зеленоватого перейдя в голубоватый оттенок.

— Спасибо, дорогуши, — оценила заботу Лукерья.

Жуки не ответили. Зато два чудища, что стояли караулом по обе стороны от дверей, отмерли, прекратив изображать жуткие статуи, с деревянным скрипом и с шорохом жестких перьев склонились в почтительном поклоне.

— Да будет вам, — с улыбкой отмахнулась ведьма.

Вот любит же ее супруг блюсти традиции! Кому, скажите на милость, может взбрести в голову дурная мысль забраться тайком во дворец? Это в сердце Дубравы! Зачем Яр поставил эту стражу? Если чисто для красоты, так надо было выбирать кого-то другого, а не болотного хмыря, напоминающего заросший тиной пенёк, утыканный острыми сучьями-руками, со множеством корявых ног-корешков. И не крылатую поночугу с совиными глазами-плошками и зубастой пастью, из которой торчат клыки-сабли.

Помахав светлякам, Лукерья прошествовала в любезно распахнувшиеся перед ней двери. В переднем зале она невольно зажмурилась от света множества болотных огней, летающих под сводчатыми потолками.

Ее появление, разумеется, не осталось незамеченным. Ведьма немедленно оказалась окружена шуршащей стайкой радостно пофыркивающих и похрюкивающих шуликунов.

— Ну, здравствуйте-здравствуйте! Я тоже соскучилась, — призналась Лукерья. Присела на корточки, принялась гладить эти пушистые комочки легкого меха на тонких ножках-спиченках. Шуликуны, разумеется, тут же втянули все свои иголочки, что прятались в шерстке, и взялись толкаться еще шустрее, прихрюкивать громче. Завозились, зассорились

между собой, запрыгали: каждый хотел, чтобы его погладили хотя бы разок, а еще лучше, чтобы только его одного гладили и никого другого! Лукерью всегда забавляли эти глазастые «ёжики-цыплятки», детишки кикимор от деревенских домовых или младших лесовиков. Яру они тоже пришлись по душе. Пусть из хулиганистых шуликунов и вышла бестолковая прислуга, но лесной царь даже за весомые провинности ни одного не выгнал обратно в людские деревни, где эта мелкая нечисть раньше сиротствовала по грязным углам, от обиды и тоски устраивая смертным всяческие пакости.

За шуликунами встречать царицу подросли служанки рангом повыше: мавки. Бледных девчушек Яр отучил впадать в спячку, теперь они бодрствовали не только в начале лета, но и весь год хлопотали во дворце на роли младших горничных. Завидев Лукерью, девчушки заулыбались, присели в заученном реверансе, придерживая юбки голубеньких сарафанов.

— Лукерья Власьевна! Матушка! — засуетились они. — Как давно вы к нам не заглядывали! То-то хозяин обрадуется!

— Не надо обо мне докладывать, — остановила их порыв ведьма. — Попробую удивить его величество.

Разумеется, ведьма пошутила: уж она-то прекрасно знала, что лесного царя невозможно застать врасплох, ибо весь Лес служил ему ушами и глазами, а дворец в особенности.

Она прошла в трапезный зал, полный света и музыки, шумный от веселого многоголосья толпы придворных и деловито снующей челяди. Повела носом: на длинных столах красовались запеченные утки в яблоках, кабанчики с хреном, всевозможные овощные закуски. Ведьма нахмурилась: пир горой? В чью же честь? Пусть на небе нынче полная луна, но обычно в такие ночи Яр устраивал не пиры, а танцы до рассвета в саду, на вольном воздухе. Почему же сегодня откупорено черничное вино и кикиморы на кухне трудятся в поте лица?

— Доброго здравия, Лукерья Власьевна! — сердечно приветствовал встретившийся на пути знакомый. Некогда это был один из множества безымянных лешаков, тоже ходил, как все, с нечесаными лохмами и клочковатой бородой, в которой застревали сухие сосновые шишки. При царе лешак сделался лесном воеводой: Сил Силыч Болотин, в опрятном сюртучке, в лаковых сапожках, с округлым пузом, подпоясанным алым кушаком.

— Славная ночка, госпожа-матушка! — раскланялся следующий знакомец, Михайло Потапыч Дуболом. Старший воевода, ведающий Заповедным Лесом и Дубравой. Прежде любил в грозном облике медведя пугать деревенских жителей, осмелившихся забрести в его владения по грибы или за валежником.

Впрочем, Лукерья знала всех присутствующих до последнего шуликуна. Более того — всем она была «матушкой», и не только по званию супруги царя. Было время, однажды решил Яр расширить свои владения. Вернее, заслышав о царе, в Дубраву нагрянули лешии соседствующих земель, желающие присягнуть на верность. Лукерья тогда была еще мелкой егозой. Яр, восседая на своем дубовом троне, взял ее к себе на колени — и словно в шутку предложил дать лешим имена. Раз он сам пожаловал им звания воевод, то без имен никак не обойтись. Лукерья долго морщить лоб не стала, быстро придумала, как кого звать. Так и появились на свет вышеозначенные Дуболом и Болотин, а с ними Веснян Березопольский, сменивший шкуру ежа на облик смешливого парня, и Зелентий Заозерный — степенный толстяк. (Последний, к слову, редко навещал дворец по причине отдаленности своей вотчины, и сегодня тоже не явился.) За лешими к царю потянулись водяные, предложили союз и верную службу в обмен на покровительство. И этим Лукерья стала «крестной

матушкой». Ведьма окинула взглядом зал, нашла за длинным столом тучных, светящихся гладкими лысынами речных начальников: Карп Поликарпыч, Сом Семеныч, Лещук Илыч — всегда готовы уговорить ведро горилки на троих.

Всех-то она знала — кроме трех дев, что восседали за царским столом по левую руку от лесного хозяина. Три «грации» в полупрозрачных струящихся платьицах непривычного кроя, словно замотались в мелко смятую простынку и тонкими поясками под грудь перетянули. Все три одинаково худосочные, загорелые до бронзовости, с темными коровьими глазами, с черными волосами, уложенными на головах в косы-крендели. Не иначе иноземки, южанки. Причем что странно, у каждой за спиной стоит по чахлому деревцу в кадке. Саженыцы? Лукерья в недоумении выгнула бровь.

Лесной владыка, он же благоверный супруг Лукерьи, был всецело занят беседой со старшей из своих гостей. Вернее, он усиленно делал вид, будто до сих пор не заметил свою хмурую супругу на другом конце зала. Так она ему и поверила! Вон, даже гостья смешалась, когда хозяин Леса вдруг сменил тон с очаровательно дружеского на бессовестно соблазняющий. Иноземка только ёжилась, не понимая причины перемены в собеседнике. Откуда ей, пришлой, знать, что в дверях застыла, мешая челяди носить блюда, не простая ведьма, как можно было бы решить по скромности поношенного платья, но сама госпожа-матушка. Ради нее Яр и старается — жаждет ее ревности. Да как же! Разбежался. Лукерья только зубами скрипнула, а сама и глазом не моргнула. Будет она ревновать, особенно к этой жердине, ишь чего захотел.

Яр старательно не смотрел в сторону супруги, якобы не ощущая сверлящего взгляда. Лукерья беззастенчиво разглядывала мужа, словно старалась запомнить на всю оставшуюся жизнь. Рано или поздно, но она когда-нибудь состарится и всё-таки однажды умрет вопреки его воле. Он же навсегда останется таким, как сейчас. Точно таким, каким она его впервые увидела много лет назад, будучи мелкой девчонкой. (Не суть важно, что в те времена волосы и глаза у него были другого цвета.) Юный красавец с сияющими очами, в которых можно легко утонуть и потерять себя на веки вечные! А если говорить проще — небольшого роста худосочный эльф.

(К слову, его тщедушная девичья хрупкость начала раздражать Лукерью лет через двадцать после рождения их общего первенца, Евтихия. Сын рос не по дням, а по часам, в шестнадцать сделался настоящим богатырем, вытянувшись почти вдвое выше отца, после чего тоже прекратил взрослеть. И куда это годится — чтобы муж казался ровесником сына? Если не сказать хуже — младшим братом! И по характеру два сапога пара — оба сущие мальчишки. Со временем у ведьмы и царя появилась двойня, но Яр всё равно не изменился. И пусть он прилежно исполнял роль любящего отца, странное ощущение какой-то неправильности у матери семейства с годами лишь укрепилось.)

— Лилька, кто это такие? — спросила ведьма у пойманной за рукав русалки, несущей к столу кувшин вина.

— А леший их знает, Лукерья Власьевна! — отозвалась та.

— Не знаем! — нестройно возразили нашедшиеся поблизости лесные воеводы Веснян и Болотин.

— Дриады это, духи деревьев! — Один водяной Карп Поликарпыч оказался в курсе событий. — Их, бедняжек, из родной рощи прогнали, вот и пришли к нам искать приюта и защиты. Яр-батюшка думает присадить их позади сада, там теплолюбивые южные саженыцы должны прижиться. Олива — дерево полезное. Я, когда вниз по течению спускался до моря,

видал рощи...

На самом деле кто это такие и почему явились с саженцами, ведьму мало волновало, поэтому дальнейшие многословные объяснения она пропустила мимо ушей. Помнится, точно так же однажды в Дубраву приехали и поселились в пещерах под землей малопонятные для нее кобольды. Зато теперь царь получал от них в благодарность множество прекрасных драгоценных камней, которыми с удовольствием украшал свою одежду, раздаривал придворным на праздничные наряды, излишки продавал в городе на ярмарке, чтобы на вырученные деньги купить какие-нибудь иноземные безделушки или запастись пшеницей на зиму, (последнее по мнению Лукерьи было несомненно полезнее). Какую пользу можно будет ожидать от дриад, покажет время. Но Яр безусловно найдет им работу. Нашел же занятие осиротевшим женам домовых, чья деревня сгорела в лесном пожаре — они стали придворными ткачихами. А болотные кикиморы либо кухарят, либо плетут кружева тоньше паутинки, которые также идут частью на одежду, частью на продажу. За это кикиморам заботливый хозяин закупает на той же ярмарке чай, а сладёнам шуликунам — сахарные головы и леденцы на палочках. К слову сказать, крошечный шуликун с огромным леденцовым петушком в зубастенькой пасти — то еще зрелище! Однако ведьме даже эта мысль не улучшила настроение.

Лукерья оценила сегодняшний наряд супруга и не нашла, к чему придраться. Белопенные кружева на манжетах и воротнике с мерцанием золотистой канители. Облегающий кафтан, пошитый на западный манер — малахитовый бархат изумительного глубокого цвета, украшенный изумрудной брошью в золоте и золотыми пуговицами. Не ради гостей вырядился, он всегда любил подбирать наряд в тон собственной изменчивой внешности. (Когда Лукерья виделась с ним в прошлый раз ранней весной, еще не полностью растаяли снега, и поэтому тогда глаза Яра сверкали серебром с крапинами небесной голубизны, волосы же гладко блестели оттенками льда, но у корней заметно потемнели в цвет проталин. Тогда он сменил зимние белоснежные одежды, расшитые искристым «морозным» узором, на костюм из дымчатой серой шерсти.) Нынче в честь начала лета волосы его окрасились множеством оттенков зелени: от болотно-бурого до пронзительно-травяного. Пряди струились по плечам до лопаток, свиваясь в лениво-волнистые локоны. Лукерья вздохнула: похоже, совсем недавно он вновь безжалостно обкромсал свою роскошную гриву. Впрочем, если бы оставил ниже колен, как расхаживал зимой, то пришлые девы всерьез рисковали бы окосеть от нечеловеческой красоты хозяина. Во всяком случае, Лукерья была абсолютно убеждена, что ни одна женщина (или нелюдь женского пола) не сможет остаться равнодушной к очарованию ее супруга. И незаметно для себя самой ведьма вновь крепко стиснула челюсти.

Увидев, как жену перекосило, Яр наконец-то прекратил дурачиться и стер с лица игривую улыбку. Поманил супругу приблизиться.

Лукерья сделала одолжение, подошла — всё-таки он царь, хотя бы при посторонних она обязана выказывать ему уважение. Этому вечному юнцу с чертенятами в глазах, нынче ярко-бирюзовых.

Яр поднялся ей навстречу, ласково взял ее руки в свои. Вот только целовать прилюдно запястья она ему не дала, а то ишь завел привычку любезничать.

— Любимая, разреши представить — дриады, древесные девы. Девы, это и есть моя драгоценная супруга.

Негромкий голос лесного царя журчал ручьем, убаюкивая, заставляя позабыть обо всех

заботах. Против воли хотелось глупо растянуть губы в улыбке и лишь хлопнуть ресницами, утопая в его внимании, словно в мягком пушистом сугробе, и наплевать, что за сладкие грёзы расплатишься жизнью. Но Лукерья справилась с собой, не оцепенела, слава богу ведь не первый год замужем.

— Ваше величество, ваша жена — человек? — не поверила своим глазам дриада, в изумлении позабыв о приличиях.

Ксаарз смерил жену взглядом, будто впервые заметил эту ее особенность:

— Ну да, — вынужденно признал он. Словно извиняясь, ослепительно улыбнулся гостям. — Мы слишком давно вместе, поэтому совершенно не замечаем недостатков друг друга. Тем более достоинств гораздо больше. К слову, именно она подарила мне наследника, с которым вы встретились на границе моих владений.

— Ах, Светозар? Такой очаровательный витязь! Столько шарма! И прекрасные манеры! — наперебой зашебетали гости.

— Светозар? — переспросила Лукерья.

— Евтихий, — кивнул ей супруг.

— Он разве не Светогор? — недоумевала ведьма.

Яр махнул рукой:

— Это уже в прошлом! Ты так редко навещаешь нас, что благополучно пропустила, как он был Ярополком, Яромиллом, Лучезаром, Елисеем... — Лесной царь тяжело вздохнул, всем видом показывая, как намаялся с непостоянным сыном. — Перед отъездом Тишка клятвенно поклялся, что твердо остановился на Светозаре. Такое героическое имя он намерен увековечить в летописях.

— Сколько же их у вас? — ни поспели сосчитать дриады.

— Двое! — сказала Лукерья.

— Трое! — одновременно с женой объявил Яр с гордостью.

Ведьма дернула его за рукав, в тихой злости прошипела:

— А третьего сына ты откуда взял? Лилька, что ль, наконец-то тебе в подоле принесла?!

— Что за глупости! — фыркнул Яр. Не скрываясь от жены, подмигнул русалкам, что обмерли в сторонке, причем упомянутая фигуристая Лилия охотно залилась румянцем, готовая хоть сейчас начать претворять слова в дело.

— Ягодка моя, я ж вместе с дочкой посчитал, — сказал царь, любуясь на пунцовую от ревности супругу. Гостям пояснил: — Милена у нас такая бойкая девчушка, что парням носы утрет!

— Да уж! — Ведьма не удержалась от обиженного ворчания, накопилось у нее. — «Девчушка!» Как вымахала на голову выше матери, так слово ей поперек не скажи. Я теперь в собственном доме не хозяйка, дочка всегда всё знает лучше!

— У тебя в ее годы тоже был нрав не сахарный, — пожал плечами Яр. Не преминул уколоть: — Конечно, тебе тяжело одной с ними справляться. Но я ведь предлагал, чтобы дети жили здесь. А ты мне только Мышонка отдала, и то со скандалом.

— Будто у тебя Милка стала бы шелковой! Еще больше бы ее разбаловал! — вспыхнула Лукерья, не стесняясь притихшего застолья. Впрочем, кого ей стесняться? Все свои, все друг друга сто лет знают. Разве только дриады пришлые, смутились с непривычки. Но раз и эти собираются тут жить, то пускай привыкают к здешним открытым манерам. — У тебя во дворце детей растить? Чтобы они с малолетства видели, как ты с русалками и всякими кикиморами шашни водишь? Без стыда, без совести! Еще бы я тебе дочку доверила! Хватит

того, что ты Евтихия... тьфу, то есть — Светозара с толку сбил! Испортил мне парня!

— Вырастил настоящим мужчиной, — спокойно возразил Яр. И оглянулся на дриады, те наперебой взяли его слова подтверждать, а одна густо-густо покраснела и отвела глаза. Что не укрылось от внимания Лукерьи, чей взор разве только молниями не искрил.

— Кстати, куда ты его отправил? — потребовала ответа ведьма.

— Я не отправлял, он сам решил уехать. Как и положено герою его возраста, захотел путешествовать, — нисколько не стусевался Яр. — Ему сейчас полезно развеяться, нечего дома сидеть. Пусть мир повидает, узнает людей и нелюдей.

— Светозар обещал разобраться с драконом! — поддакнула старшая дриада.

Яр кинул на проболтавшуюся гостью предостерегающий взгляд, но было поздно.

— С каким еще драконом? — угрожающе тихо прошипела ведьма, крепко стиснув руку мужа.

Тот поморщился. И обреченно предложил супруге сесть за стол, на ее законное место.

Дриады наперебой принялись объяснять: мол, была у них священная роща, много веков жили они там, не тужили. Ну и пусть со временем люди перестали считать рощу священной, всё равно это было самое лучшее место на свете. Но в один далеко не прекрасный день явился в их рощу дракон. Девы перепугались сперва, а потом присмотрелись: дракон оказался весьма приятным соседом и галантным мужчиной, с ним и поболтать интересно, и на комплименты он не скупился. Дриады были совершенно очарованы, по доброте душевной и девичьей наивности разрешили ему жить в своей роще. Как выяснилось позже, зря.

Дракон не удовольствовался уютной пещеркой — взялся строить высокую башню. Для чего нагнал в рощу строителей: тех же кобольдов и даже людей. Дриады едва не одеревенели от ужаса — их родная тихая роща наполнилась шумом, криками, грязью!.. Слава Небесам, долго это не продлилось. Дракон многословно извинялся за причиненные неудобства, заставил строителей перед расчетом поработать и садовниками. Они убрали давно мешавшие корням каменные валуны, прорыли от нового колодца каналы для орошения. Дриады почти успокоились, почти уверили друг дружку, что башня в сердце рощи выглядит как-то даже оригинально, загадочно, ее можно красиво оплести плющом...

Однако ненадолго воцарившееся спокойствие нарушило появление новой соседки: дракон прилетел с принцессой.

Ведьму рассказ мало волновал — она следила, как муж слушает. Тот внимал, сочувствовал, кивал. Вот же, Яр усадил супругу справа от себя, держал за руку — и всё равно Лукерья чувствовала себя обделенной! Эта глупая ревность, совершенно ненужная и неуместная, раздражала ее еще больше, чем сам муж, столь бессовестно флиртовавший с гостьями в ее присутствии.

— По каким-то непонятным причинам оказалось, что наш дракон должен опекать эту капризную особу! — возмущенно продолжали дриады. — Ладно, пусть! Мы готовы были терпеть ее истошное пение и ежедневные уроки игры на скрипящей виоле. Мы терпели ее служанок, ее твякающих собачек. И эти вечно дымящие каминны и печи кухонной пристройки. Но к принцессе постоянно ездят свататься рыцари и принцы! И не по одному, а со свитами и дружинами! С конями, которые топчут траву, объедают кустарники. С оруженосцами, которые рубят деревья, чтобы поставить шатры. И эти тоже любят петь!!! Женихи постоянно орали серенады под башней, а принцесса потешалась над ними! И всем она всегда отказывает! О, боги, я готова была ее убить или насильно выдать замуж. Но дракон не позволил!

Дриада схватилась за виски, у нее голова разболелась от одного только воспоминания о пережитом ужасе.

— У нас не осталось выбора, нам пришлось срываться с родного места, по живому обрывать свои корни, — жаловалась древесная дева.

Лукерья кивала. Она была почти готова посочувствовать вынужденным переселенкам. Если бы не одно «но»:

— А причем здесь мой сын? Он что, собрался биться с этим вашим драконом?!

— Ягодка, никто ни с кем биться не будет, — попытался утихомирить жену Яр. — Ты же слышала: дракон вполне вменяемый, дружелюбный. Наверняка Мышонок найдет к нему подход, вместе они что-нибудь придумают.

— Рассуждаешь так, будто сам лично знаком с тем драконом! — вспыхнула Лукерья.

— Не знаком, — пожал плечами Яр. — Вообще за всю жизнь ни одного ни разу не видел, такие они редкие твари. Поэтому прекрасно понимаю любопытство Мышонка, что он так загорелся...

— Или ты рассчитываешь, что Евтихий найдет подход к той принцессе? — перебила ведьма, ее не прельщало получить в снохи капризную иноземку.

— Во всяком случае, Светозар умный мальчик, он сам решит, как поступить. В его возрасте я уже давно был самостоятельным и в указаниях родителей не нуждался, — заявил лесной царь, чем еще больше разозлил супругу.

— Евтихий у нас добрый и наивный мальчик! — зашипела Лукерья. — Ты же в его возрасте успел возненавидеть всех людей и эльфов! Пролить море крови! И ты был не один, у тебя был дружок, ради которого ты угробил множество!..

Чтобы остановить разошедшуюся жену, Яр осторожно привлек ее ближе и поцеловал в губы. Поцелуй вышел кратким и не пылал страстью: одна злая, второй хмурый.

Хозяин Леса поднялся со своего трона, потянул подняться и свою благоверную. Обратился к присутствующим с наказом продолжать пир без них. Ибо ночь коротка, а супругам нужно многое поведать друг другу наедине.

Едва поспевая за быстро шагающим мужем, Лукерья услышала, как за спиной оживилось притихшее на минуту застолье: все загомонили разом, обсуждая разыгравшуюся сцену. В иное время ведьма сгорела бы от стыда, но сейчас лишь стиснула зубы — это именно то, что ей было нужно, зачем она и явилась сюда.

Яр втолкнул ее в двери своей спальни. Сразу прижал спиной к стене, обхватил ладонями ее лицо, требовательно заглянул в глаза:

— Да что такое с тобой сегодня творится?

— Зачем ты отпустил Тишку? — в ее голосе прозвенело материнское отчаянье.

— Успокойся, он уже давно не ребенок! — Яр отступил на пару шагов, в волнении взъерошил себе волосы пятерней.

Лукерья поникла. Яр прав, их дети давно выросли, пора бы уже привыкнуть к этой мысли.

— Мышонок зачех бы здесь, — продолжал Яр, взялся мерить шагами просторную комнату. — Ему нужно было уехать, понимаешь? Тем более он не один отправился, с ним Полкан. И не моя вина, что на границе они столкнулись с этими дриадами, которые готовы каждому встречному жаловаться на своего дракона. Тишка грезит о подвигах — как я мог его остановить?! Все герои в балладах побеждают драконов! Конечно, ему тоже приспичило.

Он говорил, оправдываясь перед нею, а Лукерья смотрела на него, впитывая каждое

движение, будто в последний раз видит. Он безусловно прав, зря она разволновалась. Их старший сын не блещет умом, но и дураком его никто не назовет. Евтихий-Светозар добр, отзывчив, но так же и благоразумен. В конце концов, он сын своего отца, а значит никогда не станет никому доверять без оглядки, в ущерб собственной безопасности. Тем более в компании Полкана, осторожности которого с лихвою хватит на двоих.

Яр расстегнул кафтан, ставший сейчас слишком душным. Лукерья не отводила глаз. Переливчатый зеленый бархат смотрелся на нем великолепно. Впрочем, не в роскошной одежде дело. Когда он впервые переступил порог избышки, в которой Луша жила с бабкой, то даже в своих обносках, сияющих заплатой на заплате, Ксаарз держался с достоинством, какое дается не всякому принцу крови.

— О чем ты молчишь? — потребовал ответа лесной царь.

— Щур умирает, — отвела взгляд Лукерья.

— Ну и что? — не посчитал нужным скрыть усмешку Яр. Вздыхнул с облегчением, будто подозревал нечто гораздо более ужасное, чем эта новость. Это и новостью-то назвать нельзя.

Лукерья вспыхнула: здесь не над чем смеяться!

Щур был единственным человеком, кого терпел и даже по-своему уважал Яр. Щур долгие годы был знахарем, провидцем, колдуном — сердцем и разумом своего племени. Старейшины всех родов, что жили в болотистых чащах на левом берегу реки Матушки, беспрекословно слушались его советов. Благодаря Щуру вечное противостояние между жителями Нового Города и племенем нехристей удавалось свести к сравнительно небольшим стычкам. Он вел переговоры с городскими военачальниками, когда приходилось выкупать пленников после очередных вылазок, регулярно совершаемых обеими сторонами. Щур спас столько человеческих жизней, что и сосчитать невозможно!

И всё равно Яру наплевать на чужую смерть? Бессмертный лесной царь оказался бессердечнее, чем думала его жена.

— Сколько ему лет? Дряхлый старикашка давно стоит одной ногой в могиле. Только твои заботы поддерживали в нем жизнь. — Яр подошел, обнял супругу. И та не нашла в себе сил оттолкнуть, сбросить его руки.

— Почти век. Без десятка сотня, — призналась ведьма.

— Ну и покажи мне другого такого долгожителя? — негромко рассмеялся хозяин Леса. — Смертные столько не живут! Ему еще повезло, помыкался по земле вдосталь, все волосы на голове растерял до последнего, зубы сточил до корней, а ты горюешь.

— А я? — прищурилась Лукерья. — Я ведь тоже смертная! Щур младше меня — и вот он умирает, немощным, больным, старым.

— Ты другая. — Яр заставил ее поднять голову, держа за подбородок, погладил большим пальцем по-девичьи пухлые губы. — Ты моя жена. Лесная царица. Ты давно уже не простая смертная. Разве ты это забыла? Напомнить?

Лукерья отвернулась, уткнулась лбом в его плечо. Заговорила с болью:

— Ты сам знаешь, что принесет его смерть. Он столько лет сдерживал гнев своего народа. Как только Щур умрет, польется кровь. Рекой! Голоса старейшин не слышны за кличами молодых вождей, они хотят биться.

— Это дело людей, не моё, — отозвался Яр, безмятежно обнимая жену, оглаживая ее плечи, спину, лаская затылок, зарываясь пальцами в густые волосы, в которых не было ни единой нитки седины. — И уж точно это не твоя забота.

Лукерья надулась: что бы Яр ни говорил, она никогда не откажется считать себя человеком.

— Перестань, — попыталась оттолкнуть его руки Лукерья. Ей было не до нежностей. Единственный человек, которого она может назвать другом, умирает в одиночестве, среди болот, в глухомани. А бессердечный Яр жаждет ее ласки. — Не надо, прекрати.

— Не прекращу, — жарко прошептал ей на ухо лесной владыка. Сильнее прижал к себе, без лишних слов показывая, что не отпустит, как бы ни просила. — Сжался! Я два месяца охотился за тобой по всему лесу. Почему ты так жестока со мной? Почему приходишь так редко? Чем я провинился перед тобой? Ягодка, сладкая моя, любимая.

Яр не желал видеть свою жену такой чахлой, унылой, расстроенной. Да, он уважал Щура, причем по причинам, о которых Лукерье знать не нужно. Но о чем скорбеть? Так можно печалиться о воде, что утекла из прохудившегося бочонка? Или о дожде, что выпал на траву и спустя время высох без следа. Лесной царь хотел видеть свою супругу жизнерадостной. И он знал верный способ, как насытить ее уставшее тело звенящей полнотой силы.

— Отстань! — уже совсем нетвердо отнекивалась Лукерья, безудержно тая в его чутких руках и не замечая, что сама стаскивает с его плеч кафтан. — Я не могу! Я как будто с Драгомиром целуюсь!

Яр ухмыльнулся: вот в чем причина. Он прикоснулся губами к ее векам, заставив закрыть глаза. И отступил, отошел к широкой кровати.

Лукерья быстро облизнула горящие губы. Пусть она заранее прекрасно знала, чем закончится этот день, но собственная отзывчивость опьяняла. И заставляла еще раз задуматься, стоит ли... Но как же хорошо, что в объятиях Яра думать она никогда не умела! Поэтому и передумать не получится. Она всё решила. Это будет в последний раз.

— Посмотри на меня, — сдерживая смех, приказал хозяин Леса.

Лукерья распахнула глаза. И как девочка, залилась румянцем. Яр безусловно знал, как просить, чтобы она не отказала. Сейчас перед нею стоял не тот юноша, которого можно было принять за близнеца их младшего сына. Перед нею горделиво расправил широкие плечи мужчина. Яр оставался Яром, но изменил облик до «взрослого» — прибавил в росте, сделавшись выше себя самого прежнего, выше Лукерьи на голову. Изящное тело оделось в броню рельефных мускулов, не потеряв стати. Волосы окрасились в обычный человеческий цвет. Лицом возмужал, огрубел, но на губах играла всё та же лукавая улыбка.

Этот облик был ей прекрасно знаком: в таком виде лесной владыка наведывался на Ярмарку, что ежегодно устраивали подле крепостных стен Нового Города. В этом облике Яр с удовольствием толкался среди людских толп, бойко торговал привезенными из Дубравы товарами: кружевами кикимор, самоцветными камнями кобольдов и обычными дарами леса, коих всегда имел в огромных запасах. Ради забавы продавал изготовленные собственными руками безделицы: гребешки для волос, украшенные вместо перламутра остекленевшими крыльшками мертвых бабочек, заколки, всевозможные брошки с дохлыми переливчатыми жуками в прозрачной смоле. Однажды Лукерья встретила мужа на людном базаре — и не узнала. Застыла столбом посреди толчеи, словно вкопанная. А он потом до вечера над нею потешался и лишь ночью раскрыл личину, едва не доведя жену до сердечного удара: шутка ли, до умопомрачения возжелать изменить мужу с первым встречным! Который всё тем же мужем и оказался.

— Ты же знаешь, мне безразлична внешность, — хрипловато шептал Яр, увлекая ее на

постель. — Если прикажешь, я всегда буду таким. Хочешь?

— Не-ет, — выдавила Лукерья, покорно подставляясь под поцелуи. — Врешь! Тебе? Нет, совсем не безразлична. Постоянно видеть тебя таким? Ни за что! Я слишком стара, чтобы сходить с ума с тобою каждый день. Я не выдержу.

— Каждую ночь! — поправил Яр, нарочито медленно избавляя супругу от одежды, сопровождая прикосновениями, от которых у Лукерьи горела кожа и верно закипала кровь. — Ведь ты хочешь, чтобы я старел, как человек? Дряхлел вместе с тобою. Ты же хочешь, чтобы мы жили, как люди. И чтобы умерли в один день и легли в одну могилу.

— Ты не можешь, — прошептала она в ответ. В порыве села на постели, прильнула к нему, обвила ногами за пояс, рывком стащила с него рубашку. С наслаждением вцепилась пальцами в волосы, темно-русые, наконец-то не зеленые. — Не смейся надо мной, пожалуйста.

— Я не смеюсь, — ответил он серьезно. — Я пытаюсь тебя понять.

— Ты никогда не сможешь, — едва слышно выдохнула она в его губы.

Теперь одежда не мешала им всецело чувствовать жар друг друга, разделять друг с другом нетерпение перед страстным единством. Но при всём влечении они не спешили, не торопясь, одаривали друг друга ласками и поцелуями, когда жгучими, когда невесомыми.

Он знал ее заветную, противоречивую мечту. Но не понимал и не принимал. Умереть в один день? Зачем? Что за нелепость — желать себе и возлюбленному старости! Вместо этого Яр дарил своей ворчливой ведьме бесконечную юность. Каждый раз, в каждый миг их супружеской близости, он беззастенчиво пользовался своей силой владыки Леса. И Лукерья ничего не могла с этим поделать, ей приходилось принимать этот непрощенный дар.

— Почему ты мне не изменяешь? — настойчиво шептала она, сопротивляясь умопомрачению из последних сил.

Он с удовольствием зажал бы ей рот, но ведь в таком случае она пройдет по его ладони горячим влажным языком, моментально сведет его с ума, а он не мог себе позволить опозориться. Поэтому Яр продолжал выцеловывать ее живот, коварно спускаясь всё ниже, чтобы заставить женушку наконец-то применить голос правильно — стонать под мужем, а не читать ему наставления.

— У тебя же есть Лилька, Ивушка, Злата... — на выдохах перечислила Лукерья имена русалок. — Почему ты не осчастливишь их? Хоть по отдельности, хоть всех вместе. Зачем тебе я?

— Ты еще Лельку и Заринку забыла помянуть, — рыкнул Яр. — Потому что моя жена — ты, а не они!

— Но они принадлежат Лесу и тебе всем своим существом. Я же когда-нибудь всё равно умру.

— Из-под земли достану и оживлю, — пригрозил Яр. Приподнялся над нею на вытянутых руках, сердито заглянул в глаза: — Ты мне только попробуй! Умрет она, как же! Ради такой оказии я даже не поленюсь, разыщу Сильвана. Станешь тогда поистине бессмертной!

— Кошмар какой! — фыркнула Лукерья.

Сильвана она знала лишь понаслышке: бывший приятель Яра, черный маг, практиковавший некромантию. Похоже, ей удалось разозлить мужа всерьез, раз он припомнил имя того, о ком старался лишней раз не упоминать вслух, даже спустя век не простив какую-то крепкую обиду.

Однако ведьме удалось испортить мужу настроение. Яр уткнулся носом ей между грудей и замычал в досаде. Лукерья со смешком погладила его по волосам — снова зеленым. Вновь юный лесной царь оторвался от жены, перевалившись на бок, растянулся на постели рядышком. Закинул руки за голову. Глядя в сводчатый потолок, признался:

— Тишка едва не увял. Если был бы человеком — наложил бы на себя руки.

Лукерья сглотнула. И это хотели от нее, от матери, утаить? Яр же продолжил нарочито беспечным тоном:

— Говоришь, Лилька, Заринка, Лелька, Злата, Ивушка? Да и кикимор, тех, что посимпатичнее, тоже можешь в список зачислить. Их всех Мышонок перепробовал. Неужто я у родного сына буду игрушки отбирать?

Про безудержные похождения старшенького Лукерье было в общих чертах известно, в подробности же она не вникала. Более того, сынок и по деревням успевал прогуляться, завести среди людских девушек подружек. Извиняло неразборчивость сына то, что он не старался кого-либо обольстить нарочно. Он был настолько красив и легок нравом, что девчонки сами, не задумываясь, вешались на него, а у него не хватало жесткости их оттолкнуть. Хорошо хоть наследие Леса позволяло ему самому решать, даст ли семя «росток» или нет, иначе все деревни обзавелись бы златовласыми мальчуганами-богатырями и синеглазыми девчонками-красавицами.

— Я и говорю, от тебя дети только разврату научатся, — покачала головой ведьма.

— Где бы взять этот разврат, если я никогда тебе не изменял? — ровно отозвался Яр. Эти шутки ревнивой жены ему наскучили еще до рождения двойняшек, уже даже злиться сил не хватало. — И ты это прекрасно знаешь сама.

— Зато до меня нагулялся всласть. Яблочко от яблоньки! — бросила, отвернувшись, Лукерья.

Потянулась было за простынкой, чтобы прикрыться. Но Яр не дал — вдруг прильнул к ней с силой и нежностью. Уткнулся лбом между лопаток, обхватил руками и ногами, зашептал:

— Я еле его выходил. Тишка с кровати подняться не мог. Ты бы видела: глаза потухли, не синие — черные. Волосы не золото, а солома прелая. Исхудал. Говорить не мог. Я едва выпытал — оказалось, он случайно повстречал у реки свою первую любовницу. Помнишь ее?

Лукерья кивнула неуверенно, давно это было.

— Беззубая старуха на седьмом десятке лет. Сгорбленная, иссохшаяся, глухая. Представь, она его узнала. Мышонок влюбился в нее без памяти, помнишь? И спустя полвека встретил. Такую. Скорее уже мертвую, чем живую. Она ему рассказала, как прожила эти годы после разлуки. Помнишь, мы наврали ему, что она изменила ему с парнем из чужой деревни? Так всё и вышло по правде: ее позвали замуж, она уехала. Нарожала детей, похоронила мужа. Потом кто-то из внуков перебрался обратно сюда, и ее с собою взял, очень она хотела в эту землю лечь косточками. Знаешь, как Тишка ручьем ревел, пока мне это рассказывал? А ты говоришь, не пускать его к дракону. Да пусть хоть куда едет, лишь бы забыл о ней. Я его едва образумил. Говорю: «Что ты будешь со старухой делать? Ну, помрет у тебя на руках, что за радость тебе-то? Не ты ей был мужем всю ее жизнь, лишь одно лето вместе провели. Сколько у тебя их всего было-то, этих девиц? Неужели теперь каждую хоронить станешь? Не твои они, не тебе и под землю провожать.»

Лукерья молчала. Только сердце покалывало: а если бы она сама оказалась на месте той

старухи? Ведь поэтому Яр и держит ее молодой, чтобы не мучиться самому, видя ее угасание.

— Он должен был увидеть смерть, — глухо произнесла она. — Одну. Чтобы понять цену чужой жизни. Хотя бы один раз. Чтобы понять разницу между человеком и лесным зверем. В его возрасте ты умел убивать людей...

— Убивать! — с чувством перебил ее Яр. — Только не тех, кого любил! Я знаю, как умирают люди. Я знаю, как вы устроены. Ты — ведьма, знахарка, столько не знаешь, сколько видел я. Я вытащил Сильвана с того света, я его собрал по косточкам собственными руками, залечил растерзанные внутренности, поставил на ноги. А ног ведь не было вообще, потому что они сгорели на костре. Остались в пепле — пеплом! Но я не любил его тогда. Я его не знал. Я просто изучал строение человека. Возвращая к жизни, легко причинял ужасную боль из холодного любопытства. А Мышонок? Откуда ему знать, какие вы хрупкие? Как вы легко ломаетесь? Как быстро стареете? Вот пусть погуляет по свету и поймет — на чужих людях, не на тех, которых считает своими.

Лукерья развернулась, прижала мужа к груди, обвила руками обманчиво слабое худенькое тело юноши.

— Значит, ты поймешь меня, — сказала она. — Я завтра уеду.

— Куда еще собралась? — вырвавшись из крепких объятий, недовольно буркнул Яр, сверкая глазами.

Она не удержалась, сняла остывшие слезинки с его ресниц губами. Улыбнулась:

— К Щуру же. Хочу проводить его. Всё-таки он был единственным человеком, который нам помогал. Считаю, стал мне почти родным. Больше среди людей у меня никого нет, сам знаешь.

— Делай, что хочешь, — проворчал лесной владыка. Поднялся с постели, накинул кафтан: — Извини, меня зовут, нужно по делу. Ненадолго.

— Я дождусь тебя, — кивнула Лукерья.

— Как хочешь, — чуть слышно ответил Яр. И ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

Она дотянулась, взяла с прикроватного высокого сундука серебряное зеркальце на ручке, полюбовалась на свое отражение. Так и есть! Пусть до «основного» не добрались, муженек всё равно успел ее омолодить: губы сделались сочнее, груди выше, кожа посвежела. Кажется, даже волосы заблестели ярче и стали гуще. И едва намечавшиеся морщинки в уголках глаз, разумеется, совершенно разгладились. С кривоватой усмешкой, пряча досаду на мужнино самоволие, Лукерья бросила зеркальце обратно:

— Опять сделал меня моложе Милки. Просила же не увлекаться! Как дочь будет меня уважать и слушаться, если она сама выглядит старше матери?

Покинув опочивальню, лесной царь направился через смежные покои к узкой неприметной двери, за которой находилась крутая винтовая лестница, ведущая вниз. Его сопровождал услужливый жук-светляк, сонно жужжал над ухом, добавляя к не радужному настроению ноту раздражительности. Впрочем, Яр даже взглядом не дал понять жуку, что ему не рады, напротив, улыбнулся и приветливо кивнул, отчего тот засветился ярче и зажужжал громче.

Последним витком лестница упиралась в сплетение необхватных корней. Яр оказался

под дворцом. Если бы стены были сложены из камня, это называлось бы подземельем, темницей. Но владыка Леса никогда не держал узников, и холодным каменным мешком подвалы дворца точно не назвать. Это было истинным сердцем дворца — корни, взрывающие землю, несокрушимо держащие стволы-стены, возносящие ветви-ярусы, верхушки-башни в головокружительную высоту, корни, питающие всё огромное сооружение царской обители.

Яр подошел к центральному дубу-великану. Выше ярусом, в парадном зале, в арке под расщелиной в стволе этого великого дерева, под балдахинном цветущих вьюнов стоял узорчатый трон Лесного повелителя. Здесь же, глубоко внизу, никому неведомый располагался тайный, истинный престол — ложе среди корней. Яр опустился на землю, покрытую мягким мхом, и в мгновение ока его тело оплели взметнувшиеся тонкие нити. Закрыли даже лицо, плотной повязкой легли на сомкнутые веки. И бережно втянули под покров расступившегося мха.

Жук-светляк сел на ближайший изгиб корня, сложил крылышки и погасил свечение, приготовившись ждать.

Миг спустя вдалеке от дворца, на крайней границе владений Яра, в болотной жиже, что скопилась на дне лесистого оврага, зашевелились донные отложения: ил, слизь, разный мусор вроде палой листвы, увязшей и утонувшей мелкой живности. Лес по воле своего повелителя из всего этого смердящего материала создавал двойника хозяина. «Гомункул» рывком поднялся из болотной лужи, встал в полный рост: человекоподобный, но ужасающий своим противоестественным мерзким видом. Яр, покоившийся под корнями дуба, соединился разумом со своим искусственным подобием, получив возможность присутствовать в двух местах одновременно — и вершить царское правосудие даже в столь отдаленном уголке своих земель.

— Ваше величество! — приветствовал двойника сам местный воевода, дородный леший с седыми повислыми усами, едва тот выбрался из оврага, оставляя на пологом склоне след мокрой грязи.

Двойник сперва булькнул, кашлянул, пробуя голос. Просипел в ответ:

— Доброй ночи, Зелентий.

— Не столь уж доброй, царь-батюшка, — отозвался воевода.

Без излишних пояснений указал на бездыханное тело медведицы с кровавой раной в боку, на троих притихших дрожащих медвежат, льнущих к остывающей спине матери. Яр кивнул. К сожалению, смерть уже забрала свою жертву, и оживить тело без крохотной искры жизни даже лесному владыке было не под силу.

«Царь» и воевода пересекли поляну и подошли к пойманному охотнику. Тот стоял на коленях, низко опустив голову, не порывался сбежать, удерживаемый ужасом перед болотной нечистью, что окружила его тесным кольцом. Перед двойником владыки нечисть расступилась. Человек поднял белые от страха глаза, челюсть его заметно тряслась.

— Зачем на мать поднял руку? — прохрипело Ярово подобие. — Или тебя деда-отцы заветам не учили?

— Пощади, Хозяин! — сообразил, признал-таки в чудовище лесного правителя охотник. — Не видел! Ей-богу, не видел ее детушек!

— Видел, — жестко перебил леший. — Продать, вестимо, задумал медвежат скоморохам для потехи. Целый день зайцев бил, куницу для вида выслеживал, вот и не доглядели за ним. Каюсь, мой промах, царь-батюшка.

— За всеми не уследишь, — простил воеводу Яр. — Развелось людишек слишком много, да о совести совсем забыли. Законов не помнят, ни лесных, ни собственных человеческих.

Охотник, слушая, затрясся еще сильнее. Порывался в ноги упасть, но болотная нечисть не дала, на резкое движение схватили за шиворот, встряхнули, чтобы не отводил глаза, когда с ним сам царь говорит.

— За умышленный вред смертью должен ответить! — прогремел Яр. И грозно шагнул к пойманному, замахнулся. Но не ударил.

Всхлипнув, охотник прикрыл голову руками.

— Правша, значит, — определил Яр с холодной злостью. Отступил на шаг.

Человек, не веря, что его живым оставили, робко выглянул, но руки опускать не решился.

— Быстрой смертью не отделаешься, — сообщил владыка. — Всю жизнь будешь помнить свой грех. Коли вправду раскаешься, повторно не согрешишь и другим станешь напоминать о завете, что я заключил с вашими прадедами — через дюжину лет прощу. До того дня ходи и мыкайся, на посмешище и поучение прочим смертным.

Охотник заорал от боли: правая его рука, от самой ключицы до грязных ногтей, загорелась невидимым огнем. Кости жгло и выкручивало из суставов. Мышцы сводило, они усыхали на глазах, истончались в пергамент, пока от руки не осталась какая-то скрюченная сухая ветка.

Поняв, что с ним сотворили, человек разразился бранью. То ли такой неумный попался, то ли решил схитрить и вместо многолетней пытки попытался добиться мгновенной гибели. Яр, вскипев, лишил его за непочтение левого глаза. И в отличие от руки глаз не пообещал вернуть через срок.

Кривясь от презрения и брезгливости, Яр обернулся к лешему:

— Примешь на воспитание сирот?

Тот взглянул на хнычущих медвежат, вздохнул:

— Приму, куда ж деваться. Дочурке отдам, пусть нянчится.

Распрощавшись с воеводой, лесной хозяин отвел своего двойника обратно в овраг, где вновь растворил в болотной жиже.

Яр не спешил разрывать тончайшие нити связи. Потратил несколько лишних минут, лежа в покое под покровом мха: тщательно осмотрел свои владения, обманчиво тихие в ночной темноте. Не удержался, заглянул на границу земель, нашел старшего сына — тот спал. Поэтому Яр не стал его тревожить и коснулся сознания верного своего коня Полкана. Тот обрадовался весточке из дома, в свою очередь доложил повелителю, что у них день прошел спокойно до скуки. Яр попросил задержаться на границе, ему хотелось перед долгим расставанием еще раз увидеться с сыном. Чудо-скакун обещал исполнить просьбу. Лесной царь улыбнулся, зная, каким изобретательным бывает его необыкновенный конь, когда дело касается проказ — даст урок даже шуликунам.

Следующими Яр незримо проведаль своих младших. Он редко позволял себе «подсматривать» за повзрослевшими отпрысками, но сегодня сделал исключение. Тем более двойняшки нашлись на крыльце материнского дома, перед сном вышли насладиться прохладным ветерком и переливчатыми звездами на высоком синем небе.

— Козу подоил? — требовательно перечисляла Милена.

— Угу, — привычно невозмутимо кивал Драгомир. Он стоял, облокотившись на резные перильца и запрокинув голову к небу.

— Мать сказала, что долго не вернется, — напомнила дочь. — А корма ей задал?

— Матери-то? — фыркнул Мир.

— Козе! — рассердилась Милка.

— И козе, и поросю, и курам, — смеясь, перечислил брат. — И соседушке молока поставил крынку.

— Это правильно, — кивнула, поуспокоившись, Милена.

Яр не стал вмешиваться в разговор, разорвал связь, пока его не заприметили. Не хватало еще выставить самого себя тревожным папашей, эдаким петухом-наседкой.

— Папаня, что ль? — шепотом спросила Милена.

— Угу, заглянул на минутку, — подтвердил Драгомир, которому тоже мало нравилось находиться под тайным родительским присмотром. — Уже «ушел».

Милена прислонилась к фигурному столбцу, держащему козырек крыльца, тяжело вздохнула.

— Опять кого-то услышала? — обернулся к сестре Мир. — Воды принести?

— Нет, прошло уже, — отмахнулась Милена. Потерла пальцами лоб, сдвинув расшитую жемчугом ленту выше на волосы. Да торопливо поправила обратно, огладила ладонью толстую косу.

— Опять какая-нибудь медведица или рысь своих зверенышей в темноте потеряла. А ты за всех беспокоишься, — проворчал Драгомир. — Или деревенский ребенок заблудился, аукает, соплями хлюпает. Найдутся сами!

— Нет, тут совсем другое, — не вспыхнув против своей привычки, тихо отозвалась Милена.

— А, опять твоя далекая несчастная страдалица?

— Очень далекая. Даже не знаю, где ее искать. Но за пределами отцовских земель, это точно. Где-то на закат, к северу.

— Очень подробные сведения! — хмыкнул Драгомир.

— А что ты хочешь: я едва ее слышу! И вообще не каждую ночь. Иной раз неделями молчит, как ни прислушиваюсь, будто умерла... Нет, всё! Мать пока не вернулась, я поеду. Хочу наконец-то выяснить, что там стряслось, — решительно заявила Милена. Брат вместо ответа пожал плечами.

В дом они не заходили, потому что там их подслушал бы соседушка-домовой, который мог по доброте душевной обо всем немедленно доложить отцу. И не докажешь, что уже сами за себя решать вправе! Вон Евтихия ведь отпустили гулять по свету, да и сам папаня в их возрасте успел пройти полмира и осесть здесь, в чужой для себя земле, освоиться и царство под себя вырастить. Нет же, они-де еще маленькие! А Миленка вообще девушка, мол, негоже ей без опеки невесть где носиться. Тем более и непонятно, куда ее заведет любопытство.

— Понимаешь, не могу я сделать вид, будто оглохла, — в который раз принялась объяснять брату Милена. Тот кивал, понимая, что она больше для себя самой рассуждает вслух. — По ночам слышу сквозь сон, словно зовет кто-то. И не меня, нет. Дочку свою потерявшуюся, что ли. Или ушедшего друга... Я не могу разобрать слов. А чувства такие острые, жалобные, плач прямо за сердце берет! Ну не могу я тут сидеть, если кому-то настолько плохо, понимаешь? А вдруг кроме меня и помочь-то ей некому? Ведь если б был кто-то там рядом, так давно б помогли, успокоили бы!

— Как же, дождешься! — фыркнул Драгомир. — Отец что о людях рассказывал, помнишь? От них помощи ждать нечего. Своих же камнями забивают по праздникам. А раз

ты эту страдальницу слышишь, значит не человек она. Может, колдунья, может, еще кто.

— Наверное, — согласилась Милена. — Значит, тем более я обязана помочь.

Драгомир и не возражал.

— Матери можешь не говорить, а вот у отца отпроситься придется, — сказал он. —

Даже если по воздуху полетишь, всё равно он тебя заметит и потребует ответа.

— Ну, уж папке как-нибудь зубы заговорю, не волнуйся, — заявила с хитрой улыбкой сестрица. — Улечу гулять, а тебя тут оставлю! За козой и курицами присматривать.

— А я с тобой и не собирался, — проворчал Драгомир.

Сестрица, пользуясь преимуществом своего высокого не по-девичьи роста, со смехом дотянулась, взлохматила ему волосы на макушке. И радостно убежала в дом, пока не словила в ответ шлепок по мягкому месту.

Яр вернулся в спальню. И на миг застыл на пороге: Лукерья не ушла всё-таки. Завернулась в лоскутное одеяло, сложила руки в замочек на высокой груди — лежит, ждет мужа как примерная женушка.

Заметив его появление, Лукерья приподняла бровь с нарочитым безразличием:

— Опять убил кого-то?

— Надо было убить, — мрачно ответил Яр. Неторопливо разделся под пристальным взглядом супруги, но ради ее удовольствия надевать «мужественный» облик не стал. — Покалечил другим для примера. Дал срок раскаяться.

Лицо ведьмы осветилось улыбкой: подобного милосердия к человеческим существам от мужа она давно не помнит. Она сбросила с себя одеяло и протянула к нему обе руки.

Яра долго уговаривать не надо было — кинулся в объятия, выпрыгнув из сапог. Вот только буквально в полете над кроватью не удержался от шутки: из юноши превратился в малютку-фею с огромными крыльями бабочки за спиной. Пару секунд порхания над постелью, рассыпая искры мерцающей пылицы с крыльев — в наслаждении богатством чувств супруги: удивление, досада неуместным легкомыслием, смирение с неисправимой сутью сумасбродного муженька. И приглашающая улыбка. Яр «нырнул» — с наслаждением зарылся головой по самые плечи между грудями жены, обхватил руками под бюстом, колышущимся от смеха, ногами попытался объять талию, да кукольной длины не хватило. Затих, блаженствуя.

Лукерья двумя пальчиками ласково погладила ядовито-зеленую взъерошенную макушку крошки-муженька. К медленно взмахивающим крыльям прикасаться было боязно.

— Как неловко, — признала со смешком ведьма, — теперь ты заставляешь меня чувствовать себя не просто старой развратницей, а совратительницей младенцев.

— Еще минуточку, пожалуйста, — глухо донеслось из заманчивой ложбинки между мягких округлостей.

— А зачем ты опять косу свою остриг, м? — спросила Лукерья. — Меня не спросил, напоследок полюбоваться не дал. Если я не ношу косу, это что значит?

— М-м? — послышалось разнеженное из-под бюста.

— Это значит, что твоя косица принадлежит мне, — вывела ведьма, игриво скользя пальчиком по охотно изгибающейся спинке.

— Заколебался я, — признался без шуток Яр. — Хотел оставить, но терпения не

хватило. То сам себе на волосы сяду. То шуликуны дверями прищелят: я уже вроде как зашел, а конец косы еще нет, а они нарочно не замечают и двери захлопывают. Больно, знаешь ли.

Лукерья беззвучно посмеялась: удалось пустячным разговором отвлечь мужа от мрачных мыслей. В детстве она в будущем тогда возлюбленном эту его расчудесную косу больше всего обожала — гладкая, блестящая, пестрая. Ленточки вплетать не надо, и так красота на загляденье. Прядки ярко-зеленые — это в честь трав луговых. Буро-болотные — в честь топей, где своя зелень растет. Темно-хвойная — как тенистые ельники. Веселая с золотинкой — как трепетные листики березок в светлых рощах. Серебристые, словно бы седые — значит, где-то в северных землях еще не везде сошел снег с земли. Черные пряди, как уголь — напоминание о выжженных пожаром участках. Вся палитра леса всегда при нем, у хозяина буквально о каждом кусте голова болит.

Яр неохотно отлип от ее персей, приподнялся над нею на вытянутых руках, одновременно с тем возвращая себе облик прекрасного, вечно юного эльфа. И ради ее каприза встряхнул головой, распустил шелковую гриву отнюдь не до лопаток — ниже пояса, окутав их обоих переливчато-зеленой волной вьющихся локонов. Лукерья не удержала покоренного вздоха.

Повелитель навис над нею, заглянул в глаза, мерцая завораживающими очами. Лукерья, чуть краснея, без подсказок сползла с высоких подушек пониже, молча принимая власть супруга над своим телом, что вновь объял жар томления. Яр прикоснулся мягкими губами к ее виску, к щеке, к шее с часто трепещущей жилкой. Лукерья подняла руки, обвила его за шею, притянула к себе ближе. И прошептала в острое ушко:

— Когда меня здесь не будет, присмотри за Драгомиром.

Яр чуть отстранился, насколько она позволила, не убирая рук.

— О Милке, значит, позаботиться не просишь?

— Миленка сама о себе позаботится. Вечно у нее что-то на уме. Самостоятельная очень выросла, никогда совета не спросит. А Мирош... он... Ты постоянно тискаешь Милку, Тишка тискает тебя, а Драгомир смотрит на вас голодным волчонком, завидует. А когда ты зовешь его подойти — он убегает. Хотя очень хочет быть с тобой.

— Знаю. — Яр прижался к ней, чтобы не смотреть в глаза.

— Знаешь? И давно? — напряженно уточнила Лукерья.

— Давно, — признался Яр. — Раньше, чем ты заметила. Даже раньше, чем он сам догадался.

Лукерья вздохнула. Отталкивать, сбрасывать его с себя не стала. Наоборот, прильнула крепче. Яр выдохнул, словно получил прощение за не свою вину.

— Это скоро пройдет, — уверенно сказал он. С неловким смешком добавил: — Со мною в его возрасте было еще хуже. Но прошло моментально, всего за один поцелуй.

— И один удар, — невесело поддакнула супруга, нежно погладила его по щеке, коснувшись кончиками пальцев едва заметного шрама.

Он перехватил ее пальцы, стиснул в горячей руке, осыпал поцелуями.

— Но он ведь и мой сын, — пошутила Лукерья. — А со мной это наваждение не прошло. Не развеялось за целый век.

— Правда? — мурлыкнул Яр, лапаясь, словно кот. — Почему же ты так упорно пыталась мне доказать обратное?

— Когда это? Не было такого! — притворно изумилась Лукерья, подставляясь под

поцелуи и в ответ скрепящая на поясице мужа лодыжки.

Препираться дальше Яру не захотелось.

— Наконец-то у нашего величества хороший аппетит!

— А госпожа-матушка еле в тарелке ковыряет, ты глянь-ка.

— Видать, не выспалась ночью!

Шушукавшиеся в уголке русалки громко хихикали, нисколько не заботясь о том, что тонкий слух царственных особ и прочих присутствующих нелюдей позволяет расслышать каждое сказанное шепотом слово.

Лукерья с трудом дождалась, когда затянувшийся завтрак подойдет к концу. Воеводы никуда не спешили, после обильной трапезы налили себе и водяным по рюмочке настойки «для пищеварения». Яр потягивал травяной чай, прикидывая в уме распорядок дел на день.

Лукерья решительно встала с места, оглядела собрание:

— Мне нужно вам кое-что сообщить.

На лицах всех присутствующих отразилось недоумение — царица-ведьма редко позволяла себе такие вольности. Заявление! И такое, что даже муж удивился, чай отставил, чтобы вдруг не поперхнуться.

— Я уезжаю, покидаю Дубраву. И Лес. Возможно, надолго. Скорей всего, назад больше никогда не вернусь. Поэтому я приняла решение. Я во всеуслышание объявляю, что впредь не желаю быть супругой Яру. Отныне он свободен от брачных обязательств. Я больше ему не жена.

Лукерья выговорила и села. На онемевшего мужа нарочно не оглянулась, хоть тот и сидел совсем рядом — наоборот, она отвернулась в сторону. Но в той стороне взгляд наткнулся на русалок с вытаращенными глазами, поэтому пришлось закрыть лицо рукой. Так она невольно повторила жест мужа: тот с первых же ее слов, словно в нахлынувшей усталости, тяжело оперся локтями о стол, пальцами обеих рук принялся тереть лоб и виски, завесившись рассыпавшимися волосами. Как будто эти слова он ждал очень давно, но когда они наконец прозвучали, то всё-таки оказался не готов их услышать.

— Как же так? — пискнула старшая дриада, искренне расстроившись. Древесные девы только приехали, только приготавились привыкать к новой земле, к новому окружению. И вот такой поворот — государь разводится! Это же совсем иной расклад получается во дворце и в державе.

Все остальные благоразумно хранили гробовое молчание.

У Яра вздрагивали плечи. Он шумно вздохнул, отнял наконец-то руки от лица, мимоходом, не стыдясь, смахнул слезы с ресниц. Обвел тяжелым взглядом воевод и водяных. И срывающимся голосом громко объявил:

— Друзья! Я отрекаюсь от престола.

— Помилуй, батюшка! — проворчал самый смелый из леших, Сил Силыч. — Это что ж вдруг тебе взбрело?

— Как же мне быть над вами царем, коли я не мужчина? — развил свою мысль Яр, шмыгнув носом. — Я всю ночь старался, но так и не смог угодить моей драгоценной супруге. По этой причине она и избегала меня последние годы, чему вы все были свидетелями. Она великодушно дала мне последний шанс, но этой ночью я окончательно

опозорил себя в ее глазах. Что ж, признаюсь: я несостоятелен, как муж. Следовательно, я не вправе оставаться вашим царем. Найдите себе правителя получше.

С этими словами он взъерошил себе волосы, поискал что-то на голове и добавил негромко в растерянности:

— Где моя корона? Я отрекаюсь от престола и от короны! А она куда-то подевалась.

— Нету у тебя короны, Яр-батюшка, — подсказал Веснян, улыбаясь, полагая всё это неуместно затянувшейся шуткой. — И никогда не было.

— Не порядок! — отозвался владыка Леса. — Эй, кто-нибудь передайте кобольдам повеление: пусть сделают мне корону, и поскорее! Мне надо будет от нее отказаться. Простую пусть сделают, золотую: венец из дубовых листьев, а желуди из янтаря. Чтобы никаких излишеств не придумывали! Можно листья украсить чеканкой, шапочки желудей отделать зернью, добавить лаковую эмаль, капли росы из хрусталя. Но так, чтобы всё смотрелось скромно и не вычурно, а то знаю я их варварские вкусы. Ясно? Поживей!

— Лучший янтарь на берегах Северного моря, — задумчиво высказал Карп Поликарпыч. — У меня есть сообщение с тамошними водяными, через озёра пошлю гонца. Там у них янтарь, говорят, вместо гальки на пляжах лежит, мешок за грош набрать можно.

За столом все оживились: принялись охотно обсуждать свойства и качество янтаря, фасон короны, размер желудей. Кто-то предложил заказать для комплекта и скипетр с державой. Кто-то настаивал на церемониальном жезле, увенчанном звездчатым изумрудом огромных размеров, что кобольды откопали два года назад и преподнесли владыке, а тот пожалел раскалывать под брошки эдакий булыжник.

— Шута из себя строишь? — прошипела ведьма, оглянувшись через плечо на мужа, украдкой шмыгавшего носом.

— А что мне еще остается? — произнес тот совершенно спокойным тоном. А сам глаза не поднял на жену, сверлил взором кружку с остывшим чаем. — Это же правда: я не смог тебя удержать.

— Зато теперь сможешь осчастливить всех девиц в своем царстве! — колюче напомнила Лукерья. — А то они уж заждались.

— Мы утешим! Утешим его величество, матушка, обещаем! Не волнуйтесь, вы оставляете его в надежных руках! — охотно выскочили вперед бесстыжие русалки. Окружили кресло владыки, приналегли кто пышным бюстом на высокую спинку, кто-то вцепился в подлокотники, Яр едва успел поднять руки, не то поставили бы синяков в порыве.

— Девчата, у меня с родной женой ничего не получилось, — попытался образумить русалок повелитель, смущенно улыбаясь, — с вами ничего не выйдет тем более! Увы! Простите!

— А давайте попробуем! — не отставали те.

Бывшая теперь царица скрипнула зубами, вскочила с места. На нее вновь все уставились, выжидающе. Даже Яр поднял голову, и зря Лукерья бросила на него последний взгляд, сердце в ее груди так и сжалось: на лице надежда, на ресницах влага, губы приоткрыты. Если поцеловать на прощанье? Нет, никаких поцелуев! Эдак решимость её покинет. Стыда же не оберешься — как потом объясняться с мужем, со всеми?

— И всё же, госпожа-матушка, позволю себе дерзость спросить об истинных причинах столь внезапного разлада? — Лещук Илыч не побоялся высказаться за всех.

— Я же сказал: я стал неуютен своей жене, — властно оборвал водяного Яр. — Или вас

интересуют какие-то особенные подробности нашей супружеской жизни? Нет? Вот и славно.

Все склонили головы в согласии.

— Прощайте, — тихо проговорила Лукерья.

Она быстрым шагом направилась к дверям зала. На полпути ее остановило скрипнувшее о половицы кресло, отодвинутое от стола: в полнейшем молчании владыка поднялся с места.

— Прошу всех! — обратился лесной царь к своим подданным, и голос его звучал как никогда твердо. — О том, чему вы все здесь стали свидетелями, прошу не рассказывать никому. В первую очередь нашим детям. Я сам сообщу им эту новость, когда посчитаю необходимым. Лукерья, тебя это тоже касается.

Ведьма кивнула, не оборачиваясь. И вышла.

— Ну что ж, друзья, — Яр со вздохом опустился на место. — Пожалуй, сегодня о государственных делах говорить не получится. Распорядитесь на счет рябиновки, — он сделал знак русалкам, и те унеслись прочь, исполнять. Яр же окинул взглядом свою свиту: — Будем пить горькое вино, ибо не годится справлять тризну по почившему браку сладкими настойками.

Царь усмехнулся. И придворные повеселели: может, еще не всё потеряно? В конце концов, госпожа-матушка всего лишь человек, что с нее строго спрашивать. И бывало уже, ссорились супруги между собой, да не раз. Зато как потом страстно мирились.

Напиться в дым Яру не позволила дочка. Он едва начал икать, едва поплыл над очередным кубком, уносимый невеселыми мыслями... На подлокотник вдруг примостилась дочурка. Малышка выше отца на голову, а уж какая красавица, словами не описать! И фигуристая, и ликом белая-румяная, губы алые, брови соболиные, темно-медная коса с локоть толщиной. А в глазах-омутах бесенята пляшут, игриво хвостиками машут.

— Милка? — заулыбался хмельной царь, потянул дочурку на себя, и та с визгом плюхнулась с подлокотника ему на коленки, тяжеленькая.

Милена вскакивать не стала, напротив, поерзала на коленях у отца, устроилась удобнее. Затем отобрала кубок, сама присосалась, отбиваясь от родительской руки, не позволяя вернуть назад:

— Фу, горькая какая гадость! Но вкусненькая, — пробормотала она и выдула до капли. Грохнула пустым кубком о столешницу, икнула и расплылась в улыбке.

— Милка! — умилившись великовозрастной озорнице, притиснул ее к своей груди отец, обхватил обеими руками, с трудом удерживая на коленях. Чмокнул в щечку, гладкую, что спелое яблочко. — Ты ж моё солнышко!

— Папка, а я тоже корону хочу, — взмахнув ресницами, что птица крыльями, заявила Милена. И для убедительности губки надула. — Тебе дубовую с желудями. А мне давай закажем у гномов венец из кленовых листьев, серебряный, с бриллиантами. Знаешь, чтобы всё такое ажурное и чтобы искрилось, аки чистый снег!

— Красиво получится, — кивнул, оценив задумку, Яр.

— У дитятки вкус неплох — в бриллиантах! Ишь ты, — одобрительно переглянулись лешии и водяные.

— А то ж, вся в папку! — весело оскалился Яр. Но улыбка быстро сползла с его лица,

царь шепнул дочке на ухо: — Выходит, уже знаешь новость? Кто проболтался?

Та кивнула, зашептала в ответ, обняв за шею:

— Я ж не дура, вижу, случилось что-то. Поэтому сразу поймала Лильку и припёрла к стенке, пообещала защекотать до смерти, если всё сейчас же не расскажет. Ну, ты меня знаешь, я никогда от своего слова не отступлюсь — если пообещала, то всё.

Отец кивнул со всей серьезностью — и упрямством своим дубовым дочурка тоже вся в него уродилась. А искусству пытки щекоткой ее обучали сами же русалки, да так хорошо обучили, что ученица превзошла наставниц.

— Ты не волнуйся, пап, я больше никому ни слова, — заверила Милена. — Мирошке тем более ни-ни. А для надежности, чтобы случайно не обмолвилась, ты меня вообще отошли из дома подальше!

— Это куда еще? — нахмурился Яр, мигом трезвея, усилием воли прогоняя из крови хмель.

Дочь замаялась. Призналась, что сама не знает, куда это ее тянет. Только направление известно. А ни цели, ни места назначения не ведает.

— Одна никуда не поедешь! — отрезал папаша.

— Папа, я обещала помочь! — возразила Милена.

— Кому ты обещала, если не знаешь ничего? — возразил Яр.

— Себе самой дала зарок! — налегла на отца бюстом упрямая девица. Яр чуял, она с него в прямом смысле не слезет, если он станет запрещать. А ноги от дочуркиного недетского веса уже начали помаленьку неметь.

— Ну, раз самой себе, то да, слово надо держать, — вздохнул владыка.

В итоге, проспорив с полчаса, (чем весьма развлекли подвыпивших водяных и леших, которых Милена всегда воспринимала, как родных дедушек и дядюшек), порешили, что лесная царевна отправится в путешествие в сопровождении отряда поночуг. Благо днем их почти не видно, в тених прячутся, а по ночам они не заметны, потому что черные в черном небе летают бесшумно, следовательно Милене от их присутствия никакого неудобства быть не может, а папе будет спокойнее. Так же вызвался сопровождать барышню Веснян Березопольский, через чьи земли Милена наметила свое путешествие.

— Все-то меня вздумали бросить, — простонал Яр, когда наконец-то отпустил дочку собираться в путь. Вернее, когда дочка его освободила, спрыгнув с отсиженных отцовских коленок. — Тишка ускакал. Ягодка улетела. Солнышко моё, и та куда-то за горизонт стремится...

Он кивнул шуликунам, чтобы наполнили ему кубок рябиновкой, а то все русалки оказались заняты: не до правителя придворным дамам, они с воеводами и водяными флиртуют. Мелкие прислужники бросились исполнять приказ, с попискиванием всей гурьбой облепили кувшин, да сами же между собой успели передрасться — так что в итоге царь оказался облит липким вином с ног до головы, что лишь подчеркнуло его горькое настроение. Вина в кубок попало на два глотка. Выпив и поморщившись от терпкой горечи, Яр простился со своей свитой унылым взмахом руки и покинул трапезный зал, покачиваясь от легкого сквозняка и тяжких дум. Был всего лишь полдень.

Оглушительно громко стрекотали кузнечики. От скошенной травы поднимался пряный

дух. Жарко припекало солнце, особенно сильно нагревая плечи и макушку. Под рубахой вдоль хребта медленно и щекотно стекали капельки пота, намереваясь уползти под пояс штанов.

Зашуршала листва, брызнула с ветки в небо потревоженная пташка.

— Пап, не надо, — фыркнул Драгомир, покосившись на вышедшего из кустов калины чересчур взрослого родителя. Но явно смутился и отвел глаза. Добавил, предательски порозовев щеками: — К тебе обычному я больше привык.

Яр послушно вернул себе юный облик, отчего сходство между отцом и сыном стало просто поразительным.

Покинув дворец, хозяин Леса напрямик направился к последней своей отраде на всём белом свете — к младшему сыну. Драгомир был для отца действительно драгоценнее целого мира. Нет, Евтихия и Милену он тоже сильно любил и всячески баловал, но ведь младшенький — это ж младшенький! И не суть, что двойняшек разделяет всего лишь час времени в порядке рождения. Зато Миленка выросла вон какой богатыршей, немногим уступила в росте старшему брату. А Мирош — он один в один как Яр: невысокий, худосочный, нервный. Волосы, правда, не зеленые (и не золотые, как у Тишки), а в Лукерью мастью, но зато шелковые, мягко волнистые — опять-таки отцово наследие. Если Миленка обычно повязывала через лоб атласную ленту, расшитую бисером и жемчугом, то ее близняшка подхватывал густую гриву тонким плетеным шнурком, чтобы в глаза не лезла, а по плечам отпускал свободно струиться. И стрижется он так же неохотно, как батя: большую часть времени ходит русалка русалкою маме на удовольствие, а нынче вот по лопатки обрезал, не подозревая, что и в этом подражает родителю. Обнаружив сию дополнительную деталь сходства, Яр не удержался, расплылся в улыбке, аки масляный блин на сковороде.

Сын занимался делом: грабли чинил, правил зубцы, чтобы сгребать траву, что накопил на лужке позади баньки. Козе ведь сена немало требуется, и ей плевать, кормит ее царский сын или крестьянский — главное, работай по совести. А отец явился непонятно зачем, отвлекает — стоит, руки на груди сложив, на отпрыска любуется, не скрываясь. Драгомир нахмурил темные брови, исподлобья метнул молнию настороженного взгляда.

— Мир, не хочешь пожить со мной во дворце? — сразу предложил лесной царь, чтобы долго не ходить вокруг да около. — Что ты будешь здесь один куковать! У меня там веселее. А?

— Я не один: у меня вон животное есть.

Драгомир торопливо отошел подальше, стоило Яру сделать попытку приблизиться. Сын прекрасно знал отцовскую привычку: зазеваешься и подпустишь на расстояние вытянутой руки — тут же сграбастает в обнимку и затискает до потери дыхания.

— Ну, за хозяйством и соседка присмотрит. А не справится, так позовет на помощь какую-нибудь миленькую кикимору. Там, глядишь, женится на старости лет, ватагу шуликунов заведет.

Яр не отступался от затеянной игры в догонялки, несмотря на явное нежелание сына подвергнуться отчей ласке. Пусть даже придется метаться по всему двору и огороду — да хоть по всему лесу! Упрямством оба были равны, только у отца опыта побольше. Так с лужка, что за банькой, оба переместились ближе к дому.

— Пап, я тебе всё равно Тишку не заменю.

— Конечно, не заменишь. Вы у меня все особенные и незаменимые. — Яр изловчился и поймал-таки своё «отражение» в объятия.

— Пап, отстань, — попытался тот упрямо выкрутиться, не поднимая глаз. А щеки запылали неровным румянцем. — Ну, зачем я там нужен? И русалки будут на меня дуться, что я не такой любвеобильный, как Евтихий.

— С девчонками я сам разберусь, приструню, если станут тебе слишком надоедать. Мирош, я всё давно знаю, — шепнул Яр в порозовевшее ухо, очень похожее на обычное человеческое, но слегка оттопыренное и острое сверху — точь-в-точь как у него самого.

Сын вздрогнул, съезился в его руках.

— Что ты знаешь? О чем ты? — Мир сделал вид, будто не понял намека.

Но хотя бы вырваться прекратил. Прижался робко, неуверенно. Глубоко выдохнул. Пальцами вцепился в бархатный рукав, стиснул.

— Я рассказывал, почему отец выгнал меня из дома? — негромко напомнил Яр, успокаивающе поглаживая ладонью по плечам, по спине.

— Да, — обреченно вздохнул Драгомир и покраснел еще больше.

Яр чувствовал, как трепещет в волнении сердце его мальчика. Да и собственное в ответ колотилось пойманной пичугой. И Драгомир тоже ощущал это, понимал, что отцу разговор дается не просто. И только это сколько-то успокаивало его, поэтому он до сих пор не оттолкнул родителя.

— Думаешь, зачем я вам открылся? Ведь эта история так смутила и вас троих, и мне было стыдно признаваться в прошлых ошибках. Уверен, с тобою происходит всё то же самое, что тогда случилось со мной.

— Поэтому теперь и ты выгонишь меня из дома? — несмело улыбнулся сын. — Вернее, из Леса.

— Никогда на свете. Ты же мое драгоценное сокровище. Я знаю, как больно терпеть и молчать, потому что поделиться страшно. И пойми, как мне больно теперь, когда ты не позволяешь себя обнять.

— Тебе лишь бы потискать кого-нибудь... А я правда боюсь, пап, — прошептал сын, крепко зажмурившись. — Вдруг я... А если кто-то заметит? Это так стыдно. И неправильно. Если мама узнает. Или Тишка. Или...

— Мама знает, — перебил его Яр и обнял еще сильнее, чтобы не дергался и не дрожал. — Мышонок и Миленка догадываются. Пойми, мы тебя любим — как бы ты сам к себе не относился, что бы ни вообразил. Мы — всегда тебя будем любить.

— И ты? — переборов неловкость, шепотом спросил Драгомир, подняв на отца блестящие глаза. — Тоже? Любишь? Всё равно?

— Люблю, — кивнул Яр. Стер пальцем скатившуюся с ресниц слезинку, поцеловал в щеку. — Я сделаю для тебя всё. И позволю тебе всё, что захочешь.

— Как твой дядюшка позволил тебе? Через отвращение? Из долга? — прищурился Драгомир.

— Глупыш, — терпеливо улыбнулся Яр. — Ты же мой. Моё отражение. Моё продолжение. Ты мой даже больше, чем Тишка или Милена. Больше, чем ты сам можешь представить. Я знаю, что для тебя будет лучше. Поверь мне, ты ни в чем не виноват. Всё это ведь... Так бывает, постарайся это понять. В этом нет ничего постыдного. И ты справишься с этим. Мы с тобой это преодолеем. Только не отворачивайся от меня, пожалуйста! Не убегай, не прячься. Не отвергай меня. И не проклинай себя...

Яр шептал это, уткнувшись лбом в пылающий лоб сына. Тот покорно слушал, зажмурив глаза. Но когда отец попытался поцеловать его — в губы! Драгомир дернулся, словно от

удара. Отпихнул его от себя с неожиданной силой, буквально отскочил от родителя. Пылая стыдом и гневом, бросил в лицо:

— Я думал, что это я обезумел! Оказалось, мы оба сумасшедшие!!!

Он убежал в дом, громко хлопнув дверью.

Яр выдохнул в разочаровании. По себе он знал: один поцелуй решит всё. Либо наваждение развеется мгновенно, либо хотя бы станет ясно, что тут что-то другое, а не злополучная наследственность, и тогда нужно принимать совершенно иные меры.

На крыльце соткался из воздуха сердитый домовой.

— Здрав будь, царь-батюшка.

— И тебе не хворать, соседюшка, — устало отозвался Яр. Неохотно подошел, уселся на ступеньках. Вот уж перед кем, а перед домовым, обитающим в тереме Лукерьи, извиняться за свои неосторожные действия он не собирался.

Домовой недобро прищурился:

— Вот, значит, о ком наш мальчишка вздыхает по ночам. А я-то всё гадал!

— Это просто наваждение, — уверенно и с долей раздражения пояснил лесной владыка. Не хотел ведь, а приходится оправдываться! — В моем роду это случается из поколения в поколение. Временное сумасшествие. Дети подрастают — и пытаются понять, как жить рядом со старшими, которые иной раз выглядят младше своих отпрысков. Почему дед кажется ровесником собственного внука, дядюшка — братом-близнецом племянника.

— А отец настолько прекрасен, что зачаровал сына? — поддакнул домовой.

Яр не ответил на колючку. Это со стороны кажется глупостью, но только тем, кто не бывал на его месте. Или на месте Драгомира. Кто не знает, каково это, когда у тебя в груди сердце переворачивается, а в голове такая путаница, что легче с высокого берега с камнем на шее, чем попытаться в самом себе разобраться. А главное — самому себе простить это преступное чувство.

— Это еще выходит хорошо, что мальчонка в Тишку не втрескался, с эдакими-то наклонностями, — рассудил домовой, почесав себе бороду, торчащую жестким веником. — Может, в таком разе, его в город отправить, к людям?

— Через мой труп, — отрезал Яр.

— Хех, ты ж бессмертный, — крикнул соседюшка. — А Тишку вон отправил ажно за границу.

— Сравнил! — фыркнул лесной владыка. — Мышонок на своем веку сколько уже людских девок перепортил? Сколько с парнями из-за этого дрался — один на ватагу? А Мирош? Вот то-то и оно. Чтобы Тишку обидеть, надо очень постараться. Да потом постараться остаться в живых, если он всё-таки разозлится. А Мир весь в меня пошел, нервный и ранимый.

— Нервный, это да, — кхекнул соседюшка. — Ну, дык как же не пойти-то в тебя, коли ты его заместо матери и выно... — Договорить домовому Яр не позволил, залепил рот ладонью, разъяренно зашипел.

Соседушка опомнился, глаза вытаращил, поняв, что едва не проболтался. Кивнул, помигал глазами, что осознал, мол, и руки можно убирать.

— Присмотришь за ним, — приказал лесной царь. — Если что, сразу докладывай.

— Ну, это как обычно, — вздохнул соседюшка. — Только уж и ты... как бы... от Луши не отворачивайся совсем-то, ладно? Ну, дурит баба на старости лет, уж прости ее.

— Я никогда ни от кого не отказывался, — с затаенной обидой негромко ответил Яр. —

Если я признал кого-то своим, значит, не отступлюсь ни за что. Это они меня все вечно бросают. Лукерья — моя любимая. Пусть думает что хочет, но она всегда будет моей.

— Упрямый ты. И она упрямая! — вздохнул домовой. Но заулыбался с облегчением, всё-таки ощущал себя ответственным за Лукерью во имя памяти ее покойной бабки.

— Сегодня чудесный день! Просто прекрасный! Только кое-что мешает мне увидеть, насколько этот день хорош, — бормотал Светозар, успокаивая сам себя. Он ломился через заросли, не разбирая дороги, ибо зачем искать тропинку, если кусты у него на пути сами поджимаются, а деревья поднимают ветки повыше, чтобы не стегнуть и не уколоть. Потому что это пусть и был приграничный, но всё-таки еще Лес.

Светозар как думал: сегодня на рассвете оседлает Полкана — и к закату наконец-то оставит родные земли далеко позади. А что получилось? Верный скакун наотрез отказался надевать сбрую, тыча в лицо молодому хозяину своё когтистое копыто, уверяя, что не в состоянии наступить на ногу, куда уж тут скакать во весь опор. Якобы заноза застряла. Светозар честно осмотрел и мозолистую пятку, и проверил, крепко ли сидят когти-кинжалы на коротких пальцах скакуна, даже заодно подточил оные специальной алмазковой пилочкой, чтобы острее были и блестели ярче. Но занозы не нашел и следа. Светозар усомнился бы в уверениях своего бессловесного спутника, ведь не могла какая-то случайная щепочка, иголка или колючка проколоть толстенную шкуру чудо-коня, которую и мечи-копья взять не смогли бы. Однако просто так верный скакун не станет валяться на земле, задрав копыта кверху. Полкан своего молодого хозяина катал на широкой спине, когда тот едва из пеленок вылез, он не будет ему врать в глаза только из лени и нежелания уезжать из родного дома. Поэтому пришлось вздохнуть и согласиться на еще один день промедления.

Светозар, когда собрался в героический поход, вообще наивно полагал, что на дорогу от Дубравы до границы Леса он потратит от силы день. Еще недельки хватит на поиск роци дриад. Вот на месте придется задержаться подольше, там всё-таки дракон — зверюга, которую следует тщательно изучить и по возможности доблестно покорить.

Однако несмотря на всю целеустремленность, старший сын лесного царя только на пересечение отцовских владений потратил больше недели. Каждый обитатель Леса стремился при встрече выразить царевичу свое почтение, поболтать о жизни часок-другой или пригласить высокого гостя к себе в логово на ночлег, что обычно оборачивалось хмельной пирушкой с привлечением соседей разнообразного вида, а утром, естественно, Светозару в седло залезать не хотелось, ибо укачивало после вчерашнего.

Вдобавок объявились эти дриады. Он уже предвкушал свободу приключений на чужбине — куда там! Пришлось развернуться и проводить девиц аж до Кабаньей лощины, чтобы не заплутали. Причем одна проявила особенную настойчивость... Отказать же попавшим в беду дамам Светозар не мог в силу своей героической натуры. Он вообще женщинам не умел отказывать, кем бы те ни были: русалками, древесными девами или простыми смертными. Из-за чего и терпел сейчас душевные страдания. Одно хорошо: благодаря дриадам путешествие за абстрактными подвигами приобрело конкретную цель назначения.

Из-за всех проволочек лесному царевичу стало казаться, будто теперь даже ведро над

ним насмехается. Обычное ведро, кожаное, практичное, удобно складывавшееся в седельные сумки. Но ведь оно ПОХОДНОЕ! А у него, горе-героя, не поход получается, а черт знает что. Расскажет дракону при встрече, как он до него ехал — чудище, пожалуй, со смеху лопнет.

Светозар, бухтя себе под нос ругательства, вышел к тихому озеру и зачерпнул воды. При этом зелень на водном зеркале услужливо расползлась в разные стороны, открыв для него чистое окошко. Полкан, пользуясь привилегией хворого, гонял его с раннего утра: то еловых лап для подстилки нарежь, то спинку почеси, то за ухом пощекочи, то гриву расчеши и в косички заплети, то воды натаскай... Воду таскать Светозар замучился — уже пятый раз к озеру бегаёт. Никогда раньше он не замечал за своим скакуном такой жажды.

Светозар выпрямился, пронзенный мыслью: а если Полкан столько пьёт, то почему в кустики не бегаёт? Или бегаёт, но специально пользуется его отлучками, чтобы не показывать, что может наступать на якобы больную ногу? Нет, быть такого не может, лесной царевич аж головой помотал, прогоняя догадку. Наверное, чудо-конь запасает влагу в тайных участках собственного тела, в предчувствии тяжелой дороги через чужбину, где просто так из первой лужи не попьешь — мало ли отравишься по неосторожности. Видел же Евтихий в детстве забавных зверюг верблюдов, когда отец его с собою на Ярмарку брал. На этих степенных скакунах купцы с юга привозили огромные тюки с товаром, которые не каждая лошадь поднимет. Верблюды воду запасали в своих горбах. А куда запасается Полкан? Вроде бы горбов у него никаких не выросло, в объеме он тоже не прибавил.

Крепко задумавшись, Светозар не сразу заметил, что на озере он не один. Чуть в сторонке от него, замершего, за прозрачной «ширмой» разлапистого ивняка купалась прелестная дева. И то определенно была не полудикая кикиморка, которая встретила его здесь в полдень и пыталась строить глазки, пока Светозар не объяснил ей, что такое обет безбрачия и почему он на себя оный наложил.

Меднобокое солнце усаживалось на горизонт, застланный длинной лиловой тучкой. Косые лучи рассыпались бликами по озерному темному зеркалу. Прекрасная дева, стоя в воде по пояс, с тихим плеском обмывала свои перси и нежный животик, зачерпывая воду ладошками. По спине ее, белокожей, гибкой, струились каскадом роскошные волосы, в закатном свете играющие золотом и янтарем, кончики же прядей расползались по воде ореолом вокруг ее стройных ног.

Светозар залюбовался девичьей грацией, на губах его кривилась усмешка. Дева мурлыкала песенку, поэтому не слышала его приближения.

Он вежливо покашлял.

Дева, что ожидаемо, вскрикнула испуганной птичкой. И прикрыла наготу ладошками. Впрочем, одной рукой она поддержала округлые перси, а второй, в отличие от большинства девушек в подобном положении, не чресла закрыла от нескромных взоров, а собственные свои прекрасные очи залепила. И не присела в воду, ища прикрытия, а напротив шагнула к берегу, позволяя видеть себя всю до колена. И не отвернулась.

Светозар ложно скромничать не стал: оглядел и в этой позе, оценил. Благо незнакомка замерла, не убегая, и лишь взволнованно глубоко дышала, отчего перси, и без того с трудом удерживаемые одной ее тонкой рукой, разволновались, как густой кисель, приковывая к себе мужское внимание.

— Ты зачем здесь купаешься? Холодно ведь еще! — спросил, усмехаясь, Светозар. Пришлось на пару шагов отойти от кромки воды, чтобы обогнуть мешающий куст и приблизиться к деве.

— Кто ты, о доблестный витязь? — трепетным голосом невпопад отозвалась дева.

— Просто случайный путник, — заявил Светозар, от души развлекаясь происходящим.

— И я — просто путница! — воскликнула она. — И сейчас мне отчего-то очень хочется, чтобы наши пути резко разошлись!

— Как же оказалась здесь столь милая странница в этих безлюдных лесах одна, без стражников и верных рыцарей? — ехидно спросил Светозар. — Без служанок и без кареты?

Пока дева пыталась придумать правдоподобный ответ, он подхватил с земли большое мягкое полотенце, оставленное на груде сброшенной одежды. И не заботясь о своих сапогах, по колено вошел в воду.

Дева пальчики растопырила, из-под ладошки подсмотрела хитрым глазом — и не на шутку возмутилась:

— Ты что делаешь?! Ноги ведь промочишь, простудишься!

Несмотря на ее протесты, герой закутал брыкающуюся прелестницу в полотенце, подхватил на руки и вынес на сушу. Присев на траву, пользуясь огромной разницей в росте, посадил деву себе на колено и принялся тщательно вытирать, растирать до легкой красноты белую кожу.

— Сапоги-то просмоленные, — проворчал Светозар, — не промокнул. А вот ты какого лешего в холодную воду полез? Если уж так охота дурака валять, выбрал бы хоть мелководье, там чуток потеплее.

И он одарил закутанную в полотенце «незнакомку» подзатыльником.

Из-под мягкой ткани блеснули бирюзовые глаза:

— А как ты догадался?

— Неужто я родного папку-охламона не признаю? — хмыкнул Светозар, продолжая активные растирания. — А если б усомнился, так вот эта твоя свита подсказала бы.

Он обличающим пальцем ткнул в сторону еловых зарослей, откуда торчали крайне заинтересованные морды рысей: пятеро только на виду, а сколько в тени спряталось!

— И что за представление ты мне тут устроил? Я, слава богу, не стучался головушкой в детстве, как братик. Меня, глядя на твои мощи, только смех разбирает.

— Ну, извини, не удалась шутка. Я-то думал проверить, как ты свой обет держишь, — отговорился Яр.

Он послушно сменил цвет волос на пестрый летний и девичьи округлости на юношеские угловатости. При этом в росте почти не прибавил: как обычно макушкой едва дотягивает до локтя старшего сына-богатыря. Уж о разнице в ширине плеч и молодецкой мощи и говорить нечего — сын определенно в этом отношении уродился не в отца. Чем постоянно злоупотреблял. Вот и теперь Светозар вздернул родителя встать, полотенце отбросил в сторону (и оно, зеленея на ходу, расторопно уползло подальше, чтобы слиться с ковром лугового разнотравья, откуда и было призвано). Присев на корточки, сынок взялся одевать родителя, а тот не сопротивлялся, но мешал тем, что норовил обнять строгого отпрыска.

— Папка, ты пьяный? Что-то случилось? — нахмурил светлые брови Светозар.

— Немножко с водяными погудели, — признал полуправду лесной царь.

— Каким ветром тебя вообще сюда занесло? Уж искупаться после пьянки мог бы и поближе к дому.

— Мышонок, я так по тебе соскучился!!!

Яр всё-таки повис на шее сына. Благо Светозар успел его одеть и обусть, оставалось

только пояс завязать. Но плюнув на пояс, старшенький обнял отца в ответ, да так стиснул, что у того дух перехватило и ребра затрещали:

— Я тоже соскучился, пап! А ведь мы вчера с тобой через Лес всё утро проболтали! Как же мы перенесем разлуку? Я ведь думал до самой осени путешествовать. А как же, раз так вот? Может, мне тогда и не ехать никуда?

— Нет, Тиша, поезжай! — шмыгнув носом, отстранился родитель, чтобы погладить сына по коротким кудрям цвета солнечного золота, заглянуть в ярко-голубые глаза, благо тот сидел на коленках, так что получилось в кои-веки поглядеть свысока. — Тебе мир надо посмотреть, погулять, пока ты еще молод душой и телом. И не женат. И с Лесом не связан. А мне летом скучать не дадут заботы о хозяйстве, ты же знаешь.

Светозар тоже шмыгнул носом — и еще раз, еще крепче прижал к себе отца в предчувствии долгого расставания. Вот только ноги затекли на корточках долго сидеть, поэтому он встал в полный рост, но родителя не отпустил, наоборот стиснул чуточку сильнее, чтобы не сползал по нему вниз. И запоздало сообразил:

— Так ты на рысях приехал, выходит?

Яр придушенно пискнул — и догадался обернуться крошкой феей, выскользнул из любящих рук, пока не раздавили. Вздохнул с облегчением, пояснил:

— Меня попутным ветром к тебе принесло. Поднялся повыше в небо, поймал поток — и вперед! Спустя час — я перед тобой.

— Час летом? Мне бы так! — завистливо вздохнул Светозар. — А то всё пешком или в седле трястись. Научи, а?

— Увы, ты у меня слишком большой вымахал, Мышонок. Тебя, медвежонка, ни одни крылышки не поднимут. Даже стрекозиные! — задорно смеясь, уколол родитель.

— Стрекозлом быть увольте, — усмехнулся Светозар. — Но на рысях ты всё равно успел порысать, признавайся.

— Ты же знаешь, на кошках где сядешь, там же и слезешь, — улыбнулся Яр. — Ну да, чуть-чуть прокатился. Когда меня встречным потоком ветра сбilo с высоты и бросило прямо на мимо пролетавшего коршуна, мы с ним сцепились, закружились, стремительно падая вниз!.. — расписал он, крутясь в воздухе и размахивая руками. — А рыси нас с земли заметили, сцапали обоих в головокружительном прыжке. Коршуна они тут же слопали — пух и перья в разные стороны летели. А меня вовремя узнали и только слегка помяли, потом всего облизали. Они же такие милые и мягонькие у меня!

— Угу, — кивнул Светозар. Устав от мельтешения перед глазами, он поймал отца, ухватив за талию в кулак, и усадил к себе на плечо. — Поэтому ты, облизанный, сразу полез мыться.

Яр оправдываться не стал. Дернул сына за мочку уха, развернул обратно к берегу — за разговорами позабыли ведро. Увидев ведро, Светозар вспомнил о своем чудо-коне:

— Кстати, папка, ты очень вовремя! Полкан захворал, вылечишь?

— Полкан? — изумился Яр, едва не свалившись с плеча. — Заболел?

— Угу. Лежит, копыта раскинув.

— Странно, — произнес лесной владыка. — Он ведь у нас сто пятьдесят лет на здоровье не жаловался, с тех самых пор, как скопытился.

Светозар в ответ лишь пожал плечами... Охнул, спохватившись — поймал взвизгнувшего в падении отца, посадил обратно и обещал больше плечами не пожимать. Яр принялся ворчать, что за коротко обрезанные золотые кудри держаться совершенно

невозможно — и ругался на простецко-крестьянскую стрижку сына до самого их возвращения к месту стоянки. Там Яр мигом вернул себе обычный размер и принялся с живостью исследовать и оценивать, как же старшенький устроил свое походное хозяйство. Светозар ему не мешал. Встал, подбоченясь, уверенный в своих успехах. Пусть лесного царевича всю жизнь до этого опекали либо матушка, либо служанки во дворце, уж что, а костер сложить из сухостоя, чтобы чаю вскипятить, или шатер вырастить из молодых ёлочек — с такими заботами будущий герой всяко справится.

— А заклятье от комаров почему на шалаш не наложил? — наконец-то нашел к чему придраться Яр.

Светозар мигом помрачнел: родитель умудрился попасть в точку. Всю ночь лесному царевичу не давал спать наглый пищащий задохлик — один из первых, что проснулся после холодов. И этот кровопийца наотрез отказывался понимать, насколько различно их положение в лесу — какая-то мошка охотилась на наследника самого владыки! Еловые «стены» позволяли легко ускользнуть от ударов, спрятавшись между иголок, так что Светозар быстро понял тщетность размахивания руками в темноте и болезненность заноз в ладонях.

— Вот!!! — обличающе ткнул в сына пальцем Яр. — Только из дома вышел, а уже забыл всё, чему я тебя учил? Выбрав стоянку для ночлега, первым делом обязательно накладывай чары безопасности!

— Пап, это всего лишь комар, — попытался оправдаться Светозар.

— И слава богам, что всего лишь комар! — наступал на сына владыка. — Сегодня мелкий кровопийца, а завтра упыри к тебе пожалуют?!

— Пап, да ладно тебе, я ж даже из твоих владений еще не выехал, какие упыри?

— Это крайние земли, а значит сила Леса здесь ослабленная. Так что шастать тут может кто угодно!

Кусты на краю поляны бесшумно раздвинулись, оба спорщика обернулись к явившемуся из зарослей чудовищу. Черное, как сама тьма. Глаза горят адским пламенем. Размерами больше матерого лося — Светозар при всей богатырской стати казался рядом с этим зверем просто мальчишкой, что уж говорить о лесном владыке. Голову зверя украшали бараньи рога, аж две пары: одна пара завернута улиткой, прикрывая витками уши, острые кончики выставлены вперед. Два верхних рога на макушке торчали саблями вверх, завинчиваясь винтом с острыми гранями. По-лошадиному узкую вытянутую морду делала ужасающе страшной гряда коротких шипов от массивной переносицы до кончика носа с пыхающими жаром крупными ноздрями. Из закрытой пасти, оттопыривая мягкие губы, торчали вверх и вниз клыки, по два пальца толщиной каждый зубик. Чудище, не решаясь прыгнуть вперед, переступало на четырех стройных голенастых ногах, заканчивающихся необычными «копытами» из плотно сомкнутых пальцев с внушающими уважение когтями. Хвост, эдакая толстая чешуйчатая змея с гребнем костяных шипов по всей длине и с волосистой кисточкой на кончике, извивался кольцами, выдавая крайнее любопытство и радость от встречи. Изогнув длинную конскую шею, по которой струилась заплетенная в косички шелковая грива, зверь искоса разглядывал резко замолчавших отца с сыном.

— Значит, в кусты ты всё-таки бегаешь, — понял Светозар. Перевел взгляд на когтистые копыта: — Перестала пятка-то болеть?

Зверь тут же поджал переднюю левую конечность, сделал несколько жалобно-неуклюжих шажков вперед.

— А мне ты утверждал, что болит правая, — с сомнением протянул Светозар.

Чудо-конь немедленно поменял ноги: теперь поднял правую, на левую спокойно наступил. Яр хмыкнул — и поспешно прикрыл себе рот рукой, с преувеличенным сочувствием покачал головой:

— Перемежающаяся хромота! Ну надо же, вернулась спустя столько лет!

Сын обернулся к отцу, тот развел руками:

— Иногда с ним такое случается. В последний раз полвека назад, ты тогда еще совсем маленький был, Мышонок, поэтому не помнишь, а ведь едва не свалился с него, когда поехали кататься и ему вдруг в ногу вступило. Это начинается внезапно, но так же неожиданно и проходит. Думаю, к утру он будет совершенно здоров. Да, Полкан?

Чудовищный скакун охотно закивал. Копытом же указал в сторону зарослей.

— За какой-то травкой ты туда ходил? Лечебной? — переспросил Светозар у коня. От Яра сын унаследовал способность общаться без слов с любыми живыми (и не вполне живыми) существами. Но в отличие от родителя, царевичу не нужно было соединяться с ними посредством волшебства Леса, он и без тончайших невидимых нитей прекрасно считывал обращенную к нему мысль. — Пап, давай найдем эту травку и сделаем зелье про запас? На случай, если ему опять вступит.

Яр с Полканом переглянулись, конь неприметно покачал головой, а владыка возвел очи к небу. Заявил сыну:

— Мышонок, пойми, не я Полкана оживил. Я не знаю в точности, как он устроен изнутри, понятия не имею, из каких существ Сильван сшил эту химеру. Вот найдем мы травку, сделаем зелье, а вдруг зелье подействует на него иначе, чем свежее растение? Как мы его потом воскрешать будем? Из некромантии я научился сносно лишь упокаивать, сам знаешь.

Полкан на такие речи невольно попятился задом в кусты.

Светозар вздохнул и спорить не стал. В конце концов, подумаешь — маленькая слабость позволительная даже коню героя. Тем более иных слабостей у Полкана не имеется в принципе.

Пока сын отошел, чтобы заняться костром и ужином, Яр шепнул коню на ухо:

— Спасибо, что задержал его. Но притворяться мог бы и получше!

За готовкой и разговором не заметили, как совсем стемнело. Яр, как в Тишкином детстве, сварил в котелке на костре ароматную кашу, сдобрив крупу душистыми травами и сушеными ягодами. Искры от ленивого огня взлетали высоко к темному небу, почти достигая смыкающихся над поляной тихо шелестящих крон. Выскоблив котелок дочиста и поклявшись, что завтра поутру всю посуду непременно отмоет на озере, Светозар уселся, довольный, под боком у разлегшегося по-собачьи Полкана, а на колени к себе притянул родителя. Яр с брюзжанием позволил прижать себя спиной к широкой груди, обхватить за пояс, водрузить подбородок на свое плечо. Так и сидели, наблюдая за потрескивающим рыжим племенем.

Яр не унимался, в сотый раз повторял наставления:

— Ты только на людское добродушие не полагайся. Смертные двуличны — будут тебе улыбаться, а сами в спину ножом пырнут. Воров остерегайся, с грабителями не церемонься, разбойников сразу режь.

— Угу.

— Что «угу»? Спишь уже?

— Нет, тебе внимаю.

— Знаю я, как ты меня слушаешь! Только из Леса выедешь, сразу... Да! И чужие леса не слушай! Будут тебя уговаривать сделаться у них правителем или хранителем — ни за что не соглашайся! Тебе еще рано. Ты еще жизни не знаешь, не видел ничего. Вот я стал царем — и всё, больше никуда не могу уехать. Тебе это надо? Тем более в чужих землях!

— Ну, ты ведь тоже здесь был поначалу чужаком, — заметил Светозар.

— Ты у меня еще порассуждай! — шикнул на отпрыска владыка. — Хоть чем соблазнять будут, не соглашайся и даже не слушай. До старости тебе еще далеко, а там сам увидишь, вообще нужно ли тебе оно, это лесное царство.

— Хорошо, не соблазнюсь.

— Дракона, когда найдешь, тоже не слушай. Они твари скользкие, уболтает запросто, а ты у меня доверчивый и добрый. Не позволяй себя использовать никому...

— Интересно, это тот самый дракон, который убил короля эльфов, или всё-таки другой? — перебил отца Светозар.

Яр помрачнел.

— А мне вот совсем не интересно, — буркнул он. — Дракон в любом случае крайне опасен.

— Пап, ну ты же был там, в самой гуще событий! — оживился сынок, жаждущий приключений и свершений. — Как же ты его не видел?

— Ты сам прекрасно знаешь, что я тогда видел, а что нет, — ответил Яр.

Старшенький вместо сказок перед сном постоянно требовал показать ему, как отец, будучи тогда еще совсем юным, глупым и безрассудным эльфом-изгнанником по имени Ксаарз, пытался спасти правителя эльфов, на которого какая-то тайная нечисть буквально открыла охоту, устраивая покушение за покушением. Причем Яр не просто рассказывал — он делился с сыном своими воспоминаниями благодаря связи через Лес. Тишку завораживали эти живые картинки, возникающие в его сознании, когда отец брал его за руку: далекие страны, чужие города, непривычно одетые люди и нелюди. Он словно бы сам ходил по этим улицам и разговаривал с этими людьми, которые давным-давно стали прахом. Кстати, таким чудесным образом все трое отпрысков Яра легко «выучили» иноземные языки, которыми владел отец, причем не потратили на это больше секунды, тогда как Ксаарзу в свое время пришлось вдоволь помучиться, заучивая слово за словом, иной раз весьма болезненно расплачиваясь за ошибки.

С тех самых пор старший из Яровичей и воспылил мечтою сделаться героем — стать тем, кем не сумел стать его отец. Ведь Ксаарз не только не сумел спасти короля, но напротив из эльфа-одиночки, от которого отказалась семья, превратился по своей неосторожности и наивности в преступника против всего своего народа. И никому уже не докажешь, что не его старания погубили старого правителя... Впрочем, всё это дела давно минувших веков, Яр не собирался возвращаться на родину и что-то предпринимать, чтобы обелить свое имя.

— И ни в коем случае не появляйся на землях эльфов! — с горячностью повторял сыну владыка Леса. — Вообще не приближайся к эльфам, держись от них подальше и даже не попадайся на глаза. Если люди глупы и злы, но срок у них недолог, а память еще короче, то эльфы бессмертны, хитры и злопамятны. Ты очень похож на меня юного... Ну, то есть лицом похож, не фигурой, слава богам. Но всё равно, если эльфы узнают, что ты сын изгнанника, они смешают тебя с грязью! Это в лучшем случае.

— Ладно, пап, я понял, — вздохнул Светозар. Хотя больше всего на свете ему хотелось побывать хоть разочек именно на родине отца, воочию взглянуть на зачарованный замок деда, который он видел в воспоминаниях родителя. Умом-то Светозар понимал, что опасно лезть туда, где ему не будут рады. Но так хотелось!..

— И с женщинами, умоляю, будь осторожен, — перешел на откровенно жалобный тон владыка Леса. — Ладно крестьянки и простолюдинки. Но не дай боже тебе попадетсЯ какая-нибудь аристократка или, того хуже, принцесса!

— Пап, отстань, я непоколебим в своем решении, — надул губы старшенький. — Никакие прелестницы не смутят меня более. Пока я не найду свою единственную, пока полностью не уверю, что это именно она...

— Да уж столько у тебя было, этих единственных, — грустно покачал головой Яр. Обернувшись, потрепал сына по кудряшкам: — Это ведь не от тебя только зависит. Ты у нас такой красивый уродился! Какая же баба пройдет мимо и не загорится желанием нарожать от тебя детишек? А принцессы, те вообще не знают слов отказа. Им тебя заполучить в свою собственность, что медведю мёда полизать — никто не остановит. Поймают, очаруют, свяжут по рукам и ногам, венчаться потащат в церковь... А для тебя венчание равносильно отпеванию, понимаешь? Если живой останешься, то уж точно перестанешь быть самим собой. Потеряешь свою нечеловеческую часть существа, свое наследие Лесного царевича.

— Пап, я буду осторожен, обещаю. — Светозар притянул к себе отца, снова заключил в тиски объятий. Посопел носом на ухо: — А у вас с мамой точно всё хорошо?

Яр не ожидал вопроса, невольно напрягся, чем сам себя выдал.

Сын огорченно вздохнул.

— Она человек, Мышонок, — мягко произнес Яр. — Ей нужны перемены, как воздух. Но я подожду, пусть она немного развеется. В конце концов, ведь я привык ее ждать: ждать, пока она подрастет, пока повзрослеет, пока поймет, что хочет, чтобы у нас появился ты. А потом я еще ждал — когда она решится на Милку с Мирошем... Она вернется, куда она денется от нас.

— Человек, угу... Папка?

— Что? — отозвался Яр, поглаживая руки сына. И краем сознания придумывая, как бы аккуратней вырваться из объятий, если дышать будет уж совсем тяжело.

— А мама тоже когда-нибудь станет... старой? Дряхлой. Морщинистой, беззубой...

— Нет, Тиша, ведь мы этого не позволим. Ведь мы ее не отпустим, правда? — тихо произнес Яр.

— Не отпустим, пап. — Светозар уткнулся носом в зеленые волосы, пахнувшие хвоей и свежей листвой.

— Мышонок...

— У?

— Ты меня задушишь.

— Ой, прости, пап.

— И еще одно, — не удержался, вновь заговорил Яр: — Если тебе потребуется помощь...

— Пап! — возмущенно начал было сын, но отец просто закрыл ему рот ладонью.

— Если ты попадешь в беду, пришли птицу с восточкой. Любую птицу попроси, хоть ворону, хоть воробья. Или пошепчи на текущую воду. Заклинание помнишь?

— Помню, я всё помню, хватит уже меня поучать! — обиделся недоверием будущий

герой. — Вся текущая вода есть одно целое, все ручьи и реки, а также каналы и сточные канавы вместе с подземными водами соединяются между собой. И водяные начальники услышат всё, как бы далеко от их логова ни было произнесено это заклинание. Пап, я знаю, сколько можно повторять?!

— Наши водяные в крепком союзе с иноземными, и вместе они в состоянии в одно мгновение поднять реки и смыть с лица земли любой город! — торопливо договорил, повысив голос, Яр. Обхватил ладонями лицо сына, заставляя смотреть себе в глаза. — Я не оставлю тебя, если ты попадешь в беду! Если тебя схватят и заточат в темницу...

— Ты смоешь город и затопишь тюрьму, — поддакнул Светозар, по-утиному шевеля губами, потому как щеки были сплющены. — И я утопну вместе со стражей, в компании воров и преступников.

— Не порол я тебя в детстве, — вздохнул владыка Леса.

Он отпустил отпрыска, тот принялся тереть помятые щеки, поэтому родитель смог воспользоваться временной свободой от объятий.

— Вот, возьми, — Яр отцепил от своего пояса тугой кошелек, в котором звякнула отнюдь не медь.

— Пап, у меня есть, куда еще-то? — отказался Светозар. — Если будет надо, я сам заработаю, не маленький. А если буду ехать и звенеть деньгами, только воров привлеку. Зачем это.

Отец спорить не стал. Позже, когда сын крепко заснул, пригревшись под жарким боком своего чудо-коня, Яр выбрался из ослабевших рук и всё-таки засунул кошелек в тайный карман на попоне Полкана, шепотом велел:

— Если понадобится, отдашь ему. У Тишки и впрямь могут срезать кошелек, он вечно ворон считает. А к тебе ни один воришка не посмеет подойти. Так что пусть будет на крайний случай.

Конь важно кивнул зубастой головой. Не удержался, потерся атласной щекой о плечо владыки. Яр сделал вид, что не заметил, как кончик клыка случайно прошелся по рукаву, распарывая дорогую ткань.

Глава 2. Милена

Не так представлял себе Веснян Березопольский их путешествие. Еще прошлым летом — да что тут, еще этой зимой! — Милена Яровна не отказала бы себе в удовольствии замучить лесного воеводу капризами, скрасить путь-дорожку причудами. Он же, в свою очередь, рассчитывал в ответ заручиться ее поддержкой в одном щекотливом дельце. Свататься он надумал наконец-то. К Лилии.

А что? Веснян — лучший генерал в полном расцвете сил. Лилька — русалка, красавица и хохотушка. То, что она сохнет по царю, а шуры-муры крутит со старшим царевичем, это совсем не важно, это для девицы ее положения и звания вполне простительно и даже естественно. Именно сейчас, когда Яр занят разводом, а Тишка (то есть, тьфу, Светозар Ярович!) уехал мир смотреть и драконов побеждать — сейчас к обделенной вниманием русалке самое время засылать сватов. А кто лучше всех девичью придурь способен понять, как не другая девица? Вот и Веснян так рассудил, что лучше царевны союзника в этом предприятии ему не найти.

Только вот царевне оказалось совершенно не до него. Милену Яровну словно подменили в последние дни весны — собранная, целеустремленная, почти не капризничает и дурочку не валяет. Неужели наконец-то повзрослела? Обычные-то бабы в ее возрасте уже давно с юностью распрощались, да что там — о внуках мечтать начинают. Но ведь царское потомство — оно совсем особенное, все в отца пошли, взрослеть не торопятся. Вон, Евтихий хоть и старше сестрицы по годам, а ума и того меньше: имя себе героическое сколько времени выбирал! И на дракона поехал! Причем с голыми руками, тьфу.

Собиралась царевна в дорогу недолго. Выйдя за порог Дубравного дворца, Милена вмиг обернулась сизой горлицей — и помчалась, куда глаза глядят. Глядели ее очи лишь в одну сторону, лишь в неведомую даль ее влекло всем сердцем. Так что пришлось и Весняну облачиться в перья вместо привычной шкурки ежа — соколом взвился следом в высокие чистые небеса.

И летели они так без отдыха и перерывов, как на пожар. Какие уж тут разговоры. Милена даже перекусить отказывалась, приходилось воеводе, будто настоящей пташке, плотать на лету зазевавшихся мошек, вот же гадость. Отчего, естественно, настроение его лучше не делалось.

Спустя несколько часов лёту Веснян удостоверился, что обсуждение женитьбы может подождать, ибо раздраженная собственными заботами царевна не лучшая собеседница и советчица. Тяготы и лишения суматошного путешествия после полудюжины мошек показались уже не столь кошмарными, ведь в бытность свою ежом он тоже насекомыми не брезговал. Поэтому, смирившись с ролью бессловесного сопровождающего, Веснян попытался извлечь для себя хоть какую-то пользу из сего времяпрепровождения: с высоты птичьего полета стал выглядывать, что творится в его воеводстве. Так-то если смотришь обычно, то вроде всё хорошо. А угол зрения сменишь — сразу всяческие недочеты вылезают! Там болотце растеклось вширь без разрешения. Здесь, напротив, зелень разрослась слишком густо, молодые деревца вскоре начнут душить друг друга, не порядок. Тут поляна слишком широка, будто плешь сияет. Там ручей надо почистить от валежника... Однако ближе к закату Милена припустила с такой скоростью, что у сокола в глазах зарябило от

мельтешащих внизу ландшафтов. Да и запомнить сразу все замеченные проблемы оказалось слишком тяжело, а записать нечем, ибо рук птице не положено. Поэтому Веснян решительно плюнул на свои бесполезные старания. Не хватало еще опозориться: виданное ли дело, чтобы лешего укачало над собственным лесом! Или чтобы сокол потерялся в небе, упустив из вида очумело несущуюся горлицу.

Но сокол всё-таки запятнал свою репутацию, когда в сгустившихся сумерках его и горлицу вдруг окружили расплывчатые черные тени. Широкие крылья-пятна, полупрозрачные полосы хвостов, сама тьма вместо перьев. Поночуги проявили себя, стоило угаснуть солнечному свету. Они бдительно несли караул днем, прячась в тенях облаков или, напротив, низко стелясь над землею. Ночью же выстроились клином, не скрываясь, взяли горлицу и сокола в прямом смысле «под крыло». Веснян в обычном-то обличии старался обходить этих страшилищ стороной, лишней раз не смотрел в их совиные зенки размером с колесо телеги. А тут, сделавшись маленькой пичужкой, внезапно обнаружив себя в тисках между черными стражницами — он опозорился самым цыплячьим образом, благо царевна летела впереди него и ничего не заметила. Он же сам предпочел думать, что столь скверно повлияли на его пищеварение мошки, которых он проглотил сырыми и немывыми.

И целую ночь поночуги бдели над ними двумя. Иногда они задевали сокола шлейфом холодной тьмы, и Весняна передергивало от отвращения. Он упрямо летел за царевной через темноту и от души радовался хотя бы тому, что эдакие страшилища водятся не в его вотчине.

В итоге не удивительно, что наступившим утром у него не хватило сил отговорить Милену, когда ей непременно понадобилось пересечь границу родного царства. Веснян наивно надеялся, что ее неведомая цель найдется куда ближе, и ему не придется всё-таки расставаться с дочерью царя, которую пообещал беречь пуще ока. Но нет, по его чаянью не сложилось. Впрочем, Милена утверждала, что слишком отдаляться от границ Леса она не собирается: зов сделался отчетливым и громким, значит, и предмет ее поиска уже совсем близок.

— погоди, давай хоть соседа дождемся! — взмолился сокол, кинувшись оземь и превратившись во взмыленного воеводу. — Негоже по чужим владениям шастать, не поздоровавшись с хозяевами.

С этим доводом Милена согласилась. Кто ж знает, вдруг придется потом у местного лешака попросить об услуге. Так что сели на заломленную бурей березку, принялись ждать. Заодно дух перевести после несусветной гонки.

Поночуги, как положено, при солнечном свете вновь попрятались, будто их и не существует. Так что постороннему взгляду предстала бы вполне мирная и обыкновенная картина: опушка рощи, пригорок, жужжат шмели, шелестит листва, играет солнышко сквозь прозрачные кроны; парень и девушка сидят рядышком, раскрасневшиеся, друг на друга не смотрят, каждый о чем-то своем задумался.

И этот посторонний взгляд в безлюдном лесу к изумлению царевны и воеводы нашелся-таки! На пологий пригорок поднялись два всадника на тонконогих лошадках: бледные, хрупкие, узкокостные, стройные, остроухие — что всадники, что кони.

— Это еще кто? — шепотом недружелюбно удивилась Милена. Здешние земли были известны своей ненаселенностью — и вот сразу какие-то проходимцы!

— Может, эльфы? — также негромко предположил Веснян.

— Тощие какие, — скривила губы Милена. — Оборванцы-голодранцы это, а не эльфы.

— Может, давно путешествуют, вот и отощали, завшивели, — с легкой жалостью

окинул взглядом коней воевода.

— Простите! — подъехав ближе, обратился к царевне и к лешему эльф постарше. В глазах его, усталых и печальных, затеплилась искорка надежды. — Прошу прощения за беспокойство. Мы, вероятно, заблудились. Мы не местные...

— Оно и видно, — буркнула Милена. Благо она в свое время «одолжила» у отца знание заморских языков, так что понять, о чем бормочет этот странник, для нее не составило труда. Веснян же помалкивал, не вмешивался, предоставив царевне право самой объясняться с этими «залетными птицами».

Эльф откровенно смутился ее насупленному взору, разумеется, не подозревая, что раздражение вызвал не он сам, а вынужденная задержка. Милена не столько слушала его, сколько прислушивалась к затихающему зову — слышный только для нее голос слабел так некстати! И когда вновь зазвучит, черт его знает, а без этой путеводной ниточки лететь куда-то дальше бессмысленно.

— Мы сбились с дороги и, кажется, ходим кругами, — робко продолжил эльф, трепеща ресницами, не смея взглянуть прямо в глаза царевне, словно боялся вызвать ее гнев или увидеть презрение. — Не могли бы вы подсказать нам, как отсюда выбраться? Это было бы очень любезно с вашей стороны.

Тем временем второй всадник, еще более изящный и, вроде бы, чуть моложе первого, (хотя с эльфами по внешности не разберешь, кто из них на самом деле старше, такой они хитрый народ), этот второй близко не подъезжал. И поглядывал на царевну также подозрительно и холодно, как и она на них обоих.

— Нет, не подскажем, — отрезала Милена. Эльф аж воздухом чуть не поперхнулся от такой грубости, а младший неосознанно схватился за рукоять меча, что обнаружилось под полкой пыльного плаща. — Как вам дорогу указать, если вы неизвестно откуда и непонятно куда едете? Вам эдак любое направление подойдет, даже круговое, без разницы.

— Вы совершенно правы, миледи, — неожиданно тепло улыбнулся эльф.

Он сделал знак своему спутнику, чтобы тот не кипятился зря, а сам, легко спрыгнув с лошади и отпустив ее пощипать травку, подошел к царевне. И заглянул в глаза, сверху вниз. Капюшон плаща с головы откинул. Милена невольно покосилась, скользнула взглядом по гладким волосам эльфа, длинным, струящимся до пояса, цвета темного старого золота. А лицом этот странник был очень пригож, однако не человеческой пухлогубой смазливостью, нет, но какой-то завораживающей гармонией резковатых тонких черт. Впрочем, Милену экзотическая красота нисколько не заморозила. Может, на простой люд лицемерие эльфийской мордашки и должно оказывать чарующий эффект, но Милка-то отнюдь не простолюдинкой уродилась. В уме она невольно отметила, что родной ее папаша даже помилее получается. Напротив, иностранный красавец своей волшебной красотой даже отталкивает. Не в том смысле, что он ей противен или внушает страх, ни в коем случае. Но как мужчина он ее совершенно не интересуется. Определенно нет. Милена искоса бросила взгляд на второго эльфа и еще больше утвердилась в своем выводе: совершенно не стоят ее внимания, ни тот, ни другой. А следовательно и время на них тратить нечего.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Все эти сложные размышления пронесли в ее голове со скоростью стрелы, эльф договорить не успел:

— Мы давно потеряли след, по которому пытались отыскать одного... эм, человека. А теперь еще и сами заблудились, так смешно и досадно вышло. Могу я спросить, не

встречался ли вам невысокий, стройный юноша с золотыми вьющимися волосами и синими глазами...

— Нет! Невысокого с золотыми и синими не знаю. И никогда не видала, в наших землях таких точно не водится. — Милена резко поднялась с места, вынудив эльфа отступить назад. Она не стала распространяться, что зато есть у них златовласый синеглазый Тишка, ведь интересуются-то невысоким, а брат дылда. Следовательно, Мышонок тут совершенно не при чем, о нем и упоминать не стоит.

— Простите, — пролепетал эльф. Он чуть ссутулился от неудачи, очевидно постигшей не в первый раз.

Милена, может быть, и пожалела бы его, да ей было недосуг — зов вдруг зазвучал с новой силой, подхлестнутый какой-то особенной вспышкой горя. Словно та неведомая страдальца, замолчав на некоторое время, попыталась освободиться от нерушимых оков, вырваться из длительного плена, но опять у нее ничего не получилось и снова теперь только оставалось, что сетовать на горькую судьбу. Царевна всем сердцем устремилась вперед, желая помочь — той, кто безутешно звала, кричала в пустоту, отчаявшись быть услышанной. А приходилось тратить время на этих вот задохликов, которые умудрились заплутать на опушке светлой рощи. Милене, выросшей в Лесу, такого «таланта» было не понять.

— Спускайтесь-ка вниз по пригорку и не суйтесь вглубь рощи, — посоветовала она путникам.

Эльф вновь вскочил в седло, кивнул ей в ответ, но доброму совету не внял, направил лошадь вперед. Его спутник последовал за ним, коротко и колюче оглянувшись на царевну.

— Вы так не выедете никуда, — настойчивей произнесла Милена. — Спускайтесь обратно в долину и найдите человеческую дорогу. Поезжайте в объезд, через Лес вам пути нет!

— Благодарю, но в той стороне наши поиски не увенчались успехом, — уныло отозвался эльф. — Нам нужно двигаться только вперед, иначе мы его никогда не отыщем. Прощайте! Простите, что отняли у вас время.

— Тьфу на вас! — рассердилась Милена.

Вежливые до отвращения, эти бледные эльфы вывели ее из себя. Она едва сдерживалась, чтобы не сорваться на неповинном Весняне.

Но к счастью, как только странники скрылись за кудрявой зеленью, буквально из-под земли выскочил местный лешак: совсем дикий на вид, частично одеревенелый, замшелый, как пень, одетый в затасканную кабанью шкуру. Лицом и фигурой не человек — как есть чудище лесное.

Милена вежливо поздоровалась с соседом. Веснян представил ее лешаку, вкратце объяснил причину внезапного визита, попросил присмотреть за барышней, так как сам за пределы своих владений выйти не имеет возможности. Сосед в услуге не отказал, ворчливо, явно от смущения, буркнул, что присмотреть за девицей дело нехитрое. На что Веснян покачал головой, не согласившись, ибо имел опыт. Поночугам-стражницам лешак также разрешил проход. В ответ же сосед с неловкостью попросил у Весняна замолвить за него словечко перед царем-батюшкой, так как давно уж подумывает присоединить свои земли к Лесу, да всё не решался.

— Эх, что ж ты раньше-то не сказал! — и обрадовался, и одновременно огорчился Веснян от такой новости. Ведь объединение земель позволило бы ему сопровождать царевну до самой цели. Но теперь Милена точно не согласится ждать эти несколько дней, которые

потребуется Лесу, чтобы расширить границы.

Сосед лишь виновато развел руками-коряжками.

Милена не стала дальше слушать разговор леших, которые незаметно перешли на тему летнего хозяйствования, увлеклись животрепещущими вопросами урожая ягодников, приплода кабанов и тому подобное. Простившись, она отошла к склону пригорка — пробежалась, оттолкнулась от земли, взмахнула крыльями, взмыла выше изумрудных крон. Ее влекло вперед, на жалобный неслышимый стон, на горестный беззвучный плач.

— Какая дерзкая полукровка, — хмыкнул эльф, который ехал вторым.

— Она не пожелала указать нам путь, но зато дала бесценную подсказку, — произнес первый, грациозно держась в седле, как это умеют делать только чистокровные эльфы. Его глаза, обведенные тенями давнего разочарования, вины и сожаления, взирали на мир из-под полуопущенных век так терпеливо мягко, как умеют сиять лишь глаза бессмертного существа, прошедшего долгую дорогу жизни.

— Подсказала, причем сама того не понимая! — улыбнулся второй эльф. Однако короткая искра веселья мгновенно угасла. — Вот только, похоже, она говорит правду: она не видела нашего изгнанника. Возможно, он покинул ее мать до рождения дочери.

— Возможно и то, что с ним была не ее мать, а ее бабка. Или прабабка. А его кровь проснулась лишь в этой девочке, спустя поколения, — предположил первый, добавив спутнику причин для уныния. — Люди, даже полукровки, живут очень недолго, Нэбелин, если их жизнь не поддерживать чарами. Так что мы не знаем, когда именно он побывал в этих местах. Но даже если бы мы нашли ее мать, или бабушку, или прабабушку, или пра-пра...

— Понятно, Рэгнет, хватит! — раздраженно рассмеялся второй эльф.

— Даже если бы мы нашли ту женщину, — невозмутимо продолжал тот, — даже если бы застали ее живой и в твердой памяти, сомневаюсь, что она призналась бы нам в грехе своей юности. Ребенок от неизвестного странника, рожденный вне брака — для людей это страшный позор, Нэбелин, о таком молчат. Впрочем, это мог быть совсем другой странник, не тот, кого мы ищем.

— Ты знаешь много изгнанников среди нашего народа? — возразил ему спутник.

— Нет, но нельзя исключать и такую возможность.

— Позволь усомниться! И теперь мне еще больше хочется попасть в тот Заповедный лес, — признался второй.

— Но, кажется, мы там нежеланные гости, — тяжело вздохнул первый, указав спутнику на приметный залом на нижнем сучке отдельно стоящей сосны.

— Опять?! — возмутился второй. — Сколько еще раз мы должны здесь проехать?!

— Столько, сколько захотят хозяева этих земель, — смиренно пожал плечами первый. — Или до тех пор, пока нам самим не надоест ездить кругами. Может быть, всё же последуем совету той полукровки и вернемся ближе к людским поселениям?

— Нет, давай еще! Я так просто не сдамся! — разозлился его спутник, решительно ударил пятками своего скакуна, заставил круто развернуться, натянув поводья.

Старший эльф вновь глубоко вздохнул.

Слишком далеко улетать от границы родных земель Милене не потребовалось.

«Веснян сглазил, зануда!» — она мысленно цыкнула языком в разочаровании. Конечно, хотелось поскорее найти источник плача. Но и чужие страны тоже хотелось увидеть, когда еще из Леса ее отпустят-то! А тут на что смотреть? К досаде царевны воевода оказался прав, совершенно ничего интересного, всё то же самое, что и дома: опушка, долина, луга, речушка, опять луга, пустошь, озерцо, луга... Сплошное зеленое уныние, если смотреть с высоты птичьего полета.

Но вот стоило Милене обогнуть круглое, как блюдце, озерцо и стремглав полететь дальше — голос начал затихать, будто постепенно отдаляясь. Милена не сразу и сообразила, что это она сама от него отдаляется, от голоса. Пришлось вернуться. Пришлось нарезать круги в небе, пристально разглядывая землю внизу.

И ничего! На десятом круге в глазах рябило от пронзительной зелени, а толку никакого. Ни мрачного замка чернокнижника, который мог бы похитить тоскующую красавицу. Ни поместья лорда-злодея. Ни домика. Ни лачужки. Ни шалашика! Но хоть что-то должно быть? Казалось, плач исходит из пустого воздуха.

Милена уж стала подумывать, не привидение ли она слышит. В таком случае придется ей вернуться сюда ночью. Вдруг при лунном свете грустный призрак соизволит проявить себя не только стенаниями, но хотя бы тенью, что ли.

В сомнениях и раздосадованная, царевна возвратилась к Весняну.

— Может, она под землей томится? — выдвинул предположение воевода, когда они сели обедать в компании гостеприимного соседа.

— Очень может статься! — обрадовалась Милена. Всё-таки с призраком ей иметь дела не хотелось, умершему помогать совсем неинтересно. Да и как поможешь? Развеять и окончательно уничтожить, чтобы душа не мучилась? Нет, эдак вовсе не весело.

Меж тем Веснян заседал с расспросами на соседа, но тот упорно молчал, как деревянный. Лешак и рад был бы помочь им в поисках, но, как он намекнул, раскрывать сию тайну ему было строго-настрого запрещено давным-давно кем-то весьма могущественным.

— Ну и молчи тогда, сама разберусь, без подсказок! — надулась Милена на его бормотание и отговорки.

Лешак вдруг отодвинулся от расстеленной на полянке скатерти, врос ногами в землю и за мгновение превратился в куст боярышника, не по сезону увешанный яркими ягодами. Милена удивилась, в голове ее мелькнула покаянная мысль, не была ли она слишком резка с новым знакомым. Но всё объяснилось проще: к поляне подъехали те самые два заплутавших эльфа — снова сделали крюк и воротились.

Веснян пихнул царевну локтем в бок и шепотом велел, чтобы она пригласила путников разделить с ними трапезу.

— Не по-людски получится, коли не приветим! — шипел он ей в ухо.

Милена отмахнулась:

— С каких это пор ты сделался человеком?

Но изобразила на лице улыбку, приветственно помахала ручкой, обвела широким жестом скатерть, уставленную простыми, но сытными и разнообразными кушаньями.

Эльф помладше попытался увильнуть от такой щедрости, горделиво вздернул острый нос. Но старший на него укоризненно зыркнул, и тот смиренно сполз с коня.

Милена со старшим обменялись малозначащими вежливыми замечаниями о погоде, о природе. И замолчали. Младший эльф вообще ни слова не проронил, сидел чинно, вкушал пищу изящно, следил за сотрапезниками из-под густых ресниц. Веснян делал вид, что

иноземных языков не понимает. А куст боярышника неприметно, шагок за шагом, отступал к стене ельника.

— И всё же очень вам рекомендую вернуться на людские земли, — нарушила молчание царевна. — Если вы не хотите напрасно терять время и блуждать в двух соснах. Лес вас не пропустит. Просто потому, что хозяин терпеть не может эльфов. Он к людям и то снисходительней относится, чем к вашему племени.

— Почему? — уточнил старший странник.

— Это его право владыки — не пускать в своё царство тех, кто ему не нравится, — уклончиво ответила Милена.

— Вы знакомы с правителем этих земель? — спросил странник.

— Вы не в меру любопытный господин, — заметила царевна.

— Простите, — покаялся эльф.

На сей раз совет Милены не остался отринутым, странники направили коней прочь от границ Леса.

Милена смотрела им вослед... И ее осенило. Она кинулась в полет, рассекая воздух крыльями, стрелой долетела до озерца.

Так и есть! Точно такие же чары, что заставляли эльфов ходить кругами, не позволяя пересечь границу Леса, охраняли и это озеро. Вернее, здесь не было никакого озера! Волшебство сочетало в себе два заклятья: запрет на проникновение чужаков в пределы зачарованного пространства и второе — отвод глаз. Кстати, обычная для эльфов хитрость: под видом пустоши, холма или озера скрывать свои города и замки. Как только Милена поняла, что именно перед нею, колдовство сокрытия перестало на нее действовать. Ну, а «ломать» охрану границ она умела с малых лет. В свое время папочка Яр намучился с дочкой, безуспешно пытаясь запереть непоседу в детских покоях, оберегая крошку от превратностей бытия, крутых лестниц, открытых балконов и высоких башен дворца, куда Милена стремилась попасть, еще толком не научившись ходить.

К некоторому ее разочарованию под видом озера прятался вовсе не роскошный замок. Чары скрывали всего лишь старую кособокую башню, полуразрушенную под натиском буйной зелени, что облепляла ее со всех сторон. Похоже, она до сих пор не рухнула из-за того, что деревья, выросшие под самыми ее стенами, эти самые стены и поддерживали своими стволами. Ветки беззастенчиво выдавили окна, впились в щели между кладкой, разрастаясь и кроша камень. Конусная крыша сияла проломленной дырой. Милена поморщилась: немудрено, что плененной душе в этой башне было так тошно. Снаружи-то на это запустение смотреть невесело, не то что сидеть внутри взаперти.

У подножия башни царевна с удивлением обнаружила маленькую деревеньку в десяток лачуг. Причем маленькую в прямом смысле слова: домишки вдвое ниже, чем обычно строят люди. Небольшие дверцы, окошки-дырки. По узенькой короткой улочке разгуливают гуси и куры. Собачьего лая не слышать, похоже, здесь псов не держали, что Милене только на руку. Коров, коз, овец и лошадей тоже не было. Вскоре она поняла, отчего так: деревеньку населяли существа-коротышки в половину человеческого роста. Таким мелким хозяйкам с обычной козой было бы трудно управиться, а про лошадей-коров и говорить нечего.

Соблюдая крайнюю осторожность, Милена прокралась ко входу в башню. Пока хоронилась под сенью зарослей, продвигаясь быстрыми перебежками от дерева к кусту, от куста к заборчику, она успела разглядеть обитателей деревеньки, занятых своими повседневными заботами. Мало что низкорослые и длиннорукие, так еще и с зеленой кожей!

И почему-то все только женщины, если судить по залатанным платьям и по платочкам, повязанным на головы поверх ржаво-рыжих курчавых волос, даже на вид жестких как проволока. На лицо чисто поросята: глазки маленькие, носы пяточком, щечки кругленькие, вот только не румяные, а зеленые в желтоватую оливковость. Милена поудивлялась таким невиданным существам, но умеренно, ибо те же поночуги куда удивительнее. И юркнула в проход башни.

В башне против ожидания оказалось не совсем всё запущено. Во всяком случае лестница, ведущая наверх, была вполне способна выдержать вес любопытной царевны. И заросли прорежены эдаким коридором ровно в рост зеленых человечков, так что Милене приходилось подниматься, пригнувшись, чтобы не цепляться волосами за густое сплетение колючек и сучков.

Она шла на голос, и неслышный зов, звучащий в ее голове, делался всё отчетливее с каждой ступенькой. Хотя пройти мимо не получилось бы никак: лестница вывела ее к большому залу, занимавшему всю ширину башни.

Как она и видела снаружи, высокие окна лишились рам, от некогда сиявших разноцветьем витражей остались осколки, а в проемы пролезли толстые ветви деревьев и лозы вьющихся растений. Весь зал был буквально пронизан ветвями и веточками, засохшими и живыми. Годами копившаяся паутина белела тут и там. Милена даже заметила несколько птичьих гнезд и беличью норку. А еще здесь были сундуки, сломанные пустые и запертые крепкие. Полки, на которых пылились осколки сосудов и бутылей странной формы. Остатки простой грубой мебели.

Посреди безмолвствующей разрухи стояла статуя. Очень необычное изваяние: узкий силуэт, задрапированный складками серого балахона. Поднятые вверх руки, словно статуя пыталась защититься, остановить направленный на нее удар. Кисти худые, пальцы длинные, как у скелета, запястья тонкие с выпирающими косточками суставов. Из-под низко опущенного капюшона видны только волосы. Много волос! Очень много.

Каскад тускло блестящих прядей паутинными нитями струился по плечам, по спине, огибая капюшон, по складкам балахона, подтверждая, что статуя не всегда была истуканом. У каменных изваяний такого богатства не бывает. Серые, цвета стали, с отчетливым фиолетовым отливом. Настолько длинные, что ниспадали до пола, змеились вокруг изножия, где подол балахона сливался с накопившейся за долгое время пылью и древесной трухой — и тянулись дальше. Некоторые пряди были заботливо развешены на низких ветках, точно праздничные гирлянды. Более того, некоторые были заплетены в причудливые косички и украшены бусинками, ленточками или пестрыми птичьими перышками. Судя по высоте, на какую вешались пряди, волосами занимались всё те же зеленолицые бабёнки.

— Ты меня звала? Я пришла! — потоптавшись на пороге, Милена решила обратиться к статуе. И тут же подумала, как нелепо звучит ее живой голос среди этого странного святилища. А именно на святилище это было больше всего похоже: перед статуей лежали кучкой засохшие цветы, сморщенные плоды дикой яблони и почему-то сосновые шишки.

— Чем я могу тебе помочь? — продолжила Милена. — Я почувствовала твою боль и печаль и явилась сюда. Дай мне знак какой-нибудь, что ли. Что мне для тебя сделать?

Она подошла к статуе вплотную, пусть для этого пришлось отпихнуть ногой в сторону ворох «приношений». Положила ладонь на грудь нерукотворному изваянию. Никаких сомнений, запертая в окаменевшем теле душа ее услышала, затихла в смущении и непонимании. Плач смолк, еще когда царевна поднималась по лестнице. Статуя напряженно

ждала, и если бы могла дышать, затаила бы дыхание.

— Бедняжка, тебя кто-то заколдовал, — произнесла Милена.

Она дотронулась до капюшона и обнаружила, что тот сделан вовсе не из камня, как показалось на первый взгляд. Тяжелая ткань, сыпя струйками пыли под ее рукой, соскользнула с головы статуи назад, упала на плечи. Милена обрадовалась, что вот сейчас наконец-то увидит лицо той, кого узнала «понаслышке»... И недоуменно подняла брови — лица несчастной она всё равно не увидела. Мешали волосы, которые под тяжелым капюшоном сами собой сплелись в плотный покров.

— Э-э, так и не поговоришь толком. Где глаза-то? — проворчала царица.

Она привстала на цыпочки, так как окаменелая пленница оказалась на пару вершков выше ее. Поглядела и так, и эдак — ничего не видать. Однозначно надо резать!

— Ты только не волнуйся, я не буду слишком коротко кромсать, — заверила Милена статую. И достала из ножен у пояса удобный ножик, который всегда носила при себе и не забывала регулярно натачивать.

Она принялась за дело, от усердия прикусив кончик языка. Змеистые тяжелые пряди падали к ногам статуи, свиваясь прихотливыми вензелями, рассыпаясь серебристо-сиреневой паутиной. Челка получалась неровная, заборчиком, длиной до губ несчастной. Кстати, губы оказались красивые, пусть и плотно сжатые в гневном выражении. Подбородок узкий, немного великоват для девушки, но для молодой женщины в самый раз. Без следа щетины, что подтвердило догадку царицы о поле пленницы. Ведь если за время заточения волосы так отросли, то будь на месте этой несчастной мужчина, борода получилась бы не короче! Правда, когда между раздвинувшимися прядками обрезаемой челки показался нос — вот он подпортил портрет незнакомки, что уже нарисовался в воображении Милены. Слишком крупноват на вкус царицы. Прямой, узкий, с тонкими ноздрями, но для девушки мало подходил. Бедняжка явно не была красавицей «при жизни». По этому поводу сердце Милены снова преисполнилось жалости.

Резать волосы без ножниц было неудобно. И немного неловко, честно сказать: приходилось одной рукой придерживать плотные пряди, чтобы не ускользали из-под лезвия. При этом то и дело тыльная сторона ладони или костяшки пальцев касались лица статуи. На ощупь оно не ощущалось каменным, гладкое, бархатистое. Холодное и жесткое, но никакой шероховатости или полированного глянца настоящих статуй — как есть человеческая кожа, только истончившаяся, сухая, обтягивающая кости черепа.

— Эх, сколько же ты здесь простояла? Совсем отошала, — вздыхала Милена сочувственно.

— Ой! — Заглядевшись, она чиркнула всё-таки ножом по своим пальцам.

Но испугалась она не укола неожиданной боли, а того, что могла случайно поранить статую лицо. Она кинулась ощупывать, осторожно водить подушечками пальцев по скулам, по невредимым щекам — и случайно размазала капельку крови по коже. Алый след ярким штрихом засиял на безжизненном сероватом лице. Милена, поглядев на это, снова протянула руку вперед — и сочившейся из пореза кровью густо выкрасила бледные губы. Царица довольно улыбнулась: совсем другой вид! Порез же на пальце затянулся мгновенно, стоило только лизнуть.

Задумчиво посовав палец, Милена посчитала, что проделала в «занавесе» достаточную брешь. Укороченные пряди удалось расчесать пятерней вместо гребешка и раздвинуть на прямой пробор. Получилось очень даже неплохо! Длинная челка хорошо подошла к

длинному носу, высокому лбу и узкому лицу с острым подбородком. А глаза у статуи оказались красивые! Широко распахнутые, взгляд устремлен на противника, которого давно след простыл. На слипшихся ресницах, до зависти длинных и густых, кристалликами остекленели слезы, темные соболиные брови сурово сдвинуты к переносице. Но всё равно понятно, что «при жизни» даже нос не слишком портил общую приятную картину. Светлая радужка завораживала, глаза словно были сделаны из серебра с тонкими ниточками чернения. Милена вздохнула: вот бы еще не было этой невероятной болезненной худобы, из-за которой острый нос выглядел хищным клювом, подбородок слишком выпирал, а глаза запали, обведенные нездоровыми тенями.

Повздыхав, освободительница перешла к остальным волосам. Царевне совершенно не нравилось, что несчастная висит, словно птичка в силках в сети из собственных прядей. Расплетать то, что было тут понакручено на всех ветках, не хватит и года. Да и не нужно бедняжке столько-то, к чему? Милена решила, что длины до пояса вполне достаточно — хочешь, потом косу заплетай, хочешь прическу сооружай, на любую хватит. Жалко, конечно, такую красоту резать, но придется здесь оставить, иначе саму спасательницу понадобится спасти — запугается в локонах спасаемой...

За этим занятием царевну и застали.

Одна из местных жительниц принесла очередные дары для статуи — букетик первоцветов. Однако цветы выпали из ее узловатых пальцев, когда коротышка узрела эдакое святотатство: неизвестно откуда взявшаяся чужачка осквернила их бесценную статую!

Коротышка схватила метлу, (которую тоже принесла с собой, чтобы немного прибраться в зале и на лестнице), и, угрожающе выставив древко, громко заорала:

— А ну брысь отсель!!! Ты шо ж натворила, зараза?! Защитницу нашу опоганила!!!

Милена, увлекшаяся стрижкой, подпрыгнула на месте мячиком, развернувшись, машинально вскинув перед собой нож.

— А ну не ори-ка на меня! — парировала царевна грозно.

Хотя испугаться было бы не стыдно: несмотря на малый рост, коротышка выглядела крепкой, плотной, как пенёк свежесрубленной березы. Драться с такой бабой на кулачках не хотелось, тем более руки у нее отвисали, загребушие, ниже собственных колен. И не важно, что ноги под юбкой явно короткие и кривые, как с неуместной злорадностью отметила Милена.

— Дык, как жесь не орать-то?! — наступала коротышка, размахивая древком метлы, что алебардой. — Ты чего тут наделала?! Всё красоту нашу попортила! На Богиню нашу — с ножиком?! Да как у тебя рука-то поднялась, поганка ты эдакая!!!

— Сама ты лягушка зеленая! — не отступала Милена. — Бедняжку тут заперли и еще издеваются над нею? Ей плохо, у нее горе, а вы что? Цветочки ей таскаете, как на погост?

— Не смей тревожить нашу Госпожу!!! — не слушала ее коротышка.

— Не смей на меня палкой своей махать!!! — не на шутку рассердилась Милена.

— Вот и получишь! — не отставала бабёнка, метлой размахивала, но слишком близко не подходила, рассчитывая взять на испуг. — Бабка моя за Богиней смотрела, мать моя смотрела, я всю жизнь присматриваю! А ты кто такая, чтобы косы ей резать?! Явилась! Кто тебя звал-то?!

— Она сама и звала! Столько лет приживалами тут живете, а не догадались помочь? — орала в ответ Милена. — А если сами не могли расколдовать, привели бы кого-нибудь знающего, не утрудились бы! Устроили из чужой беды себе культ — и хорошо вам? И

живёте, радуетесь?! Да чтоб вас всех, чертовки зеленые!!! Указывает она мне тут! Помелом мне перед носом машет?!

Что-то так Милена разозлилась сильно! Так что саму себя забыла в праведном гневе. Гнев превратил лесную царевну в страшную и неукротимую повелительницу бури. Вознесясь над полом на порывах невесть откуда прилетевшего урагана, взвившего в воздух тучи сора и пыли, Милена неудержимо поднималась выше и выше, пока напрямик через дырявую крышу не воспарила над башней. Не в силах подавить kloкотавшие в груди чувства, она принялась в сердцах крушить всё вокруг, разве только громы и молнии не метала во все стороны.

С деревьев и кустов сорвало листья закрутившимся шквалом, с лачужек развеяло соломенные кровли, хлипкие стены развалились по досочкам! Шум поднялся, гвалт. Птицы, что воробьи с воронами, что куры и гуси, перепугались, раскричались, прыснули в разные стороны, хлопая крыльями.

Бабы зеленые переполошились, подхватились носиться взад-вперед по рассыпающейся деревушке, тщетно стараясь сберечь хоть что-то из своего нехитрого хозяйства.

— На чужом страдании счастье свое построить хотели?! — гремел с высоты голос царевны. — Воспользовались беспомощностью?! Некому было вас отсюда прогнать взашей, вот и расселились, как у себя дома?!

— Ах, беда! — голосили бабы, хватаясь друг за дружку и за гнущиеся деревья, чтобы не унесло ураганом куда подальше. — Жили при Хозяйке, не тужили! А тут — нате! Свалилась дьяволица на наши головы! Что ж будет-то? Да мужиков-то нету, некому нас, горемычных, защитить! Госпожа от этой дьяволицы саму себя не уберегла, уж куда ей нас, бедных, оградить от произволу-у-у!..

И пусть еще радуются, что Милена быстро выдохлась! Ураган сбавил мощь, зато зарядил холодный злой ливень, причем надолго.

Оглядев последствия своей вспышки, лесная царевна чертыхнулась сквозь зубы, обернулась голубкой и улетела в сторону Леса. Нужно перевести дух, чтобы тут всех не поубивать. И, что гораздо важнее, необходимо срочно посоветоваться с отцом.

...Яр на ее просьбу поговорить откликнулся мгновенно. Для детей у него всегда находилось время, чем бы он ни занимался в этот момент. Даже прервет архиважное совещание с водяными на счет половодья, если дочка совета просит.

Чтобы Милене было удобнее общаться с ним на расстоянии, Яр в пару мгновений заставил плотный лишайник на толстом стволе осины изобразить его рельефный портрет. Лишайник задвигался, принял нужную форму, лицо ожило, передавая всю богатую гамму мимики лесного владыки. Царевна пожалала плечами: ей было, собственно, безразлично, она могла бы обойтись и мысленным разговором благодаря связи через Лес. Но если папе не лень всё усложнять, пускай балуется.

— ...В общем, я сдерживалась изо всех сил, пап, честное слово. Но эти жабы так меня разозлили! — искренне заявила Милена.

Пока она рассказывала вслух, (в том числе для Весняна и соседа, внимательно слушавших, сидя тихо в сторонке и попивая хмельной квасок), для отца она передавала через Лес и «картинку»: всё то, что видели ее глаза, пока она пробиралась в башню и справлялась с гривой «плененной богини», а также про стычку с зеленой бабой. Правда, момент с праведным гневом Милена оставила при себе, делиться с родителем этим свежайшим воспоминанием она не решилась.

— Пап, как думаешь, можно ее обратно оживить? — спросила Милена.

И наконец-то заметила, как застыло в гримасе горького изумления лишайниковое лицо. Царевна подергала отца через незримые нити связи, но в ответ получила молчание.

— Папка? — осторожно позвала она. Гробовая тишина, аж холодом повеяло.

— Папа? — встревожилась Милена. Словно в пустоту крикнула.

— Папочка!!! — спустя секунду она уже перепугалась до паники.

— Я здесь, солнышко, я с тобой, — голос отца прозвучал подозрительно ровно.

Милена перевела дух:

— Я уж подумала, что у тебя вдруг сердце остановилось. Не пугай меня так больше!

— Ну, что ты, солнышко, — негромко рассмеялся Яр. — Даже если из меня вынуть сердце, это меня не убьет, пока я принадлежу Лесу, ты же знаешь.

— Да ну тебя, жуть какую-то вещаешь, — надулась дочка. Напомнила: — Что с «богиней» делать-то будем?

— Оживлять, разумеется. — Яр пожал бы плечами, но лишайник отображал только лицо. — Тем более ты уже начала творить волшебство освобождения.

— Да? Какая я молодец, — похвалила саму себя Милена.

— В прошлом мне пришлось возродить его к жизни, используя мою кровь и плоть, — задумчиво продолжал Яр. — Теперь, похоже, пришел твой черед.

— погоди, ты сказал «его»? — насторожилась дочь. То, что ради чар придется пустить себе кровь, ее взволновало значительно меньше.

Яр помолчал чуток, фыркнул, тяжело вздохнул, улыбнулся:

— Ты нашла Сильвана, моего давнего приятеля.

— Того чернокнижника, с которым ты поссорился?

— Того, кто прогнал меня, — глухим ровным голосом признался Яр. — Если бы я знал, что он поселился совсем рядом...

— Ну, не то чтобы близко, твое величество, — вставил Веснян, а сосед-лешак согласно закивал косматой головой. — Когда он тут объявился, твое царство ограничивалось одной Дубравой. А от нее досюда, считай, пешим ходом чесать и чесать!

— Если бы я знал... В таком случае я, может быть, и вовсе не стал бы царем, — пробормотал Яр. — Потом еще этот дракон проклятый... Дракон?..

Милена с изумлением ощутила, как Лес виновато затих. Нет, птицы по-прежнему пели, а деревья шумели листвой, как обычно. Только невидимая душа Леса покаянно замолкла, заглушила свой постоянный радостный звон жизни. Жизни, что беспрерывно наполняла собой всё пространство царства. От необычной тишины заложило уши.

Яр, ошеломленный новостями, ослепленный вспышками внезапно проснувшихся воспоминаний, с трудом сумел взять себя в руки. Молчание Леса он почувствовал в полной мере. И лучше всех прочих живых существ ощутил, как это затишье губительно — равно в человеческом теле остановится течение крови! Делать нечего, ссориться с собственным царством негоже, даже из-за такого предательства и самочинства.

«Я прощаю твоё своеволие, Лес! — громко объявил Яр, так, чтобы беззвучно разнеслось по всей принадлежащей ему земле, от края до края, от севера до юга. — Я вижу, ты желал мне только добра, запечатав мою память. На первый раз прощаю. Но впредь решать что-либо за меня ты не посмеешь.»

Лес согласился. Милена вздохнула полной грудью, поняв, что эти долгие мгновения сдерживала дыхание.

— Пап, но не может такого быть, какой же это мужчина? — Царевна опять перевела

разговор на то, что сейчас ее волновало больше всего. — Ну, где ты видел таких мужчин? Может, ты чего спутал? Ведь женщина это!

— Солнышко, я знаю Сильвана, — напомнил Яр. — Уж такое отличие я бы точно заметил, поверь. Ведь я его до последней косточки...

— Помню, ты рассказывал, — прервала его дочка. Ворчливым громким шепотом добавила: — Может, он поэтому и сбежал от тебя? Мало кому понравится, чтобы его разбирали и собирали по косточкам.

— Солнышко, он не сбежал, — поправил Яр. — Он заставил меня уйти.

— Но лицо такое нежное разве может быть у мужика? — не унималась Милена. — Такие волосы шелковые? Глазищи, как омуты. Руки изящные, а фигура?

— Что — фигура? — фыркнул Яр. — Много ты под балахоном разглядела?

— Да и рост женский — самую чуть лишь меня выше! — продолжала убежденно дочь, не слушая. — Не бывает таких миленьких маленьких мужчинок!

— Нормального он роста, — возразил отец со смешком. — Это ты у нас слишком вымахала, аж мать переросла, не то что меня.

Милена оглянулась на пыхтящих и давящихся в ладошки леших:

— Нечего ржать, кони! Я про людей говорю, люди все грубые, а мужики бородатые! А папка был эльфом, не сравнивайте! Эльфам природой положено быть хлипкими красавчиками, а среди человек поди найди подобного!

— Солнышко, успокойся. Всё у него нормально и с фигурой, и с лицом, — терпеливо пояснил Яр. — Как еще может выглядеть тот, кто едва перестал быть мальчишкой, но не успел стать мужчиной? Понимаешь, просто Сильван был очень юн, когда его впервые убили. Потом он повзрослел и даже немного вырос, но не возмужал. Усы с бородой у него по этой же причине не растут, о чем он, кстати, раньше очень переживал. Так что прошу, не напоминай ему об этом.

— Угу, — насупилась Милена. — Просто скажи, что ты его поэтому и выбрал себе в приятели, что он был весь такой особенный, хорошенький и на эльфа смахивает.

Яр не нашел, чем возразить догадливой дочурке.

Владыка Леса подробно объяснил царевне, что нужно сделать, чтобы чары окаменения развеялись. Оказалось проще простого: немного поколдовать и напоить болезного теплой кровью. Эльфийская кровь Яра в свое время вернула некроманта с того света. Пусть Милена лишь наполовину эльфийка, но в данном случае и этого будет довольно, ведь в застывшее тело заключен всё еще живой дух.

— А на гоблинш ты зря обрушилась, не виноваты они, — поведал в свою очередь сосед, которому уже не было смысла хранить чужие секреты.

Оказалось, «зеленые человечки» поселились возле башни много после того, как с Сильваном случилась эта беда. Каким-то образом они смогли преодолеть защитные чары, возможно даже, сам хозяин башни открыл им проход, разрешил обосноваться рядом. Ведь у него осталось дитя без присмотра и помощи, а гоблинши о любимце «богини» заботились, как о родном: кормили, одевали, даже по-своему, по-гоблински, воспитывали и обучали, как жить на свете. И не важно, что дитя оказалось не менее странное, чем «родительница». За три поколения, что сменились в гоблинской деревушке, дитя не то что ни состарилось, оно едва-едва подросло.

— Ребенок? — выгнула бровь Милена. Отчего-то эта новость ее задела. Причем непонятно, то ли хорошо это, то ли плохо, что у симпатичного чернокнижника есть какое-то

там неведомое дитя.

— Он с этим дитём сюда пришел, — пояснил лешак. — Уж не знаю, откуда он его взял. Но любил его сильно очень! По нему и убивается теперь.

Много лет «статуя» простояла смиренно и тихо. Силы, что возвращались скудными каплями, Сильван не копил для освобождения, а безрассудно тратил на поддержание охранных чар, не подпуская к башне ни хищных зверей, ни людей, которые к гоблинам издавна питали крайнюю неприязнь. За это гоблины его и боготворили. Хотя, как и Милена, обманулись внешностью, приняв за женщину. К тому же громко рыдающее у ног статуи дитя наводило на мысль о самоотверженном материнстве, что не могло не тронуть сердца зеленых «человечков», ведь у гоблинов такой уклад, что общиной руководят не отцы и деды, а матери и бабки.

Так и зачах бы окаменелый чернокнижник в своей башне, потихоньку отдавая жизненную силу обитателям деревеньки и своему дитю. Да только дитя подросло — и сбежало. Что именно его напугало или вдохновило на побег, никто не знает. Обеспокоенные гоблинши, как только обнаружили пропажу, немедленно отправили в погоню всех мужчин своего невеликого селения, но те до сих пор не вернулись, хотя уж несколько месяцев прошло. Затосковав о любимце, Сильван не удержал чувств, эмоции переполняли его — и выплескивались беззвучным плачем, который довелось услышать Милене.

— Странно, почему же тогда я ничего не слышал? — недовольно заметил Яр.

Лес безмолвно покаялся, что нарочно не пропускал к Владыке зов печали, так как не хотел его расстраивать.

«Сплю до кустика!» — мысленно рявкнул на такую заботливость Яр.

Лес заметил, что сей грех царь только что простил совокупно, ибо эта мера была принята, исключительно исходя из опасения, что зов напомнил бы хозяину о неприятной встрече с драконом.

«Выкорчую!» — пообещал Яр.

Лес тактично промолчал.

Чтобы хоть как-то успокоиться, Яр десять раз повторил дочери, что ей предстоит сделать. Та не перечила, десять раз выслушала, так как подобным серьезным колдовством ей не доводилось еще заниматься, тем более в одиночку. Тем более — колдовать над тем, о ком в ее детстве отец часто рассказывал забавные истории перед сном. Если судить по тем байкам, не стоит удивляться, что непутевый чернокнижник попал в такую глупейшую ловушку и простоял истуканом много лет... И всё-таки Милене теперь стало его еще жалче, чем прежде, когда она не знала, чей голос слышит.

Вернувшись к башне, царевна, стиснув зубы, пошла пешочком в деревню. Как и ожидалось, гоблинши, с причитаниями разгребавшие свалку, в которую превратились их жилища, встретили обидчицу неласково. Кто-то схватился за грабли, косы, за лопаты даже.

Милена встала перед ними, сгрудившимися и оцетинившимися, безоружная и виноватая. Ну, по крайней мере, она честно пыталась изобразить на лице безмерное раскаяние.

Подождав, когда стихнут крики и зеленые бабы поймут, что прямо сейчас их убивать никто не собирается, лесная царевна поклонилась в пояс и попросила прощения:

— Сожалею, что так получилось, — буркнула она, отводя глаза и поджимая губы. — По недоразумению вас обидела. Пожалуйста, не держите на меня зла.

Произнеся, что продиктовал отец, она развернулась и пошла в башню. Гоблинши

проводили ее ошалелыми глазами.

В башне ее ожидало приятное удивление: кровь, которой она из баловства намазала губы статуе, исчезла, точно впиталась. Зато лицо выглядело уже не таким землисто-серым и глаза не столь стеклянными. Милена не удержалась, тихонько потыкала пальчиком в щеку — стала куда мягче! А губы так вообще почти нормальные. Теперь получится их чуть-чуть раздвинуть, чтобы... Милена жутко покраснела. Вроде бы делает ровно то, что велел отец, но отчего-то стыдно и жарко-душно. И в глаза статуе прямо поглядеть решимости не хватает. Только получается искоса сквозь ресницы мазануть быстрым взглядом — и тут же хочется поскорее отвернуться. После стрижки и первой стадии оживления «изваяние» показалось ей каким-то другим. Вроде бы еще красивей. Особенно если помнить, что перед ней мужчина, а не страшенькая женщина, как она раньше наивно полагала. Отчего-то от таких мыслей щеки Милены разгорались маковым цветом, вот же нелепость.

А статуя вправду стремилась ожить. словно кончилось в ней (в нем!) терпение, словно не желал больше ждать ни минуты промедления. Как будто царица своим появлением в башне пробудила в нем не просто надежду, но открыла внутренний источник силы, казалось бы, давно иссякший.

Милена, передвигаясь кругами по залу, то и дело наталкивалась на ветви или сломанные предметы обихода — не мудрено, если смотреть не вперед, а приклеится глазами к статуе! Скорее случайно, нежели целенамеренно, она нашла пыльный серебряный кубок. Точнее пнула, и он со звоном откатился из-под ноги, пришлось лезть под заросли колючек, доставать. Потом в раскуроченном корнями сундуке она машинально взяла тряпочку, чтобы кубок протереть. Даже самой стыдно, неловко, что постоянно оглядывается на статую, обходя ее (его!) по кругу, а глаза видят совсем не то, что перед носом, а то, что ярко рисует воображение. И рисовало оно невесть что, ей-богу! Хорошо, что сейчас Милена находится вне границ Леса, иначе отец непременно бы услышал, так безудержно громко разыгралась ее фантазия, вот уж стыдоба-то получилась бы.

Однако кое-как справившись с волнением, царица выполнила всё, что велел Яр. По его подсказке нашла сохранившийся сундучок, в котором чернокнижник держал зелья в маленьких флакончиках и порошки в баночках, выбрала нужные, высыпала в серебряную чашу, отмерив, сколько сказали. Разрезав себе руку ножом, нацедила туда же алой кровушки, так, чтобы на глоток-два хватило. Порез лизнула языком, моментально заживив, а жижу в кубке перемешала пальцем, потом тоже облизнула, скривилась: гадость несусветная!

Затем она поднесла кубок ко рту — к своему. И, с шумным прихлёбыванием, морщась, вобрала в рот, но не проглотила. Шагнула к статуе, покрасневшись еще больше, осторожно пальцами приоткрыла ему губы — и неловко припала с поцелуем, с напором протолкнула ему в рот кровавое зелье, помассировав пальцами щеки и собственным языком приподняв ему язык, чтобы зелье пролилось в горло. Закончив, резво отпрыгнула назад, сверля статую подозрительным взглядом. Потом вспомнила, как Яр упоминал, что на восстановление подвижности потребуется время.

Милена приготовилась ждать.

Однако ждать, сидя в бездействии, было невыносимо. Она обошла статую кругом, раза три, но покамест изменений не замечалось.

Потрогала серый пыльный балахон, брезгливо надула губы... и в голову пришла хорошая идея. Раз времени достаточно, можно и сделать кое-что. Даже нужно! Ведь столько лет простоять в одном и том же — это ж кошмар. И Милена решительно взялась обыскивать все

сундуки, что сохранились в зале. Нашла еще три запасных безразмерных балахона — все черные, как ночь, потому как, в отличие от надетого, просто вышести не успели. И комплект нижнего белья, от вида которого на девичьи щеки вернулся алый румянец.

С бельем она решила всё-таки не спешить, тем более тут потребуется куда больше силы, чтобы справиться с рубашкой и подштанниками. А вот завернуть медленно отходящего от заклятия пленника в менее пыльный балахон — это она запросто. Поэтому Милена выбрала один, остальные засунула вместе с бельем в сундучок покрепче. Туда же сложила все вещицы, которые нашлись в зале в более-менее целом состоянии и которые по ее мнению могли бы представлять какую-то ценность для чернокнижника: тот же серебряный кубок, снова вытертый тряпочкой, миленькое маленькое зеркальце, чудом не разбившаяся клепсидра, письменный прибор и прочие мелочи, что валялись разбросанные по полу. Рядом с сундуком с вещами она выставила ближе к выходу сундучок с зельями-порошками. Вспомнила, что отец велел обязательно найти все книги, (потому как чернокнижник по определению без своих книг будет глубоко несчастен) — собрала в третий сундучок ветхие манускрипты, присыпала сверху трухлявыми свитками.

Затем, отряхнув ладони, она всё-таки взялась за самого некроманта. Благо тот уже достаточно «отмер»: гнулся в суставах и дрожал в коленях, самостоятельно сумел с чуть слышным вздохом закрыть глаза и, уронив голову на грудь, норовил рухнуть в блаженный обморок. Милена вовремя подхватила его подмышки, аккуратно уложила на пол. И с некоторым внутренним волнением взялась переодевать в новый балахон. Причем под старым нашлось нижнее белье, некогда весьма целомудренное, ныне же наполовину истлевшее и сиявшее сквозными дырами. Царевна стыдливо отводила глаза от некоторых особо откровенных прорех. Но в целом с большим любопытством изучила рельеф действительно мужского тела: кожа и кости, но также в наличии длинные стройные ноги с миленько округлыми коленками; на тонких руках следы мышц, так что, если хорошенько откормить, в будущем будет смотреться очень неплохо; на безволосой груди нашлись не только выпирающие ребра, но и трогательно розовые крошечные соски, от вида которых Милена прикусила нижнюю губу; на впалом животе намек на кубики мускулов. Безвольно запрокинутая голова открыла жадному девичьему взору трогательную шею с едва заметным кадыком, которую так и хотелось потрогать... губами... вот тут за ушком... Милена с усилием помотала собственной слегка загудевшей головой — и поскорее запихала своего подопечного в свежий балахон. Главное, что никаких видимых повреждений на теле она не обнаружила, именно ради этого она осмотр и затеяла! Так она успокоила саму себя, пытаясь прогнать неуместное смущение.

После чего лесная царевна без особых усилий подняла этот черный «куль с мощами» на руки, словно рыцарь принцессу — и понесла вниз. Нести было не тяжело, так как Милена всегда была девушкой крепкой, а «мощи» весили даже меньше, чем братец Драгомир. К слову сказать, своего близняшку ей нередко доводилось вскидывать на плечо: то бедолага в огороде на солнцепеке, бывало, от солнечного удара голову не берег, то после ссоры вредничал, так что, исчерпав в перепалке все доводы и матерные словечки, сестре приходилось его таким образом домой возвращать. Да много чего бывало, всего и не упомянуть. Но зато навык не пропал даром — сейчас весьма кстати пригодился. Хотя разница в росте между чернокнижником и Мирошем дала о себе знать, когда Милена пыталась вписаться в дверной проем на узкой лестнице — один раз его головой стукнула, разворачиваясь, благо капюшон и скрученные в узел волосы сколько-то смягчили

столкновение с каменной кладкой, но удар всё равно получился звонким. И дважды слишком длинные ноги зацепились о дверной косяк. Милена шепотом попросила у своей ноши прощения за неосторожность и пообещала, что непременно сведет синяки, как только вернутся домой в Дубраву.

Снаружи ее встретили выстроившиеся ровной шеренгой гоблинши. Разве только под караул не взяли, не вскинули грабли-лопаты на плечо.

Милена на свирепое молчание лишь бровью повела. Не отпуская ношу, соизволила пояснить:

— Я забираю вашего «богиню» с собой.

— Зачем? — насупились зеленые бабы. — Что ты собралась с нашей Госпожой делать, злодейка?

— А зачем еще злодеи похищают красавиц из высоких башен? — съехидничала Милена, не удержалась.

— Чтобы съесть? — помрачнели бабы.

— Чтобы замуж взять! — фыркнула царица.

Бабы похлопали глазами, переглянулись между собой. Неуверенно возразили:

— С каких пор злые колдуньи берут в жены богинь?

— Вообще-то это он колдун! А я царица. Он — мужчина! — заявила Милена с высокомерием посвященной. — Как вы могли этого не заметить за столько лет?

Гоблинши смущенно покраснели, отчего их оливковые щеки приобрели сиреневатый оттенок:

— Правда, что ль? Да брешешь, поди.

— Буду я вам еще тут доказательства показывать! — вспыхнула Милена.

Гоблинши, сообразив, о чем она, еще больше засмутились, опустили орудия труда и обороны.

— Да разве мы б посмели богине под подол лазить? — пробормотала старшая, которую прочие вытолкнули вперед себя. — А на вид не скажешь, что мужик. Мужики-то наши совсем другие. Откуда ж нам знать?

Милена презрительно вздернула нос кверху. Перехватила поудобнее «черный куль». Приказала растерянным теткам:

— Сбегайте наверх, принесите сундуки, что возле дверей стоят. И побыстрее! Недосуд мне у вас задерживаться, мне домой надо, меня папка заждался.

Гоблинш будто ветром сдуло. Несколько потопали в башню за багажом. Другие рассыпались по разрушенной деревеньке, засуетились. В итоге спустя меньше четверти часа перед Миленой стояли две повозки: одна пустая, застеленная для удобства «богини» мягкими одеялами. Вторую повозку бабы торопливо наполнили оставшимся после погрома собственным скарбом.

— Разве у вас лошади есть? — не поняла Милена, осторожно уложив подопечного на подстилку, как было предложено. Хоть и тощий, а долго держать на руках всё равно тяжеловато. Честно сказать, она не придумала вовремя, как станет возвращаться с «ценным грузом» на руках, так что помощь гоблинш оказалась весьма кстати.

В ответ гоблинши сами ухватились за длинные оглобли и всем своим видом выразили готовность немедленно отправиться в путь-дорогу.

— Погодите-ка, я не звала вас с собой! — запротестовала Милена.

— А куда нам деваться? — резонно возразила старейшина. — Деревню ты разрушила.

Отстроиться заново без наших мужиков мы всё равно не сможем. Без малого сто лет строились, обживались тут, деды и бабки, отцы и матери трудились — и всё это мы лишились в один миг! По твоей милости. Богиню нашу ты забираешь, а без нее... без него охранять нас от волков и лихих людей кто будет? Огороды без ее... без его колдовства засохнут, с голоду помрем верной лютой смертушкой. И тут даже не возражай, царевна! Не учи жизни, мы уж как только не пробовали, а за околицей ни репа, ни морква не растут, сколько ни окучивай, ни поливай. Теперь и здесь расти перестанет.

— Но ведь... — заикнулась Милена, совершенно растерявшись. Привести домой некроманта — это одно. Но без разрешения притащить табор гоблинов — это ж совсем другое дело!

Меж тем зеленолицые девки помоложе время зря не теряли, хворостинами согнали в кучку ватагу крикливых гусей и нервно квохчущих кур — пристроились следовать эдаким гогочущим стадом за повозками. Невесть откуда вылезло полдюжины дряхлых бабок, с ними один хромой дед с большим носом, как сизая свекла — эти принесли двоих хнычущих младенцев и привели десяток разновозрастных ребятишек. Милене всё больше и больше не нравилось происходящее.

— Но если вы сниметесь с этого места, в таком случае куда вернутся ваши мужики? В пустую деревню? — попыталась образумить народ царевна.

— Наши мужчины — отменные охотники и умелые следопыты! — с гордостью заявили гоблинши. — Нас-то, своих верных жен, они везде отыщут. Мы обязаны последовать за своей Госпожой, чтобы наши мужчины смогли пойти по нашему следу и вернуть Богине ее любимое дитя.

— Хороши следопыты, что одного ребенка столько времени найти не могут, — проворчала Милена. Но делать нечего: — Ладно! Езжайте, куда хотите. Но не обещаю, что мой отец разрешит вам поселиться на наших землях.

— Ты нас веди, царевна, а с твоим папашей мы сами договоримся, — самоуверенно объявила старейшина.

Гоблинша кивнула товаркам впрягаться в повозки. Тронулись. Поехали. Милена шла рядом с повозкой и тяжело вздыхала: не было у нее забот, так завела себе зеленолицее племя!

Только отъехали на безопасное расстояние — земля под ногами задрожала, оглушительный скрежет ветром пролетел над головами, заставив пригнуться. Все обернулись назад. Бабы не сдержали горестного воя: башня рушилась у них на глазах. Накренилась, завалилась, посыпалась камень за камнем... Пока совсем не исчезла за кронами трясущихся от грохота деревьев.

Милене и так было невесело, а от хорошего подвывания совсем тошно на душе сделалось. Вновь тронулись, под крики домашней (теперь окончательно бездомной) птицы, под хлюпанье зеленых носов и под детское хныканье. Царевна подошла ближе к первой повозке, нашарила в широком рукаве черного балахона тощую кисть, сжала, сплетя свои пальцы с костлявыми паучьими длинными. И вдруг на сердце потеплело, будто солнце коснулось лучиком: его рука слабо вздрогнула, пальцы едва заметно сжались, словно не желая отпускать ее руку. Милена посчитала это безусловно добрым знаком.

Сосед лешак подсуетился, подколдовал дорогу: то немалое расстояние от башни до границы Леса, что Милена пролетала быстрокрылой горлицей, они преодолели пешим ходом всего за три часа. И всё равно бабы порядком выдохлись. Милена же беспокоилась, как бы ее подопечного не растрясло с отвычки — тот стал тяжело дышать с тихими

постановлениями на выдохе. Нужно было как можно скорее отвезти его к Яру.

К счастью, Веснян тоже не бил баклуши: встретил царевну с ее табором раскрытым зевом подземного прохода, готового отправить их всех вместе с повозками и гусьями напрямик в Дубраву. На неожиданное количество помощниц воевода, конечно, удивился, но с гоблиншами поздоровался приветливо, как мог попытался успокоить разволновавшихся женщин. Сам связался с Яром, доложил об усложнившихся обстоятельствах в лице зеленого народца. Как услышала краем уха Милена, — пока она хлопотала над чернокнижником, пытаясь его напоить водой, — Яр отмахнулся от проблемы переселенцев, заявив, что позже с ними успеет разобраться, а пока пусть поторопятся.

Узнав, что путешествие придется продолжить под землей, гоблинши едва не повернули назад. Да вовремя вспомнили, что ни башни, ни богини, ни деревни у них больше нет, и снова всем хором пустились в причитания. Так Веснян и запихнул их, сопливых и ревущих, в пахнувший прелой листвой зев колдовской пещеры: Милену, обнимавшую дрожащего в лихорадке подопечного, усадил на одну повозку, вместе с нею там же разместил тесно, как горошин в стручке, детишек и старушек с хромым дедом. Бабы и девки сами запрыгнули во вторую повозку со скарбом. Гусей и кур Веснян клятвенно пообещал привести в целости и сохранности позже, прямо на то место, которое царь выделит гоблиншам для проживания. Воевода и сосед втокнули повозки в темноту, одну за другой. И земляной зев закрылся.

В полной тьме, пахнувшей осенью и грибами, даже дети не посмели пискнуть. Милена усмехнулась про себя: наверняка зеленолицые бабы сейчас побледнели в салатовость. Вообразили, что их заживо замуровали, не иначе, вон как громко стучат зачастившие сердца. Лес принял новых жителей, так что теперь царевна через незримую связь могла ощутить гоблинш с их букетом страхов и переживаний. Милена мягко улыбнулась: гоблинши, как положено женщинам, больше всего боялись за своих детишек, за оставшихся с воеводой гусей-кур, очень волновались за «богиню», переживали за неизвестно где бродивших мужей и сыновей. А за самих себя беспокоились в последнюю очередь.

— Чой-то шуршит? — спустя невыносимо долгую минуту напряженной тишины оглушительным шепотом спросила старейшина.

— Мы движемся под землей со скоростью полета, — пояснила Милена. — Земля сама нас несет, эту нашу маленькую пещерку, как пузырек воздуха через толщу воды. Почва и шуршит — камешками, корешками.

— Чудное дело, — вздохнула гоблинша. — Как жесь теперь наши мужики нас найдут-то? Следов-то нету.

— Найдут, — успокоила Милена. — До края владений след остался, а там Веснян их встретит и к вам переправит.

— Как гусей? — уточнила с недоверием старейшина.

Милена промолчала. Прижала к своей груди голову подопечного. Она не опасалась потерять чернокнижника в черноте мрака, но так было как-то спокойнее, что ли.

Путешествие на самом деле получилось куда короче, чем им всем показалось. Перед повозками открылся новый зев, все зажмурились от хлынувшего света. Щурясь, Милена высмотрела, что земля вынесла их напрямик перед царским дворцом.

Сам Яр во главе толпы придворных и слуг кинулся к прибывшим. Гоблинши едва не испустили дух от ужаса при виде дружно схватившихся за оглобли дворцовых стражников — болотных хмырей. Бабы посинели, жалобным хором пискнули... Но сознание терять мигом раздумали, едва разглядели вспрыгнувшего в повозку Яра, склонившегося над дочерью и

блудным бледным другом.

— Девки, у него волосы зеленые, — шелестящим шепотом поделилась с товарками старейшина.

— А это он или она? — тоже шепотом усомнились товарки, наученные опытом. — Красивый шибко. И мелок для мужика.

— Отец царевны, — догадалась старейшина. Уважительно протянула: — Владыка Леса! Бабы переглянулись и единодушно кивнули друг дружке, приняв важнейшее решение без лишних слов.

Между тем на первой повозке сделалось свободнее: слуги помогли слезть старушкам, сняли детишек, которые немедленно разбежались исследовать дворец и окрестности. За ними следом поспешили шуликуны, чтобы присмотреть за новичками или, что вероятнее, помочь освоиться, просветить в баловстве и выходках.

— Как он? — с тревогой спросил Яр, первым делом удостоверившись, что с дочерью всё в порядке, а то сидит непривычно бледненькая и притихшая.

— Оживила, но как бы дубу не дал, — честно ответила Милена.

— Не волнуйся, солнышко, от меня он теперь никуда не убежит, — ободряюще улыбнулся Яр. — Я его даже с того света достану.

— А я помогу, — неожиданно застенчиво поддержала отца дочь.

Яр взглянул на свою малышку с удивлением и благодарной теплотой, замечая в ней нечто новое, особенное... Однако промолчал пока.

Он чуть приподнял складки глубокого капюшона, приоткрыв белое, как мел, лицо чернокнижника. Синеватых век едва коснулся дневной свет, ресницы дрогнули.

— Силь, ты меня слышишь? — тихо позвал Яр.

Тот приоткрыл глаза, видно было, что это крошечное движение далось ему с трудом. Серебристый взгляд был мутен.

— Сильван? — повторил Яр, всматриваясь в глаза друга.

Бескровные губы едва шевельнулись, и Яр скорее догадался, чем расслышал: «Ксавьер?»

— Я здесь, Силь. Ни о чем не беспокойся. Ты у меня дома, отдыхай, — мягко приказал владыка Леса. Одно то, что чернокнижник узнал его, внушало надежду на благополучное возвращение к жизни. Яр погладил его по щеке, и тот послушно закрыл глаза, глубоко выдохнул с облегчением, словно полностью отдавая себя на его волю.

— Он в порядке, солнышко, — натянув капюшон до подбородка, чересчур уверенно объявил Яр дочери. — Завтра будет совершенно здоров, вот увидишь.

Однако то завтра. А сейчас терять время никак нельзя: Яр спрыгнул с телеги, распорядился слугам, чтобы со всеми предосторожностями отнесли долгожданного гостя в приготовленные для него покои.

— Балахон с него не снимать, капюшон в особенности! — предупредил Яр. — Чернокнижники солнечный свет не любят, а у этого вообще вампирские повадки.

— Ой, как интересно! — зачирикали русалки во главе с Лилькой. Аж глаза загорелись, до того им хотелось увидеть, что за темного принца такого загадочного приволокла из-за границы прям-таки на ручках их отважная барышня.

— Милка, проследи, чтобы его никто не беспокоил, — кивнул дочери предусмотрительный царь.

Милена погрозила русалкам кулаком, показала им язык. Спрыгнула с повозки и, подхватив подол, унеслась за слугами. Однако быстренько возвратилась, заставила тех же

русалок забрать с другой повозки багаж чернокнижника и следовать за нею. Девки не возражали, хотя сундуки были не легкие, зато появился шанс сунуть любопытные носы в покои загадочного гостя, который, будучи даже без сознания, сумел настолько взбудоражить повелителя и весь двор заодно. Одна Лилька надулась — на ее долю поклажи не хватило, поэтому товарки с собою не взяли.

Стоило лесному владыке обернуться к гоблиншам, смиренно ожидавшим его высочайшего внимания, как те дружно рухнули на колени да тюкнулись в благоговейном поклоне лбами в крепкую мостовую, сплетенную из выровненных древесных корней. Яр от неожиданности отпрыгнул на пару шагов, в недоумении переглянулся с придворными. Лилька и мавки захихикали, водяные округлили глаза, лешие воеводы покачали головами. Те шуликуны, что не укатились за малышкой, сперва брызнули кто куда и подальше от гоблинш, но сразу же вернулись, настороженно подпрыгивая, подобрались к бабам, попробовали заглянуть им под локти: вдруг те нашли в земле что-то шибко полезное?

Яр неуверенно кашлянул. Твердо произнес царским тоном:

— Поднимитесь, странницы.

Старейшина ответила за всех:

— Никак не можем!

— Что так? — не понял Яр, участливо спросил: — Спины прихватило? Продуло в путешествии? Вроде не должно бы, в подземелье сквозняков не бывает.

По примеру шуликунов он подошел, опустил на четвереньки перед старейшиной, нагнувшись, попробовал заглянуть ей в лицо. Та вытаращила глаза на такое его поведение, невольно приподнялась.

— Ну, так что с вами? — просил Яр. И одарил улыбкой. — Давай, рассказывай поскорее и покороче, а то мне недосуг.

Старейшина опомнилась, вновь ткнулась в мостовую лбом. Да силы не рассчитала, треснулась больно, аж искры из глаз. От боли и разогнула спину, зажмурившись, схватилась за лоб с оханьем.

Яр, сев на пятки, отвел ее руку, свою прохладную ладонь положил на гудящую голову, в мгновение свёл намечавшуюся шишку. Старейшина опять вытаращилась. Гоблинши за ее спиной уж все разогнулись, глядели на происходящее с величайшим изумлением.

— Так, — Яр обвел бестолковых баб строгим взглядом, поднялся с колен, повелительным жестом им тоже велел встать. — Или вы мне сейчас говорите, что не так, или я разозлюсь. Вы уже видели, как умеет злиться моя младшая дочка, так что...

— Не серчай, Зеленая Богиня! — вырвалось у старейшины.

Яр вскинул брови. Хмыкнул. Отошел на пару шагов. Поманил Лильку подойти. Чтобы гоблинши слышали, громко велел русалке:

— Разместить, обогреть, накормить. Как придут в разум, тогда приведёте, мне покажете парочку самых вменяемых. Потом определим, куда их поселить на постоянной основе.

— Веснян передал, у них вскорости мужики подойдут, — напомнила Лилька.

— Надеюсь, мужики у них не такие тугодумы, — сказал Яр.

— Веснян говорит, у них всем распоряжаются бабы, как самые умные, — просветила русалка. — Мол, этот у них, как его там — матриархат!

Лесной владыка тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой. Резко развернулся на каблуках, так что волнистые волосы полыхнули на солнце пронзительной зеленью, и поспешил во дворец.

Гоблинши, околдованные шелковым блеском царских локонов, стояли кряжистыми столбиками. Даже не моргали, дабы не сморгнуть божественную красу, застывшую в выпученных глазах.

— Похоже, у них там поветрие такое — в каменных истуканов превращаться и замирать на годы, — заметил Лильке подошедший воевода Михайло Потапыч.

— Мда? — отозвалась русалка. — Тогда выставим их на крыше вместо этих, как их там? Горгулий! Пуцай своими харями отгоняют от дворца лихо-злосчастье.

— Я те дам «харю»! — прошипела старейшина.

— Гляди-ка, отмерла! — притворно изумилась Лилька.

Глава 3. Светозар

— Менестрель? — переспросил трактирщик с напускной скукой. — Нет, не нужен нам сегодня менестрель. Зачем нам третий? Приходи завтра. Три певца в один вечер слишком жирно для наших пьяниц.

— Может, тогда помощник по хозяйству требуется? Ну, дров нарубить, воды натаскать или еще чего? — не отставал солнечный блондин. — Или на кухне чем-то помочь? Знаете, лишние руки никогда не бывают лишними!

— Ну, это можно, — критически окинув взглядом крепкого парня, согласился трактирщик. Если эдакий красавец останется у него в заведении до праздника урожая, например, разносчиком пива, то клиентов определенно прибавится. И никто не станет обращать внимание, что пиво водой разбавлено, принимая кружку из рук полуэльфа. «Вообще что-то эльфы-полуэльфы нынче распутешествовались! К чему бы это?» — вяло размышлял трактирщик.

Просиявший от его согласия Светозар не отстал, пока не выяснил, кто будет петь в трактире этим вечером.

— Эльфы?! — подпрыгнул Тишка, не думая скрывать своей радости.

— Остроухие, — лениво подтвердил трактирщик, приведя на задний двор и указав, какие поленья рубить и куда складывать.

— А где они сейчас? — спросил Тишка, которому не терпелось увидеть настоящих эльфов. Он уже много чего успел повидать, путешествуя по чужим землям целых две недели, но эльфов еще ни разу не встречал.

— Шастают где-то.

— А они точно будут?

— Куда ж они денутся, если за комнату за две ночи вперед заплатили? Явятся, как стемнеет. Уж так торговались за вчерашний ужин, сразу видно, что лишнего медяка в кармане не водится. Не упустят шанса подзаработать. У нас эльфов любят, они петь горазды.

Светозар мечтательно улыбнулся колуну:

— Как удачно я к вам заехал!

Трактирщик тоже был согласен: заполучить на два вечера дуэт из эльфов, а на третий вечер полуэльфа — уже заранее можно сказать, что этот месяц выдаться прибыльным!

— Заехал? — прищурился хозяин. — Ты ж пешочком притопал, разве нет?

Тишка замялся, врать он не умел и не любил, считая не геройским занятием:

— Я оставил своего коня за рекой, в лесочке попастись.

— Не боишься, что его волки съедят? — удивился такому легкомыслию трактирщик.

Светозар вновь засиял улыбкой, как ясное солнышко:

— Нет, что вы! У меня такой конь, что он сам кого хочешь съест и косточки обгложет.

Трактирщик решил, что не стоит уговаривать парня остаться насовсем. Всё-таки эти эльфы-полуэльфы — они нелюди и есть, поосторожнее надо с ними, повежливее.

Так Евтихий Ярович, сам того не ведая, получил большую скидку на ночлег в сём гостеприимном заведении.

...К вечеру трактирщик окончательно понял, что брать на работу полуэльфов не будет никогда. Солнечный блондин, помогая на кухне, влюбил в себя всех служанок, дочерей

хозяйина и даже родную его жену. И в итоге им стало совершенно начхать на посетителей! Ну что за бабы, только бы им всё хиханьки и хаханьки! А ведь блондин даже не старался им понравиться. Просто делал, что указывали, просто делился впечатлениями от путешествия, нисколько не кокетничал, не строил глазки, никому ни на что не намекал. Он был искренен в своих речах до наивной простоты. Словно ребенок, которого впервые вывезли из захолустья в город: его удивляло всё, он радовался любой мелочи, ему всё было интересно. И этим своим радостным удивлением он охотно делился с окружающими. Женщины были от него без ума.

Когда же хозяин, скрипя зубами, подозвал к себе дочек и страшным шепотом пригрозил:

— Если залезете к нему ночью в комнату — прибью!

Те захлопали глазами и чистосердечно обвинили родного отца:

— Ты что, батя? Он же странствующий рыцарь! Он дал обет безбрачия! Такого ангела совращать — это ж грех великий. Побойся бога, что у тебя за мысли такие?

Впрочем, о себе Светозар рассказывал скупно, делился лишь незначительными мелочами из своего прошлого ради поддержания легкомысленно-веселых разговоров. Женщины прониклись его стремлением сохранить инкогнито и потому не приставали с расспросами. Между собой шушукались по углам в воодушевлении: «Наверняка принц! Из дома сбежал из-за несчастной любви!» Женщины в подобных вопросах на редкость прозорливы.

— Что-то вы припозднились! Я уж думал, вовсе не придете, — попенял трактирщик двум явившимся наконец-то эльфам. Те выглядели еще более уставшими, чем вчера, и даже еще более разочарованными в жизни, если такое вообще возможно.

Впрочем, хозяин гостеприимного заведения ворчал исключительно из привычки к брюзжанию. Никакого убытка от их опоздания он не понес. Да пусть бы и совсем не возвращались, не жалко! Во-первых, за комнату было заплачено вперед, а оставленные на хранение сумки наверняка содержали много диковинных вещей, которые можно было бы продать, выгадав свой интерес. Во-вторых, небольшая сцена в углу главного зала трактира сегодня не пустовала: хозяин вытолкал блондина с кухни, где тот за день вполне себе прижился. Светозар, впрочем, не особо сопротивлялся, только расстроился — он так хотел увидеть настоящих эльфов, а пришлось их заменять.

Посетители заведения от такой замены сперва недовольно погудели, но после первой же песни подлог трактирщику простили. Народа сегодня было куда больше обычного, ведь служанки и дочери хозяина постарались, с утра растрезвонили по всему невеликому городку, что вечером у них будут выступать настоящие эльфы. И вот же подлянка — вместо двух эльфов один полуэльф. Но зато какой красавец оказался! Глаз не отвести, да голосистый, и на своей лютне играл так вдохновенно — заслушаешься!

К слову, на эту лютню, купленную в соседнем портовом городе, Тишка спустил почти все свои деньги, аж пришлось у Полкана просить в долг, залезать в припрятанный под попоной кошель. Но какой же менестрель без музыкального инструмента? Зато инструмент того стоил — струны звучали просто завораживающе. И освоить лютню Светозару удалось быстро и без усилий, благо в свое время научился тренькать и на гуслях, и на балалайке, а тут как раз нечто среднее по количеству струн получается.

Эльфы за свое опоздание вежливо извинились перед хозяином. Попробовали объяснить: они-де сюда не ради заработка в кабаках приехали, а в поисках некоего блондина с золотыми кудрями и синими глазами. И вот сегодня, когда они объехали округу, расспросы наконец-то увенчались успехом: местные жители дружно кивали, что похожий человек недавно здесь проезжал. Окрыленные всколыхнувшейся в усталых сердцах надеждой, эльфы с рассвета до заката не слезали с коней, без отдыха и без перерывов еду. Им удалось проследить путь златовласого красавца от соседнего портового города через деревеньки и селения — до рощи возле речки, где след его потерялся к их глубочайшему несчастью.

— А не этого ль красавца вы ищете? — хитро прищурившись, кивнул трактирщик в ту сторону, откуда доносилась прекрасная мелодия лютни.

Эльфы от его слов глазищи недоверчиво распахнули, друг дружку за руки схватили. Попытались высмотреть от порога, кто там играет, вытянулись, на цыпочки привстав, только поверх многоголовой толпы смогли разглядеть лишь золотую кудрявую макушку, сияющую драгоценным блеском в сиянии множества свечей и огоньков масляных плошек. Но и этого им хватило, чтобы глаза заблестели радостными слезами.

— Неужели он? — всхлипнул младший эльф.

— Не может быть! — счастливо мотнул головой старший.

Они, торопясь, со всей вежливостью протолкались сквозь толпу поближе. Разглядели солнечного блондина, ловко перебирающего струны лютни — и оба замерли столбами, так и не отпустив руки друг друга. Люди, косясь на остроухих разнесчастных красавчиков, у которых слезы по щекам катились дорожками, посторонились, расступились, давая место. И теперь уже Светозар, сидевший на высоком табурете, подняв голову от лютни, не мог не заметить этих двоих трепетных слушателей.

Тишка улыбнулся им, как улыбался всегда и всем: солнечно, приветливо, радостно. Мелькнула мысль: неужели он так хорошо играет и поет, что даже эльфы, записные эстеты, от его таланта прослезились? Эльфы же впились напряженными взглядами в его лицо — и не знали, то ли рыдать в голос, что это всё-таки не их «пропажа», или же кидаться к блондину с объятиями, ведь он так на него похож! Те же золотые кудри, пусть безжалостно обрезанные, едва достающие до воротника. Те же глаза! И формой, и задорным выражением, и точно той же пронзительной яркой синевой. И в чертах лица есть что-то определенно родное. Вот только фигурой совсем ничего общего, этот на две головы, если не больше, выше нужного. Да и мощнее гораздо, шире в плечах, мускулистей. Вероятно, в этом виновна разбавленная кровь, наполовину человечья.

— Второй полукровка за месяц! — прошептал младший эльф. — Это знак!

— Небеса наконец-то смилостивились над нами, — кивнул старший.

То, что творилось на сердце у этих троих, весь вихрь смешанных чувств, (пусть двое пока ничего не знали о третьем, а тот просто был счастлив от возможности повстречаться с редкостными созданиями, о которых столько мечтал и грезил) — все эти невыразимые эмоции и чувства невозможно описать словами, их можно было выплеснуть только в музыке и песнях. Старший эльф взял свою арфу, принесенную расторопным трактирщиком, и вскоре в мелодию лютни вплелся изящный перезвон струн. А младший эльф запел по-женски высоким чистым голосом балладу, повествующую о героях и странствиях. Люди в зале затихли, стараясь не сопеть и не дышать, пивные кружки прекратили стучать о столешницы. Трактирщик довольно потирал руки: о сегодняшнем вечере в городке будут еще долго вспоминать с восхищением!

Много позже, когда хозяин объявил, что заведению пора закрываться, и разогнал разомлевший народ, уставшее, но счастливое трио наконец-то могло отдохнуть и поужинать в опустевшем зале. В знак благодарности трактирщик выставил на стол лучшие блюда, свежайшие закуски и соленья, присовокупив две бутылки чудесного вина, которое было бы не стыдно распить с самим королем.

Сев за стол, со смехом вспомнили, что так и не назвали:

— Нэбелин, Рэгнет, — повторил Тишка, запоминая. Уточнил: — А я думал, у эльфов более заковыристые имена.

Те переглянулись, заулыбались:

— Это прозвища. Ведь менестрелям важно, чтобы имя легко запоминали люди, для которых мы поем. Но мы уже так давно путешествуем под этими именами, что они стали для нас настоящими.

— Благозвучие и благородная простота — это очень важно! — серьезно покивал Тишка, вспомнив, как сам мучился, подыскивая себе героическое имя.

— Откуда вы родом, Светозар? — вкрадчиво приступил к расспросам младший эльф, Нэбелин. Небрежным взмахом тонкой руки отпустил служанку и трактирщика, которые закончили расставлять блюда на столе, и сам взялся за бутылку: разлил по кубкам спутнику и себе понемногу, на пару глотков, а полуэльфу не пожадничал, наполнил до краев. Кубки были металлические, непрозрачные, за оживленным разговором Тишка не заметил такой подозрительной разницы.

Однако Светозару было малоинтересно рассказывать о себе. Ему не терпелось расспросить эльфов о... о многом! Обо всём подряд. У него накопилось к остроухим множество вопросов, от философских до наивных по-детски. Эльфы под градом неуёмного любопытства поначалу немного растерялись, потом включились в игру. Перескакивать с темы на тему было весело и так необычно. Тем более под доброе вино болтовня не прекращалась ни на минуту, но при этом они и про ужин не забывали.

Впрочем, было кое-что, беспокоившее Светозара. И это вовсе не то, что Нэбелин явно старался его подпоить. Беспокоил Евтихия Яровича сам младший эльф. Нэбелин выглядел так... по-женски мило, что не верилось, будто он вправду парень. То есть эльф, ну, мужчина... Светозар в растерянности пригладил непослушные золотые кудри пятерней, пятый раз за минуту, сам того не замечая. И осушил кубок вина — третий за четверть часа!

— Скажите, — проникновенно мурлыкал Нэбелин, откровенно строя глазки вспыхнувшему Светозару, — у вас нет ли, скажем, случайно, сестры?

— Есть, — смущенно отводил взгляд Тишка, — Милка.

— И какая она?

— Милка-то? Красивая. Бойкая. Вредная, — четко охарактеризовал сестру Евтихий. Эльфы многозначительно переглянулись между собой.

Сам же он думал совсем об ином: как?! Если Нэбелин парень, то почему Тишку тянет к нему всем сердцем и телом? Причем телом больше. Никогда с ним такого срама не бывало! Понятное дело, бабам-девкам он никогда не отказывал в ласке. Самого Тишку редко заносило так, чтобы он до зубовного скрипа хотел кого-нибудь, такое с ним только в далекой сопливой юности случалось. Потом и подумать не успевал — уже сама собой находилась пара на ночь. Но чтобы парня.... Никогда!

Тишка машинально ответил на какой-то очередной пустяшный вопрос, посмеялся тонкой шутке Рэгнета. Снова опустошил кубок.

Тишку никогда не тянуло к парням. Когда он подросток и стал ночевать по деревенским сеновалам, отец просветил его касательно тонкостей телесной страсти. Объяснил, как правильно обходиться с женским телом, какие бывают разновидности ласк, как получить удовольствие самому и доставить наслаждение подруге, ну и так далее. Тишка не смутился такого разговора, у отца от них никогда секретов не было ни в чем. Так что юный лесной царевич сидел, развесив уши, что журавль крылья... Пока отец не обронил, что страстью пылать можно не только к девам, но и к юношам. Тишка очумело захлопал глазами, переспросил, опасаясь, что неверно расслышал. Но нет, Яр подробно разъяснил, как это вообще и что куда. Тишка выслушал, представил... и оставил полупереваренный завтрак прямо на папкином подоле. Больше Яр о пикантной любви со старшим сыном не заговаривал, совершенно успокоенный такой естественной реакцией молодого здорового организма.

И вот сейчас — что за наваждение? Евтихий не понимал самого себя! И не похоже, что эльфийская кровь тому виной, ведь к старшему остроухому его совсем не тянет. Даже наоборот, немного противно себе представить, чтобы вот этого — и в губы поцеловать? Тьфу, мерзость. Хотя сам по себе этот Рэгнет мужик, похоже, хороший. Был бы он Тишке дядей — вот было бы отлично. А в любовники его брать... Тишка едва вином не поперхнулся и дал себе зарок впредь ничего подобного не вообразить во избежание прилюдного позора. Тем более ужин был вкусным и сытным, желудку расставаться с едой из-за каких-то чумных фантазий совсем не хотелось.

А вот с Нэбелин совсем другое дело. Её бы Тишка поцеловать не отказался... Но, черт возьми, это была не она, а он! Вот же подстава.

Евтихий списал всё на длительное воздержание. Всё-таки монашеская жизнь не для него. Всего ничего обет безбрачия держит, лишь месяц с небольшим — и уже так страдает! Извелся всем телом и разумом! Аж на мальчиков потянуло. Грех-то какой!..

А ещё Тишка понял, что напился. Вот как у него получилось с двух бутылок-то, причем разделенных с двумя собутыльниками? Но очевидно удалось. Наверное, его с горя так развело. От неразрешимого внутреннего конфликта.

— То есть, вы в лесу жили? — между тем выспрашивал Нэбелин. — Всей семьей?

— Ты не подумай, у нас там не какая-нибудь нора! В Дубраве всё, как у царей! — слегка заплетающимся языком, но вполне четко объяснял Светозар. — Папка постарался, отгрохал дворец. А мамке поставил терем.

— У вас родители в разных домах живут? — удивились эльфы.

— Им так больше нравится, отчего бы нет, — пожал плечами Тишка. Вздохнул огорченно: — Я б вас в гости пригласил, но папка эльфов терпеть не может.

— Почему? — искренне удивился Нэбелин, словно весь мир обязан их народ исключительно обожать.

— Старые счеты, — отмахнулся Тишка.

— Какая жалость! А нам так хотелось бы с вашим отцом познакомиться!

— Без приглашения по его землям вы никак не проедете, — предупредил Светозар. Хихикнул: — Заплутаете в трех соснах.

Эльфы вновь переглянулись, вспомнив что-то своё невеселое.

— Правда, можно одним путем подобраться весьма близко, — увлекся рассуждением Тишка. — Это надо по людским дорогам до Нового Города проехать. Причем ехать лучше всего с людьми, с местными, у которых есть право вернуться домой. Такие с пути не

собьются и вас не потеряют. А! Точно — еще лучше по Матушке! Вверх по течению до слияния с Сестрицей — там Новый Город и стоит. А на другом, значит, берегу Сестрицы напротив города — там уже, считай, Дубрава, как раз за тремя озерами. В Дубраве-то папкин дворец и есть.

Светозар, договорив, подпёр кулаком подбородок и уставился мутными глазами на Нэбелин, что-то в нетрезвом уме сосредоточенно себе обдумывая.

— Мне почудилось, или он вправду послал нас по матушке? — с недоумением тихо спросил Рэгнет у своего спутника.

— Не обращай внимания, сложности перевода, — отмахнулся Нэбелин. Снова чуть наклонился через стол к вдавшему в хмельной ступор Светозару: — Так ты точно не видел никого, похожего на тебя золотыми волосами и синими глазами?

Светозар похлопал глазами, старательно обдумал вопрос, нахмутив брови. Постарался подробно объяснить, делая паузы, чтобы не запутаться в словах:

— Вам ведь эльфа надо? Ну, а в деревнях у нас белобрыхых да голубоглазых водится много. Но все они люди, ей-богу, я папку слушался, ни разу внебрачным младенцем не согрешил! Причем вам надо мелкого, а деревенские все высокие. Или в кости широкие, на эльфов совсем не похожи, уж поверьте. Вот лесные язычники — те мелкие. Но кривоногие. У них и девки-то кривоногие, вы б знали! Но они чернявые, белобрыхых среди них нету никого. Только Щур у них белый как лунь, но это он от старости. Вот чтобы, как ты показывал, росточком мне по локоть — таких мелких и щуплых я знаю только двоих: Мирошку и папку. Но у Драгомира волосья потемнее, он больше мастью в мамку. А у отца... Эх, — в одном вздохе Евтихий выразил всю невозможность описать словами внешность родителя. — Папаша наш как погода: зимой седой, летом зеленеет, осенью... Вот хорошо, что осенью с листопадами не лысеет!

Светозар расхохотался, прикрывая себе рот ладонью, представив себе «позднеосеннего» родителя лысым, как коленка.

Нэбелин и Рэгнет опять обменялись многозначительными взглядами.

— А что он вам сделал-то, это неуловимый? В чем провинился? — спросил Тишка. Снова подпер подбородок кулаком, сладко зевнул во весь рот, за что коротко извинился. И вопросительно и немного сонно уставился на Рэгнета.

— Напротив, это мы перед ним виноваты, — сокрушенно признался старший эльф. — Сперва над ним все смеялись, что он родился с редчайшим даром магии — даром к врачеванию. Потом, когда он подрос... — Рэгнет тяжело вздохнул, опустил глаза, словно каждое слово давалось ему через силу. — Случилось страшное недоразумение. Недопонимание, превратившееся в великую трагедию...

— А почему над даром смеялись? Быть колдуном-лекарем среди людей очень почетно, — перебил Светозар, и Рэгнет ощутил толику благодарности за эту бестактность, что позволила умолчать о неприятных подробностях. С другой стороны, отчего-то Рэгнету самому захотелось открыться перед этим солнечным юношей, покаяться, что ли... Видимо, еще не время.

— То среди смертных, — кивнул Рэгнет. — Эльфы же бессмертные создания. Никакая болезнь, свойственная людям или зверям, нас не касается. Мы не знаем увядания и дряхления, жестокой старости, что ломает людей хуже, чем любой недуг. Поэтому лекарь среди эльфов — это самый бесполезный и никчемный маг.

— Если он не был нужен вам, он мог бы лечить людей, — заметил Тишка, между

зевками.

— Чтобы бессмертный пачкался о человеческий гной? — скривился Нэбелин. Рэгнет стукнул его под столом ногой, и младший торопливо извинился перед полукровкой, Светозар даже обидеться не успел.

— За нашу гордыню и недальновидность клан понес страшное наказание от всевидящей судьбы, — продолжал Рэгнет, не замечая, что у собеседника глаза слипаются и от выпитого вина, да и час уж был скорее ранний, чем поздний. — Судьба преподнесла нам редчайшее сокровище — юного лекаря. Мы же его прогнали с позором, объявили преступником! О, горе нам... Без него в клан пришла неведомая болезнь. Наши соплеменники начали увядать: из бессмертных прекрасных созданий превращаться в чахлых безжизненных существ, однако не имеющих возможности умереть, чтобы пресечь страдания, только если насильственно убивая друг друга... Причину недуга не сумели выяснить до сих пор. Мы приглашали смертных лекарей, колдунов, провидиц, сулили огромные деньги за помощь — никто не помог. Увы, наше проклятие неподвластно людскому чародейству, человеческим магам его не развеять. Поэтому мы отправились на поиски. Несмотря ни на что, мы не оставляем надежду найти нашего изгнанника, чтобы вернуть его, чтобы испросить прощение...

Рэгнет замолчал, наконец-то сообразив: собеседник не кивал в такт его словам, Светозар просто клевал носом, из последних сил пытаясь не поддаться сну.

— Простите. Пожалуй, мне пора откланяться, — пробормотал Тишка, поняв, что рискует рухнуть под стол и там захрапеть. Он поднялся на нетвердые ноги, тут же к нему подбежала миловидная дочка хозяина, пристроилась в подмышку, чтобы поддержать слегка пошатывающегося красавца. — Всё было очень интересно, вкусно и познавательно. Надеюсь, завтра увидимся снова.

Светозар кивнул эльфам на прощанье, так как кланяться было слишком опасно. И позволил услужливой девице развернуть себя и направить в сторону лестницы.

Наверху, в комнате для почетных постояльцев, Светозар, против чаяний дочери трактирщика, не утянул ее за собою в приготовленную постель. И в корыто для мытья не полез, хотя вода была еще теплая, мог бы и поплескаться, попросил бы ее потереть ему спинку. Вместо этого разрушил девичьи планы и мечты неожиданным вопросом:

— У тебя мел есть? А то половицы тут хорошие, портить ножом жалко.

Мелок у нее нашелся в кармашке фартука — иногда приходилось на дощечке, обожженной до черноты, записывать заказы особо привередливых посетителей.

Получив требуемое, Светозар бухнулся на колени на пол, встал на четвереньки. И принялся старательно вычерчивать круг, приговаривая на языке, незнакомом для удивленно наблюдающей девицы:

— Объявляю эту землю захваченной! Отныне и до полудня сия земля принадлежит Лесу и его величеству царю Яру! Да будет так.

Дорисовав и договорив, Тишка не поднялся с пола. Наоборот, заполз в середину круга, прихватив с собой жалобно звякнувшую лютню, улегся там, подложив инструмент под голову. И заснул. Правда, без пьяного храпа, очень мило причмокнув во сне губами. Вообще надо было отчертить круг побольше, захватив в него кровать, но на такой широкий просто сил не хватило.

Девушка постояла в растерянности. Переступать круг, криво начерченный мелом на полу, ей отчего-то страшно не хотелось. Вроде бы нелепость, а ноги сами не шагали в ту сторону. Вот в сторону выхода — шагали, да еще как охотно. Оставлять без тепла и ласки

красавца было очень жалко! Но что тут поделаешь. Она задула свечу и, вздыхая, удалилась, тихонько прикрыв за собой дверь.

...Утром у Светозара нещадно болела голова с похмелья. И ломило спину из-за жесткого «ложа».

— Это мне в назидание, чтобы не пьянствовал и на смазливых парней не заглядывался, — бурчал Тишка себе под нос.

Причем сейчас, проспавшись, он искренне не понимал, что хорошего нашел в этом чудосочном эльфе. Тем более в парне! Ну, смазливый. Ну, поет сладкоголосно... О! Так может, в этом и кроется подвох? Как он сразу не учуял: в голосе певуна скрывались чары! Пропев весь вечер напролет в согласном трио, Тишка и заморочился, поддался очарованию, причем охотно и добровольно, к тому же долгое воздержание сказалось, потянуло на романтику. Вот и раскрыл он тайну, а ведь всего-то нужно было хорошенько подумать и трезво прислушаться... Впрочем, трезвости-то вчера ему и не хватило.

Очень кстати, что слуги не убрали бадью для купания, окончательно остывшую за ночь: Евтихий залез охладиться, покряхивая по-стариковски, и ушел под воду с головой, разлежся на дне. Правда, чтобы убраться в коротком корыте, пришлось слишком длинные ноги свесить через бортик. Немного побулькал, меланхолично глядя снизу вверх, как пузырьки из носа и рта сквозь прозрачную толщу улетают к поверхности... И когда показалось, что дышать совсем разучился, да и ненужное это занятие, слишком утомительное при том, что вода, впитываясь сквозь поры кожи, принесет всё, что необходимо телу... нужно только тоненькие прозрачные корешки выпустить, чтобы впитать побольше... а из ног, оставшихся на свету, скоро полезут веточки и листочки... Тишка резко вынырнул, словно заново родившись — посвежевший, похорошевший, ужасно голодный.

К его огорчению, нашедшийся в зале трактирщик сообщил, что эльфы отбыли еще на рассвете. Жаль, всё-таки болтать с ними было интересно.

К огорчению трактирщика Евтихий также решил не задерживаться на постое. Позавтракал, потом рассчитался. Приятно удивило то, что собственных грошей за кров и еду не отдал, так еще и получил пару увесистых монет за вчерашнее выступление. И провианта на дорожку хозяин выдал целую сумку в подарок, с напутствием в будущем заглядывать в гости, не забывая, коли еще придется бывать в здешних местах.

— Красота-то какая! — восторгался Светозар, глаза по сторонам.

Он старался запомнить всё хорошенько, чтобы потом, возвратившись домой, поделиться с родными через связь впечатлениями во всех мельчайших подробностях. У них в Лесу такого не увидишь! Обрывы, скалы, на вершинах которых чудом держатся сильными корнями деревья. А между скалами — речной поток бурлит, чуть дальше по течению обрывается в оглушительный водопад. В голубое небо взлетают облака мелкой водяной пыли — и солнце играет сияющими радугами. Ужасно красиво!

Почти перед самым водопадом крутые берега соединялись подвесным мостом: узким, длинным, опасно раскачивающимся. Не переправа, а какие-то качели из веревок и дощечек, не вызывающих доверия. И по этому самому мосту им с Полканом предстояло перебраться

на ту сторону.

— А может, другой мост поищем? — попытался образумить бесстрашного скакуна Светозар.

Полкану-то, конечно, не жутко по эдаким ниточкам-соломинкам вышагивать, он ведь уже умирал однажды. А вот Тишке во цвете лет, так и не погеройствовав, грохнуться тут и свернуть себе шею об камни, а потом сигануть с водопада на острые скалы — совсем не хотелось! Вот нисколечко.

— Где-нибудь рядом наверняка есть сооружение покрепче или брод, — уговаривал он Полкана. Сам же старался голову поднять повыше, заставлял себя смотреть на красоты природы, лишь бы не коситься вниз, туда, где когтистые копыта осторожно и мягко ступают по узеньким дощечкам.

— И ничего я не трус! — продолжал препираться с молчаливым собеседником Тишка. — А что геройского в том, чтобы свалиться с моста?.. Ну, раз так, то с Драгомиром бы и ехал, раз он, по-твоему, смелее меня! А страх, чтоб ты знал, это естественная реакция разумного существа на опасность. Все герои, если они не были, конечно, совершенно идиотами, испытывали страх перед врагами или препятствиями, и эта трезвая оценка им позволяла... Да, именно трезвая. Нет у меня никакого похмелья, баран ты четырехрогий!.. Ах, это я-то стрекозёл?! Всё, мне больше не о чем с тобой разговаривать! Спусти меня, я слезу!

Однако при этом Светозар не шелохнулся, чтобы сойти с седла. Просто некуда было спускаться: скакун с трудом вписывался округлыми лоснящимися боками в оплетку веревочных поручней. Стоило скосить глаза, взглянуть на носок собственного сапога, вдетый в стремя, как начинало слегка мутить от головокружительной высоты, обрывавшейся прямо под ногами. Что странно, раньше Тишка подобных страхов никогда не испытывал, дома мог легко вскарабкаться на верхушки самых высоких сосен. Но вот сейчас, сидя верхом на скакуне, который стоял на середине хлипкого сооружения, что было натянуто над рокочущей стихией... Что-то Тишке было не очень хорошо. Он сжал губы, задрал нос повыше, стараясь дышать поглубже. Стиснул в руках повод, коленями сдавил вороные бока, несмотря на мысленное ворчание Полкана, которому, видите ли, из-за этого в ребрах кололо.

Светозар вдруг задумался: так может, поэтому он и не сумел научиться превращаться в птицу? Не по причине недостаточной ведьмовской силы, доставшейся от матери, а из-за скрытого страха высоты? Вон Милка с малых лет порхала горлицей, братьям на зависть... И задумался он над этой проблемой так крепко, что совершенно перестал обращать внимание на мысленное подтрунивание скакуна, равно как и на окружающее пространство.

Удивившись наступившему молчанию, Полкан подергал хозяина через связь, но ответа не получил; развернул голову назад, изогнув длинную шею, удостоверился, что его всадник в порядке, просто уставился вдаль, сосредоточенно хмурия брови. Скакун пожал бы плечами, если бы мог, поэтому он лишь насмешливо фыркнул и мягко тронулся вперед.

Однако прошел всего шагов десять, как снова остановился.

Причина же остановки медленно двигалась им навстречу, судорожно цепляясь в веревочный поручень — и при этом в ужасе пялилась вниз, на ревущую пучину. Полкан всхрипнул досадливо: он не рассмотрел эту помеху раньше из-за тумана брызг. А помеха вообще вперед не смотрела, нагло ползла робкими шажками прямо на него, совершенно его не замечая. Вот как можно не увидеть среди бела дня прямо перед собой черное громадное чудовище, да еще со всадником на спине? Даже сквозь дымку тумана. На клыкастой морде

скакуна отчетливо отразилось желание просто дать пинка помехе, чтобы не мешалась под ногами. Но Полкан понимал, что таким поступком заслужит осуждение молодого хозяина, да и самому потом стыдно делается. Он встал в растерянности, наблюдая.

Меж тем помеха доползла до ног чудо-коня, лишь два шажочка оставалось до прямого столкновения, удара лбом об узловатые колени. Длинные когти скакуна веером расхотелись по хлипким дощечкам настила, не заметить теперь их было бы сложно, даже если не поднимать головы и замороженно пялиться на речной поток и скалы. Помеха заметила — и медленно, очень медленно выпрямилась. Вслед за когтистыми копытами ее ошеломленному взору предстали украшенные щеточками длинной шерсти бабки суставов, далее помеха имела возможность разглядеть во всех подробностях лоснящиеся мускулистые ноги, колени на уровне ее глаз, грудь колесом, ремни и пряжки сбруи, могучую выгнутую шею, толстую у плеч и сужающуюся к узкой лошадиной голове... Губасто-клыкастая морда прямо сверху нависала над запрокинутым лицом помехи. И близко-близко — алый с огоньком глаз. Полкан наклонил голову вбок, разглядывая замершую помеху одним глазом, но очень внимательно.

Надо отдать должное, любое другое существо, неожиданно очутившись нос к носу с эдаким конем, заорало бы во всё горло. Это же не проронило ни звука, только, как рыба, рот открыло. И выпучило глаза в благоговейном ужасе. А глазищи у «помехи» были исключительно необыкновенные! Большие, как плошки, с пушистыми ресницами, которым даже верблюду позавидует, с ярко-оранжевой радужкой с золотистыми всполохами вокруг узкого зрачка черточкой. Эдакую редкость даже конь в состоянии оценить.

Полкан легонько встряхнулся, рассчитав силушку так, чтобы и мост не повредить, и «помеху» не сошвырнуть вниз, и Тишку заставить очнуться от глубокой задумчивости.

Евтихий Ярович от раздумий опамятовался, опустил взгляд... и, понятное дело, ничего не увидел, ибо конь закрывал «помеху» могучей широкой грудью. Пришлось Тишке привстать в стремях и, держась за заплетенную гриву рукой, наклониться вперед.

Светозар на «помеху» поглядел внимательно. Та — на него, потом снова перевела глаз-плошки на коня. Светозар выпрямился, похмурил брови. Еще раз наклонился, теперь с другого бока. «Помеха» опять глянула на него только мельком — и снова устала с молчаливым восторгом на Полкана.

— Она, вообще, кто? — негромко спросил Тишка у скакуна.

Полкан ответил неопределенным всхрапом, ему было не до разговоров с хозяином: «помеха» осмелилась протянуть вперед руку, и скакун с удовольствием ткнулся мягкими губами в маленькую ладонь.

Существо, стоявшее перед скакуном и его всадником, определенно было девочкой. В этом уверились оба единогласно, почуяв каким-то особым мужским чутьем. Вот только на этом их уверенность и заканчивалась. Одета «помеха» была в мужскую одежду, в старые, но добротные и кем-то аккуратно подштопанные вещи, однако так успела изгваздаться и изорваться, что дальнейшей стирке и починке одежда явно уже не подлежала. Под слоем грязи на щеках и руках угадывался собственный цвет кожи «помехи» — нежно-фисташковый. Из-за зеленой кожи можно было бы подумать, что перед ними юная гоблинша. Однако всем известно, что гоблины народ кряжистый, широкий и приземистый, с кривыми короткими ногами, словно всю жизнь только и делают, что пляшут вприсядку. Фигура «помехи» при обычном гоблинском невысоком росте скорее соответствовала человеческим меркам гармонии. И таких огромных глаз у гоблинов не бывает, только у

эльфов, хотя разрез век эльфийским назвать нельзя, равно как цвет радужки им был не свойственен. Нос курносой пуговкой, а не пяточком. Растрепанные, давно немые волосы заплетены в короткую толстую косицу — огненно рыжие мелкие кудряшки, только не жесткие, как проволока, а даже на вид мягкие, шелковистые, их так и хотелось погладить, если удастся отмыть, конечно.

— О, юная дева, прошу прощения, что преградили тебе путь! — Светозар с высоты своего положения не слишком уверенно завел речь, приличествующую по его разумению для героя. И добавил тише: — Полкан, похоже, ей надо перейти на ту сторону. Что делать будем? Вернемся?

Скакун мотнул головой: пятиться задом он не желал. Тем более застряли они ровно на середине провисшего моста, возвращаться или вперед идти — одинаково. Тут и водяного тумана больше всего, а значит доски настила самые скользкие.

— Так что ты предлагаешь? — Тишка недопонял его мысль о скользких досках.

Полкан всхрапнул, выразив всё своё раздражение недогадливостью хозяина. Ведь конь не мог раскорячиться, так чтобы «помеха» проскользнула у него между ног. Равно как схватить ее клыками за шиворот и перебросить позади себя скакун тоже не решался — опасался промахнуться в тумане и закинуть бедняжку мимо моста. Просто же дать пинка и пустить ласточкой с обрыва — будь на ее месте обычный гоблинский пацан, Полкан бы еще подумал, но с девочкой так обращаться негоже.

Ситуацию усугубили новые обстоятельства:

— Ой, а кто это там? — первым заметил ватагу гоблинов Светозар.

С того берега, откуда появилась «помеха», на мост вошли цепочкой крепкие и хорошо вооруженные зеленолицые коротышки. Громко переругиваясь, они передвигались шустро и уверенно — явно преследовали кого-то. И Тишка уже догадывался, кого именно. Однако из-за водяной дымки гоблины пока что этого «кое-кого» не разглядели.

Увидев погоню, рыжая «помеха» побледнела в бирюзовость. И мигом забыла всю свою робость: прыгнула на опешившего от такой наглости скакуна, вскарабкалась по сбруе, ловко залезла в седло позади Светозара, — тот в недоумении приподнял брови, — и накрылась его широким дорожным плащом. Спряталась. Даже ноги поджала, упершись острыми коленками Тишке в спину.

— Как это понимать? — уточнил Евтихий.

— Ы! — шепотом ответила «помеха».

— Ясно, — кивнул он. Выпрямился в седле, уставился на приближающийся отряд со всей суровостью истинного героя.

Те стремительно приближались, ловко балансируя на хлипком мосту. Вот — нормальные представители своего народа: косматые, пахучие, кривоногие, носы пяточками, глазки бусинки. В длинных сильных руках у нескольких секиры тускло поблескивают, у кого-то куцый меч на поясе болтается, у большинства копья вскинуты на плечо.

Понятное дело, вскоре на середине моста опять вышла заминка.

— Эй, странник, твою ж! — окликнул Евтихия самый крупный из гоблинов. — Ты тут не видал вот!.. — Похоже, ему было легче объяснить жестами: рост, фигуру и размер глазищ-плошек: — Ну, такое вот, зеленое, рыжее? Нет? Не пробегало?

— Нет, — твердо заявил Светозар. — То, что соответствует твоему описанию, я здесь не видел.

— Вот заноза, её ж! — плюнул командир. Спихватился, выставил ладони: — Не ты,

странник! Это наше, рыжее — вот оно заноза... Лады, недосуг нам тут. Счастливого пути, странник.

— Погоди! — остановил его Светозар. — Если я вдруг увижу ваше... ну, рыжее и зеленое...

— Ой, твою ж! — воодушевился гоблин. — Сделай милость, схвати и не отпускай! Оно такое юркое, её ж, мы уж все измучились ловить!

— А что оно вам сделало? — не унимался Тишка. — Украло что-то?

— Да кабы украло! — безнадежно махнул длинной рукой гоблин. — Тогда б оно не такое быстрое и шустрое было бы, ежели с поклажей-то, её ж. Убёгло оно без разрешения!

— И что вы сделаете, когда догоните?

— Трёпку всыпьем! — горячо пообещал гоблин. — Чтобы не убежало, её ж! Под замок запрем, чтоб из своей башни не высывалось даже! Ежели принадлежишь богине — так ты ж и сиди под замком! Ан нет, убёгло, её ж! А всё бабы — они недоглядели, а нас послали куда подальше!

— В каком смысле «принадлежит богине»? — напрягся Светозар. А спиной ощутил, как крупная дрожь колотит малышку. — Вы ее для заклятия приготовили? Для жертвоприношения?!

Он даже чуть привстал на стременах, но за кафтан сзади дернули — опомнился и назад сел в седло, побоявшись нечаянно сбросить «помеху», а не то бы он этим гоблинам!..

Гоблинам впрямь было некогда тратить время на болтовню. Второй в цепочке тронул первого за плечо, подтвердил:

— Чую, оно тут недавно пробегало, след еще теплый.

Старший махнул своему отряду. И гоблины прошмыгнули между веревками поручней — попрыгали один за другим под мост. Хватаясь за веревочные узлы и щели в дощатом настиле, понизу обогнули всадника, шустро перебирая руками, затем ловко перемахнули через поручни опять наверх — продолжили путь уже бегом.

Мост раскачивался от бега. Полкану это не нравилось, что он выразил презрительным всхрапом. Но отряд быстро преодолел подъем, забрался на скалистую кручу и исчез из вида. Мост перестало трясти, и Полкан резво потрусил вперед.

Добравшись до другого берега, они еще прибавили ходу. Мягкостью шага чудо-конь не отличался, особенно когда спешил, Светозара подбрасывало в седле, он беспокоился, как бы его спутница не свалилась. Но та не жаловалась: очень крепко обхватила его за талию, доверчиво прижалась к его спине всем своим девичьим телом и притихла под плащом. Тишке почему-то стало от этого очень неловко. Он даже немного разозлился — причем непонятно на кого: на девчонку, на себя, на гоблинов ли...

...Далеко съезжать с тропы не было смысла, гоблины наверняка еще не скоро поймут, что упустили след. А вот разобраться с «помехой» хотелось поскорее. Едва дождавшись, пока Полкан выберет симпатичную полянку для привала, Светозар нетерпеливо спрыгнул с седла и галантно помог спуститься спутнице:

— Полагаю, нам нужно объясниться!

Но «помеха» его не слушала — рванула под сень деревьев.

— Стой! — кинулся за ней Тишка.

И едва с разбега не влетел в ствол, так резко «помеха» остановилась, упала коленками на землю, принялась жадно собирать раннюю сладкую землянику.

Светозар растерялся:

— Так ты голодная?

— Ы! — деловито кивнула «помеха». То ли у нее рот был сейчас занят, то ли она всегда так говорила: без голоса, шепотом на одном шумном дыхании.

— Тебя вообще как зовут? — присел рядом на корточки Светозар, стал помогать собирать землянику: сначала себе в ладонь по яголке, потом ловил ее испачканную ладошку и пересыпал в горсть. «Помеха» сперва смутилась, ягоды приняла нерешительно. Глаза-плошки потупила, ресницы опустил. Тишка уж подумал, что не дожидается ответа на свой вопрос, но губки бантиком неуверенно зашевелились, синеватый язык слизнул сладкий сок:

— Хр... — прошептала «помеха». Попыталась выговорить на выдохе: — Грр... Гру! Грюн?.. Грюнф-ф...

Словно ей было трудно вспомнить собственное имя.

— Грюн? — переспросил Светозар.

Она кивнула, зарделась, отчего зеленоватая кожа приобрела сиреневый оттенок. И снова принялась за сбор ягод, но исподтишка насторожено следила за каждым движением Тишки.

— Откуда ты родом, Грюн?

В ответ сосредоточенное сопение.

— Кто твои родители? Ты хочешь вернуться домой?

Эти вопросы тоже остались без ответа.

— Ты хоть меня понимаешь?

— Ы! — коротко, не глядя в глаза.

Светозар поднялся, подошел к Полкану, пожаловался:

— Болезная какая-то нам попалась Дама! И не шибко Прекрасная.

За что получил от вдруг расвирепевшего коня пинок коленом под зад:

— Эй, ты чего взбесился?! Да не о том я, чтобы ее бросить! Но если она говорить не умеет, как выяснить, куда ее надо отвезти, где ее родители, откуда она сбежала и почему за ней охотятся? Хотя нет, почему — это вроде бы понятно... Но что за имя такое для девы — Грюн? Ладно бы еще Груша!..

Светозар замолк и опустил голову: неслышно подошедшая «помеха» дёргала его за подол кафтана и лучезарно улыбалась.

— Что тебе? — не понял Тишка.

Та закивала.

— Тебе нравится имя Груша? — догадался он. — Можно называть тебя так?

Та закивала еще радостней.

Светозар надул губы:

— Ладно, будет у меня нуждающаяся в рыцарской защите и опеке Прекрасная Дама по имени Груша. Зеленая! Совсем неспелая.

Он разочарованно прицокнул языком. Взглянул расстёгивать седельные сумки, чтобы достать еду, ведь земляникой сыт не будешь. Попенял скакуну:

— Уж даже не помню, когда ты в последний раз достаивал меня пинка. Лет двадцать назад, кажется? Когда я тебе гриву обрезал под корень.

Полкан согласно всхрапнул — он помнил.

— И с чего это ты вдруг так проникся симпатией к первой встречной? Совсем на тебя непохоже! — продолжал ворчать на коня лесной царевич. Полкан фыркнул.

Для короткого отдыха и перекуса Светозар разостлал на поляне плотное непромокаемое

одеяло, уселся сам и усадил свою «даму». Дал ей в руки краюшку мягкого хлеба и ломоть сыра. Та перевела на него сияющие «плошки».

— Кушай, потом еще отрежу, если не наешься, — велел Тишка. Сам он плотно позавтракал в трактире, сейчас только ущипнул мякиш за компанию, в задумчивости закинул в рот кусочек, стал жевать и рассуждать: — Выходит, тебя зовут Грюн. Возможно, Грюнфильда или еще как-то.

Груша ела аккуратно, не крошила, откусывала маленькими кусочками, тщательно жевала, прежде чем проглотить. На «Грюн» закивала, на «Грюнфильду» помотала головой.

— Разговаривать ты не можешь, — продолжал Светозар.

Она грустно кивнула.

— Это с тобой недавно случилось или всегда так было? Всегда, значит... Ты знаешь, где твой дом?

Она помотала головой.

— Заблудилась?

Кивок.

— Родители живы или ты сирота?

Груша совсем медленно жевать стала, шмыгнула носом, «плошки» заблестели слезами. Светозар пожалел, что приходится расспрашивать, беречь душевные раны, но как же иначе.

— Сирота, выходит... И как нам с тобой поступить? Как искать твоих родственников, вдруг о тебе волнуются... Эй, не реви! Вот, попей водички!

Светозару никогда не нравилось видеть женские слезы. И ладно бы созревшая девица ему попала, он бы тогда точно знал, как ее надо утешать. Нет же — девчонка! Он сурово прикрикнул и вручил ей флягу.

— Ладно, не буду я отдавать тебя гоблинам, успокойся, — скрепя сердце пообещал он.

Оказалось, геройствовать на самом деле было совсем не весело. Кому-то достаются драконы, кому-то принцессы и королевы, а кому-то потерявшиеся плаксы.

— Куда же мне тебя пристроить? Ведь мы собирались сражаться с драконом! — нарочито бодро объявил Тишка, подмигнув Полкану. Конь насупился, показывая, что эту идею с запугиванием малышки не одобряет. — А что если мы довезем тебя до города, а там пристроим в какие-нибудь добрые руки?

Полугоблинка вытаращилась на него в ужасе, рот ее снова скривился, нижняя губа оттопырилась и задергалась. Светозар трусливо пошел на попятный:

— Но ведь нельзя же с дамой идти на дракона! Полкан, подтверди!

Конь, решительно фыркнув, подошел и встал за спиной «помехи», выражая свою позицию.

Тишка вздохнул, принимая поражение:

— Значит, постараемся выяснить, кто ты такая, по пути. Но так как мы не знаем, откуда ты взялась, то и ехать тебе безразлично куда! А значит, мы поедем к дракону. Ты хоть знаешь, какие это страшные чудовища?

— Ы! — радостно улыбнулась сквозь не успевшие пролиться слезы Груша.

И оживилась, попыталась что-то объяснить жестами и невнятным шептанием, выглядела при этом весьма воинственно. Светозар поглядел, ничего не понял, в чем честно ей и признался. Она замолчала, снова взялась за еду. Он же бессильно растянулся на скатерке во весь рост, закинув руки за голову, посетовал в голубое небо:

— Знать, судьбинушка дала мне испытание. Буду теперь ее рыцарем. Что ж, зато обет безбрачия держать станет легче, хоть что-то хорошее. Буду всем выдавать это чудо за свою заколдованную невесту, никто больше не привяжется, подумают, что сумасшедший... Но где ж это видано, чтобы прекрасные дамы ездили вместе со своими рыцарями совершать подвиги? Дамам пристало сидеть в высокой башне и оттуда махать белым платочком во след герою... Что опять не так?!

При слове «башня» Груша выронила из рук недоеденный хлеб — и, уткнувшись лицом в ладони, горько и беззвучно разрыдалась.

Она сердцем чуяла, что родную башню больше никогда не увидит! Что-то ей подсказывало, что от дома и деревни остались лишь камни и щепки. А зовущий голос, звучавший в ее голове, несколько дней назад совершенно смолк, оборвался на болезненном вскрике. Как если бы единственное на всём свете дорогое для нее существо... Нет, она даже в мыслях не могла допустить, что ее создатель мертв! Безднадежность сковала душу ледяными цепями. И единственное решение оставалось одно — найти дракона. Но уже не ради того, чтобы заставить его снять свои поганые чары, а ради мести. Грюнфрид не отступится! Пусть придется пожертвовать собственной жизнью. Но теперь она видела, что само провидение ей благоволит, раз послало в помощь рыцаря-ангела на чудовищном адском скакуне.

На заклеенное желтым вощенным пергаментом окошко, в которое едва просачивался дневной свет, села толстая зеленая муха. Лукерья махнула полотенцем, прогоняя назойливое насекомое из лачуги через распахнутую дверь.

— Хе-хе, слетаются уже? Знать, недолго осталось ждать, — проследив глазами за полетом мухи, проскрипел Щур, лежавший на лавке, вытянувшись и сложив руки на груди поверх длинной седой бороды.

Лукерья промолчала.

Снаружи сделалось прохладней из-за мелко морозящего дождика. И сумрачно. Капли постукивали по ставням, шуршали по дерновой кровле, шлёпали по листве нависающих над крышей ветвей. Вокруг лачуги простирался лес. Не тот Лес, что привыкла Лукерья считать родным домом, не Заповедный. Но тот, что лишь отчасти подчинялся воле Яра, потому как был сплошь исхожен человеческими ногами, усеян пепелищами костров, обжит.

Тут, на левом берегу Магушки выше слияния с быстрой Сестрицей, леса перемежались оврагами и болотами, берег был низким. Если в рощах и дубравах Заповедной земли звенели птичьи голоса и радостно шумели деревья-великаны, выстраиваясь стройной дружиной над крутыми обрывами над речной лентой, там царила жизнь и пела в полный голос хвалу солнечному свету, то здесь, как казалось Лукерье, постоянно крапал дождик. Под ногами вечно чавкала сырость. Куда не пойдешь — упруешься в трясину. Но здесь жили люди — племя Щура, его родные, его кровь и боль. Язычники, которые поклонялись деревянным идолам, резным столбам со страшными образами. Люди, которые не признавали города, которые рассыпали свои приземистые избы мелкими деревушками и хуторками среди непролазных чащоб от севера Березополя до самого Бурого ханства. Которые враждовали с защитниками Нового Города с тех пор, как на его месте заложили первую крепость. Первую крепость они и сожгли дотла. Вторую ратники успели потушить. Третью выстроили частью из камня, хоть это дорого обошлось тогдашнему князю, деду нынешнего хозяина Нового

Города Рогволода Всеволодовича. За третий такой разбойничий набег ратники вышли в поход, вырезали половину некрещеного люда, но и сами почти все сгнули в трясилах. После, жаждая мести, язычники выбрали подходящее время и снова напали на Город, устроили переполох, поразбойничали всласть. В ответ зимой лишились множества соплеменников: мужчин увели в стольный град на рабские работы, женщин частью продали заезжим восточным или южным купцам, некоторых, что посговорчивей, оставили в Городе прислужницами и постельными грелками.

Так и тянулось из года в год, почти уж век... И только последние лет тридцать Щур сгладил вражду. Он один умел остудить пыл молодых вождей, рвущихся за славой и награбленным богатством. Он также умел заговорить зубы городским военачальникам. Там потянул за ниточку, здесь надавил на слабое местечко — глядишь, и очередной резни не состоялось, кровь не полила сырую землю. Пользуясь заслуженной славой чародея и провидца, будучи почитаемым знахарем, он свободно посещал Город и коротко знался с покойным князем Всеволодом. И среди старейшин племени у него было свое почетное место.

Но время не сделало его моложе, и собственный дар целителя и провидца не подсказал ему секрет бессмертия.

Лукерья тяжело вздохнула: кто же теперь будет вместо Щура пробуждать в горячих головах разум, кто посеет мысли о мирном сосуществовании? По всему выходило, что некому.

— Что всё вздыхаешь? — окликнул Щур свою добровольную сиделку. — Тоску только наводишь. Я тебя не просил приезжать, коли тяжело тебе тут — возвращайся на тот берег. Развздыхалась, понимаешь.

Умиравший седой старик из-под кустистых бровей хитро блестел чистыми ясными глазами. Лукерья опять не удержала горестного вздоха.

— Я знаю, что у тебя на уме, оставь эти думы, — ворчливо продолжал он, делая между словами мелкие порывистые вдохи, потому что говорить, как бывало прежде, громко и певуче, у него давно не получалось. — Приходил твой Яр ко мне. Еще прошлым летом, когда я слёг со сломанной ногой. Кость он мне зарастил, я позволил, некогда мне было тогда на лавке валяться. Но этот малец, шустрый, чуть не воспользовался случаем! Едва-едва я уберегся от его непрошеного лечения.

Пораженная Лукерья прикрыла рот ладонью, ловя каждое скрежещущее по сердцу слово.

— Омолодить меня вздумал, экий хитрец! — продолжал Щур с весельем. — Я его разве просил? Пакостник твой муженек, вечно делает только то, что сам хочет, вечно никого не спросит.

Лукерья вздохнула, опустила голову. Выходит, зря она злилась на мужа, упрекала его в бессердечии. Она с зимы приставала к нему с просьбой продлить жизнь Щуру хотя бы на несколько лет, пусть бы хоть до сотни дотянул старик — бывают же среди смертных и такие долгожители! А вон что оказалось, Яр не дожидался, чтобы его умоляли, сам пришел. Сам предложил. Вернее, как обычно всё собирался сделать по-своему разумению и без спроса, но Щур не зря был колдуном, закрылся от чужой силы.

И оба молчали, не сказали ей ни слова! Обидно стало от такого пренебрежения до слёз. — Нечего носом хлюпать, и так сырости хватает, — Щур отвернулся лицом к бревенчатой стене. Глаза закрыл, но спать не собирался. Слишком мало у него времени

здесь осталось, чтобы тратить на сон. — Ты зря думаешь, что мы с твоим Яром враги. Он за меня тоже переживает, по-своему. Как умеет.

— Я не думаю, — возразила Лукерья, покашляла, стараясь прогнать из голоса слезливость. — Он тебя уважает. По-своему. — Она негромко рассмеялась.

— Ревновал он тебя ко мне, ох ревновал в своё время! — протянул с удовольствием Щур.

Лукерья с улыбкой отмахнулась от его слов полотенцем, которое так и комкала в руках. Щур был много моложе лесной царицы. Когда они впервые встретились на цветущих лугах Магушки, Щур был еще босоногим мальчишкой. Она же была уже давно взрослой, командовала русалками, раздавала указания мужу и лешим. И подумывала о детях. Конечно, ее, безумно влюбленную в собственного супруга, пылкое увлечение деревенского мальчишки только смешило. Однако мальчишка оказался упрям и упорен. Он сумел свою влюбленность и ее снисходительность со временем превратить в крепкую дружбу и доверие, которое лишь укрепилось после рождения у царской четы потомства.

— Моя лесная богиня. Так и надо, чтобы ты никогда не старела. Что я? Я лишь смертный, мой удел могилка под шумящей березой. А твоя красота никогда не должна померкнуть. Как же я рад, что ты не поддавалась моим глупым уговорам и не бросила ради меня своего пакостника.

Лукерья промолчала. Не станет же она рассказывать умирающему другу, что именно теперь она решила наконец-то разорвать свои брачные узы, затянувшиеся на ее горле душащей веревкой.

— Я счастлив, что мне оказали такую честь. Подумать только — я единственный смертный, который не просто может наяву видеть Царя и Царицу с их детками, но вы меня за родного считаете.

Щур пустил старческую умиленную слезу.

— Велика честь, — вздохнула Лукерья. — Как же нам тебя не привечать? Ты единственный из людей, кто относится к нам по-человечески. Помогаешь всегда. Советуешь дельное. Вот Яр, когда в первый раз на Ярмарку собрался — кого бы еще в проводники себе взял? На тебя всегда можно положиться. Ты единственный наш друг среди людей. Даже Яр это понимает. Пусть и никогда вслух не признается, хоть режь его калёным железом.

— Ну уж, — фыркнул в усы довольный старик. — Я на твоего пакостника не в обиде. Просто норы у него такой, пакостный. А что нужно понимать — то он понимает, не вини его.

— Я и не виню, — буркнула Лукерья, складывая полотенце у себя на коленке, разглаживая линялых петушков, вышитых на кромке.

— Винишь, — уличил Щур. — А зря! Вот вспомни, когда он тебя подводил? Всегда о тебе заботился в первую очередь, иной раз о себе не думал. Ты у него свет в оконце, ты и твои дети — самое важное для него сокровище на свете.

— Да будет тебе, — вздохнула Лукерья.

— Слепота в тебе проснулась бабья, — обвинил Щур. — У всех баб на глазах шоры! Вот поэтому я и не женился никогда, сколько ты меня ни подбивала посвататься.

— И напрасно, были бы у тебя уж правнуки, — вставила Лукерья.

— Вы, бабы, слепнете, когда влюбляетесь! — продолжал Щур обличительно. — И второй раз слепнете, когда думаете, будто вас разлюбили.

— Ах, оставь... — отмахнулась Лукерья, собралась встать с лавки, чтобы заняться

каким-то несуществующим делом.

— Сядь! — велел Щур. — Дай мне выговориться напоследок. Смерть на пороге стоит так что уважь старика.

— Ну, говори-говори, — согласилась Лукерья. Села на место, но отвернулась к очагу, взялась пустое блюдо вытирать полотенцем, будто бы дерево, грубо вырезанное простым ножом, можно начистить до зеркального блеска.

Однако вместо того, чтобы говорить самому, Щур потребовал:

— Расскажи, как ты родила своего старшего.

Лукерья удивилась:

— Родила и родила! Сейчас живой и здоровый, слава богу. Вон, недавно уехал дракона воевать. Чую, приведет в дом принцессу, не иначе...

Но Щур хотел услышать от нее явно не это. Вздыхнув, Лукерья завела сбивчивый рассказ:

— Сам всё знаешь. Сбросила я младенца, не доходила три луны. Испугалась тогда страшно, в истерике билась. А Яр и бровью не повел: опоил меня какими-то зельями, так что я сидела потом неделю, как кукла, только глазами хлопала. А Тишку, этот маленький сморщенный комочек, который и пищать-то еще не мог, отнял у меня из рук, отнес в рощу и без пеленок, голенького, запихнул в ствол дуба. Дупло наколдовал — и положил. Я гляжу, ничего не понимаю, а дерево корой заросло, совсем гладко. И нету моего ребеночка. Я аж подумала, что мне это всё примерещилось: хватаюсь за живот, а живота тоже нету. Я опять реветь, Яр меня опять поить горькими травами... Спустя месяц привел меня назад к этому дубу. Ночью, луна тогда, помню, ярко светила. Я гляжу — и глазам не верю: ствол раскрылся, словно утроба, а оттуда ко мне мой мальчик рученьки тянет...

Лукерья давно оставила блюдо в покое, от нахлынувших воспоминаний пришлось промокнуть полотенцем глаза.

Щур глубоко вздохнул.

— Яр из дуба младенца вынул и мне подает: «Вот наш первенец!» — говорит. Ты б видел, как у него мордашка гордостью светилась! Я снова думала, что сон это, что мне всё снится. А Яр мне его в руки сунул, а младенец тяжелый такой оказался, гугукает весело, ножками сучит, за меня хватается — только тогда я и поверила, что не сплю... Вот только Тишка постоянно пытался в лес удрать. Он быстро рос, как на дрожжах. На третий месяц на ножки встал. Ох, намучилась я с ним тогда... Я потому имя ему выбрала такое несуразное — Евтихий! Он его до сих пор не признает, только если Тишкой называть. Яр однажды унёсся куда-то на край своих владений, всё расширял своё царство, всё делами был занят. А я одна с Тишкой осталась в нашей прабабкиной избе — Яр тогда еще мне терем не построил, дворец свой растил... То ли готовила я тогда, то ли постирушкой занималась. В общем, не доглядела — убежал мой мальчик в сторону леса. Я спохватилась, кинулась искать, звать. А как звать-то — не знаю! Имя ему мы тогда еще не выбрали, всё ссорились с Яром: я просила, чтобы он, как положено, в честь своего отца сына нарёк. А он упирался, требовал, чтобы я сама придумала. Ну, так вот: прибегаю к опушке, а сынок-то мой уже на дерево залез. Я зову спуститься, а он не слышит. Я пригляделась: а он уж головой в дерево врос. И смех его слышу — веселый, радостный. А ветки его по спине глядят, приглашают дальше забираться, глубже. Верись, Щур, меня словно кипятком окатили. Не знаю, как сердце не разорвалось. Я скорее домой бежать, там всё перевернула, нашла прабабкины святцы. Открыла тогдашний день, ткнула пальцем в страницу, читаю: и смех, и грех! Акакий, Горгоний, Исихий,

Евтихий. Ну, думаю, значит быть сыну Евтихию. Он мне, к слову, потом не раз пенял — нашел ту самую страницу, указывает: «Вот не прочитала строчкой ниже! Назвала бы меня хоть Смарагдом, всяко лучше!» А я что? Я торопилась, думаю: вдруг не успею, вдруг не смогу назад своего сыночка вернуть, перестанет он быть человеком, сделается дуб дубом! Подхватила книгу — и назад к опушке. Уже сына не вижу среди зелени. Ору дурниной: «Кровинушка ты моя, отзовись! Я ж тебя под сердцем носила, как тебе не совестно меня оставлять тут одну! Нарекаю тебе имя: Евтихий! Святой мученик Евтихий, услышь меня, помоги дитя вернуть!..» И книгой по всем стволам стала стучать, вроде как благословляя.

Лукерья улыбнулась невесело.

— Напугал он меня тогда. И не меня одну — Яр прилетел тут же. Но Тишка уже от дерева отлип, вниз слез, ко мне на руки забрался. Гладит меня по голове, извиняется, обещает больше не безобразничать. А я реву в три ручья... Оказалось, Яр иногда водил нашего сына в дубраву, к тому дереву, чтобы силой от корней подпитать, чтобы здоровым рос. Тишка поиграл бы с Лесом и назад вернулся бы... А я-то не знала. Мне они ничего не говорили.

Она помолчала, с грустью глядя в давнее прошлое. Добавила:

— Слава богу, младшие меня так не пугали. Да ты сам знаешь, ты же роды принимал. Яр тогда разволновался страшно, аж сам предложил тебя позвать. Он в то время просто несносный сделался и растолстел, будто сам ходил беременный! — она рассмеялась, вспомнив изменившуюся до нелепости фигуру мужа.

Щур прикрыл глаза дряблыми веками. Пожевал вялые губы. Проскрипел:

— Двойняшки тебя не напугали. А вот меня до первой седины довели.

Лукерья подняла на него взгляд. И без просьб он заговорил:

— Ты и вторую свою беременность грозила сбросить. Тем более двойня получилась, вдвойне тяжелее носить.

— Поначалу, — согласилась Лукерья с тревогой. — Но потом-то всё хорошо у меня было.

— У тебя, — эхом повторил Щур. — Яр не позволил детям тебя покинуть. Он усыпил тебя и при мне забрал одного из младенцев, самого хилого и слабенького. Мальчонку. Драгомира.

— Как это — забрал? — холодея, спросила Лукерья.

— Так вот и забрал, — не шутил колдун. — Но в дерево помещать не решился. Помнил, как тебя Евтихий напугал своей тягой к Лесу. Яр и сам с Тишкой намаялся, пытаюсь объяснить неразумному дитятку, что он должен жить собственной жизнью, а не стремиться сделаться частью Леса, не раствориться в нём, аки бесплотный дух-хранитель.

— Не может быть, — побелевшими губами прошептала Лукерья. — Я не знала... Мне ничего не говорили...

— Чтобы с младшими подобной тяги не повторилось, — продолжал Щур, — твой муженек привязал их к вам двоим. Не просто к утробе — к сердцу, к разуму. К тебе Миленку, к себе Драгомира. Милка в тебе хорошо прижилась, больше не капризничала. А вот Драгомир изнутри выжигал своего папку, до того не хотел жить, так стремился уйти на ту сторону. Яр крепился изо всех сил, скрывал от тебя, как его крутит. Растолстел, говоришь? Как хворостинка отощал, только глаза в темных кругах да округлившийся живот — вот и весь царь Леса.

Лукерья кивнула, припоминая. Она была ослеплена собственным счастливым бременем.

Да еще Тишка отвлекал, о нем заботиться надо было, пусть к тому времени он выглядел подростком, вымахал выше матери, а разумом оставался наивным ребенком... Она совершенно не обращала внимания на мужа, тот же пользовался любым предлогом, чтобы убежать из ее терема и запереться в своем дубравном дворце. В одиночестве, не подпуская к тайне своего недомогания никого из лесной свиты.

— Уж не знаю, на что в конце концов решился Яр, он мне так и не признался в этом своем секрете, — сказал Щур, — но только у него получилось заставить Драгомира захотеть жить. Заставить захотеть родиться и радоваться жизни.

— Как? — выдохнула Лукерья. Она с лавки сползла на пол, опустилась перед стариком на колени, взяла его костлявую большую руку в свои дрожащие горячие ладони.

— Не знаю, — повторил Щур. — Но Драгомир наконец-то успокоился. Когда же пришло время родов, Яр опять призвал меня на помощь.

— Я помню, — кивнула Лукерья.

— Яр разорвал твою связь с младенцем, и Миленка благополучно появилась на свет, как все дети из чрева матери, крикливая, крепкая.

— После чего я уснула... — припомнила с ужасом Лукерья.

— Мы усыпили тебя, — подтвердил Щур. — Я отвел Яра к вам в баньку, где он приказал распороть ему живот ножом. Причем ни обезболивающего средства, ни сонного он не мог на себе использовать, ведь должен был еще и чары наводить на младенца. Разделся, зажал в зубах скрученное полотенце, лег на лавку — и я стал его резать. Эх, знала бы ты, сколько потов с нас сошло в той баньке без всякого пара!

Лукерья прикрыла глаза, представив. Ей сделалось душно и дурно, она отпустила руку колдуна.

— Зато сколько счастья было, когда Мирошку достали, обмыли от крови! — с теплом вспоминал Щур. — Такое облегчение! Уж не знаю, как Яр, он тогда едва дышать мог, а я слезами умывался и хохотал в голос, до того радовался.

Старик-то свой ужас давно пережил, а вот у Лукерьи только сейчас глаза открылись на то, что муж за ее спиной вытворял, играя с её жизнью, а главное — с жизнью их детей.

— Когда Мир наконец-то закричал, мы с твоим пакостником аж расцеловались! И ведь он подставился под мой нож, не побоялся, а я его из ревности тогда зарезать мог, — скрипуче посмеялся Щур. — Вот уж довелось мне редкостное испытание — у парня роды принимать! Будет, о чём на том свете чертям байки рассказывать, хе-хе...

— А после разбудили меня и, светясь от счастья, приложили к груди обоих младенцев, — довела рассказ до конца Лукерья, поднявшись с пола.

— Дык, не к Яру ж было прикладывать! — продолжал веселиться колдун. Выговорившись, он словно снял с плеч давний тяжкий груз чужой тайны и теперь будто бы дышал свободнее, пусть и со свистом. — Родить себе сына он смог, а вот в бабу превращаться, в кормилицу, отказался! Хе-хе!..

Лукерья подождала, пока хохот, перешедший в надсадный кашель, утихнет. Подала ковш воды напиться. Уложила старика удобнее, поправила подушку под головой. Спросила, нужно ли ему что-нибудь.

— Погулять хочешь выйти? Ну, выйди, подыши воздухом, — понял Щур прежде, чем она заикнулась. — И то верно, засиделась со стариком. Да и утомила меня! Иди, дай отдохну от тебя, хе-хе...

Лукерья вышла из лачуги под морозящий холодный дождик. Подставила каплям

разгоряченное лицо.

— Дверь не закрывай, оставь! — донеслось изнутри.

Она машинально кивнула, хотя старик не мог ее видеть. Сошла с низкого скользкого крылечка — ступила на раскисшую землю, в выемку, что вытоптали перед нижней ступенькой. В лужицу с торчащим посередине листком подорожника, темным, глянцевым, мокрым, гордым, хоть его постоянно топчут...

Лесная ведьма хотела семью, как у людей? Вышла замуж, родила троих детей... Родила? Детей ли? Люди ли ее дети? Полукровки. Хуже того, не просто наполовину нелюди — они часть Леса, ибо отец их — десной Хозяин. Не человек. И даже не эльф. Существо, которое способно легко убивать. Способно отбирать чужую жизнь и равно умеет продлевать жизнь избранным смертным до бесконечности. Так он клялся, обещая ей, что старость никогда ее не коснется. Лукерья провела ладонью по лицу, размазывая холодные дождевые капли — и другие, стыдные, горячие от обиды. Так сложно жить с всемогущим существом, которое из благих намерений может сотворить с тобой всё, что ему вздумается. И ты об этом даже не знаешь!..

Кем вырастут ее дети? Милена — уже стала отчаянной колдуньей. Драгомир — тихоня, странный до помешательства. Евтихий — кажется солнечным, но на самом деле внутри такой же бесстрастный и холодный, как его отец.

И Щур будет ее уверять, что Яра не в чем винить?! Что он — любит ее? Ценит свою семью?.. Ах, да. Яр действительно души не чает в своих отпрысках. Теперь наконец-то стало ясно, почему он особенно дорожит Мирошем... Но вот любит ли он ее, Лукерью — на самом деле? Или просто благодарен ей за сыновей и дочь? Сейчас она сомневалась, что Царь Леса вообще знает это чувство — благодарность...

Она вернулась в дом колдуна только в густых сумерках. Еще не войдя, почувала неладное: внутри горела лучина. Старик не стал бы зажигать, он последние дни не поднимался с постели.

— Он умер, — кивнув ей, сообщил городской лекарь, худощавый мужчина лет пятидесяти. Он и его сын были единственными учениками за всю жизнь Щура. Лукерья не сразу заметила его, неподвижно стоявшего поодаль.

Она недоверчиво посмотрела на старика: умиротворенный, руки сложены на груди, на дряблых губах полуулыбка, брови не хмурятся. При теплом свете играющего огня он казался спящим.

— Я только вошел, поздоровался, подал ему воды, — негромко рассказал лекарь. — Он еще спросил про Томила. Я сказал, что на той неделе получил письмо от Богдана, что он нашел его, что они поедут домой, как только Томил немного поправится. У него была чахотка, застудил легкие, пока был в плену.

— Я помню, Крас, ты говорил, — кивнула Лукерья.

Она встала рядом, продолжая смотреть на преставившегося. Красимир осторожно взял ее за руку, она позволила, он крепко сжал ее заледеневшие пальцы. Томил был его сыном, давно пропавшим в чужих землях. Щур переживал за него, как переживал бы за родного внука. И только Щур продолжал верить до последнего, что парень жив и когда-нибудь возвратится домой. Старик оказался прав — на то он и провидец.

— Он напился воды, я помог ему лечь. Только отвернулся — он уже перестал дышать.

Лукерья сочувственно погладила лекаря по спине. Она и сама ощущала огромную потерю, ведь знала Щура гораздо дольше, чем его ученик. Но Красимир был человеком,

простым смертным. А она? Она уже успела привыкнуть к своей постоянной молодости, подаренной мужем. О смерти она задумывалась, но не более того. Чувствовать смерть холодеющим загривком, так же, как все люди — сможет ли она этому научиться? Поможет ли ей это умение вновь ощутить вкус жизни, напомнив о быстротечности бытия?..

Лекарь забрал из лачуги несколько книг, какие-то важные для себя записи, сделанные Щуром, рецепты зелий, несколько мешочков с засушенными травами. Лукерья не притронулась ни к чему, словно всё жилище, где она так часто бывала, в одно мгновение сделалось оскверненным. Она уверяла себя, что желает познать краткость человеческого бытия, что готова сделаться обычной женщиной, а не лесной богиней... Однако предпочла дожидаться хлопчущего лекаря снаружи, в ночи под разошедшимся дождем.

Вскоре тьму ночи разрезал огонь, охвативший лачугу. Так пожелал Щур. Лукерья была уверена, что и дождь старик призвал сам, чтобы обезопасить от пожара землю и близстоящие деревья.

— Ты вернешься в город? — спросила она, когда Красимир снова встал по правую руку от нее.

Они оба поклонились в пояс погребальному костру, когда раздался сухой скрежет, так напоминающий смех покойного колдуна. Крыша обвалилась вовнутрь, в небо взметнулось облако искр, высоко, будто душа Щура радостно вырвалась на свободу, покинув сгорающее где-то там под обломками дряхлое тело.

— Да, я только попрощаться приехал, князь не разрешил мне задерживаться, а вот так получилось, — проговорил лекарь.

— Можно, я поеду в город с тобой? — спросила без выражения Лукерья.

Красимир резко обернулся к ней. В недоверчиво расширившихся глазах отразилось пирующее пламя.

— Ты наконец-то сказала ему о... о нас? — негромко спросил он.

Лукерья покачала головой, усмехнулась:

— О нас? Ничего ведь не было. А то, что ты давно влюблен в меня, Яр знает. Он наверняка и сейчас следит за мной.

Лекарь поежился, украдкой огляделся. Да что он, смертный, мог разглядеть в черноте молчащего леса. Улыбка Лукерьи превратилась в ухмылку ведьмы: она точно знала, что Яр не опустится до слезки, он клялся, что доверяет супруге и придет, только если она сама позовет его.

— Травницей? Возьми меня травницей! А что будет дальше — увидим.

Красимир просиял, с силой сжал ее руку. Лукерья опустила голову, пряча легкое презрение: от горя по любимому учителю — всего шаг до счастья. Вообразил, что давние мечты скоро исполнятся. Мужчины вечно лишь о себе думают, что смертные, что эльфы, что цари.

— Пожалуйста... не надо... больше груш... пожалуйста... — собрав крупицы сил, взмолился Сильван. Сил хватило на жалкий чуть слышный шепот, не осталось даже на то, чтобы глаза открыть. Веки будто свинцовые, с такой неподъемной тяжестью ему не справиться. Всё остальное тело некромант вообще едва чувствовал.

— Па-ап! Он что-то просит! — раздался звонкий женский голос. И наконец-то скользкая долька груши перестала тыкаться ему в губы. Но противный аромат остался витать перед носом...

Приблизились легкие шаги, маг с блаженством ощутил, как от подошедшего повеяло свежестью весенней зелени.

— Солнышко, ты давно его грушами кормишь? — мягко прозвучал второй голос, мелодичный, ласковый, словно журчание лесного ручейка. Такой до замирания сердца знакомый, родной для Сильвана голос! Маг не удержал чувств.

— Ой, пап, у него что-то слёзы, глянь-ка, — удивилась и расстроилась Милена, заботливо утёрла уголок полотенца скатившуюся из-под ресниц к виску каплю.

— Еще бы! Так сколько груш ты успела ему запихать? — фыркнул Яр, потрепал лежащего на высоких подушках мага по волосам. Милена состроила отцу возмущенную мордашку, ведь она собственноручно битый час расчесывала длиннющие серо-фиолетовые пряди! Благо в спальне все окна закрывали плотные ставни, и капюшон черного балахона можно было спокойно откинуть.

— Если считать вчерашние за ужином, натертые на тёрочке, то всего-то пять грушек, — подсчитала Милена.

— Силь ненавидит груши, у него от них когда-то была чесотка, — пояснил Яр. — После второй смерти чесотка пропала, но нелюбовь осталась навсегда.

— Пап, но он сам постоянно твердит: «Груш! Груш!» — возразила Милена. — Вот я и стараюсь: чищу, натираю, по ложечке ему запихиваю!

— Солнышко, там, откуда он родом, груши называются иначе, — терпеливо попытался объяснить отец. — Он просто не мог просить груш, и потому что их терпеть не может, и потому что не умеет бредить на здешнем языке.

Между разговорами, жестом велев дочери отвернуться, Яр нащупал на костлявом запястье пульс, послушал дыхание, как заправский лекарь постучал пальцами под ребрами и по грудной клетке. Милена послушно отошла от кровати, но пока родитель был занят, исподтишка скосила глаза — не из праздного любопытства, а науки ради, ибо что она там не видала, под балахоном-то. Но всё равно щеками порозовела.

— Чего это он не сумеет? Очень даже сумеет, — пробормотала она. — Я давеча, пока ты занят был, его маленько подпитала силой Леса, как ты показывал, а заодно вложила знание языка. А то что потом будет мучиться, как оклемается? Всё равно тут у нас останется жить. Ведь да, пап? Деваться-то ему всё равно некуда, башню я сломала.

Яр снова запахнул балахон, укрыл подопечного лоскутным одеялом, положив вытянутые руки поверх, расправил широкие рукава. Присев на край постели, вздохнул. Он разрешил дочке упражняться в знахарстве днем, пока сам был занят государевыми заботами и не мог сидеть часами у постели больного. Милена училась вливать в несчастного мага жизненную

силу, дарованную Лесом — разумеется, исключительно под присмотром отца, поначалу явным, затем тайным незримым. В данном случае он не гнушался следить за дочерью через связь с дворцом. Иногда от чрезмерного усердия Милка умудрялась напортачить даже в таком простом деле, и тогда Яру приходилось тратить всю ночь на исправление тех немногих органов и тканей, что еще утром в исправлении не нуждались. Но уговора о передаче знаний не было.

— Солнышко, ты меня огорчаешь!

Милена от такого отцовского выговора аж на сундук присела, глаза распахнула в ужасе:

— Пап, я ж как лучше хотела! Он всё равно лежит, так пусть, пока спит, новый язык усвоит. А что, нельзя было? Всё так плохо?

Яр покачал головой:

— Сама подумай, у него мозг сейчас, точно высохший орех, хорошо хоть изнутри о череп не стучит. А ты ему — столько всего сразу влила! Вот теперь жди еще неделю, пока у него вся путаница уляжется в памяти, пока мысли прояснятся.

— Ладно, больше в него ничего, кроме бульона, вливать не буду, — надулась Милена.

Растревоженный их спорами, маг еле слышно застонал, попытался шевельнуть рукой. И приоткрыл глаза, чуть-чуть, а всё равно болезненно поморщился от проникшего сквозь ресницы сумеречного света, показавшегося ему ослепительно ярким. Яр тотчас наклонился над ним, встревожено заглянул в лицо, позвал:

— Сильван! Силь, ты меня слышишь?

Маг слабо сомкнул веки, дважды подряд в знак согласия.

— Ты меня узнаешь? — обрадовался его ответу Яр.

— Ксс... Ксавьер... — на выдохе прошептал Сильван.

Лесной владыка рассмеялся с облегчением, обнял друга:

— Ну наконец-то! А то уж вторую неделю мертвяком прикидываешься! — и обернулся к дочери поделиться радостью: — Значит, на поправку пошел!

Та в стороне не осталась, присела перед изголовьем:

— Ванечка, ты прости за груши, я не знала! Хочешь, яблочек запекую? А хочешь бульончика наваристого? Я для тебя перепёлочек наловила утром, сама, приготовила, очень вкусненько получилось!

— «Ванечка»? — смешливо поднял бровь Яр. Дочка потупилась. Отец не стал вгонять ее в краску еще больше, распорядился: — Бульон лучше на вечер оставь, сейчас вели гоблиншам свежего козьего молока надоить и хорошо прокипятить, потом сливки сними, а молоко отнеси на ледник охладить, и теплое дашь с мёдом. Только от пенок процеди!

— Что, тоже чесотка? — расторопно метнулась к дверям дочка, на мгновение задержалась на пороге.

— Угу, икота, — кивнул отец.

Милена убежала выполнять поручение. Яр же остался сидеть на краю постели. Зная ее дотошность, он был уверен, что дочка сделает всё сама, никому не доверит. Значит, у него есть в запасе час или около того. Впрочем, столько не потребуется, он рассчитывал управиться быстро — теперь-то, имея опыт и безграничную поддержку Леса.

С первого дня, как Милена привезла в его дворец некроманта-«найденъша», Яр не только подпитывал его силой Леса, но и тщательно восстанавливал тело после длительного окаменения. Первым делом он кропотливо оживлял кровеносные сосуды, потом планировал заняться мышцами, лишь в последнюю очередь нервами, чтобы пока лишнюю боль не

доносили до мозга.

Кстати, заклятье, которое бросил в некроманта дракон, оказалось недоделанным, недостаточным для полного превращения в камень. Если бы чары не были столь торопливо сплетены, после освобождения от заклятья Сильван был бы бодр и свеж, долгого лечения ему не потребовалось бы. Однако всё это время защищать свою башню или сквозь морок позвать Милену на помощь он тоже не смог бы. Чары не добрались до его мозга и сердца. Мозг впал в подобие сна, изредка просыпаясь на короткое время, поэтому остался более-менее невредим, — о чем Яр возблагодарил Небеса, ибо лечить умалишенного не имел никакого желания, из милосердия добил бы сразу. А вот сердце все эти годы билось: медленно, с невероятным трудом, надрывно, но упрямо сжималось, пытаясь гнать сгустившуюся кровь. Отчего истоцилось, грозясь в любую минуту порваться, как застиранная ветхая тряпочка. Яр мог постепенно восстановить иссохшиеся мышцы во всём теле, но главную мышцу исправить было уже невозможно. Вернее, штопать и наращивать пришлось бы так долго, что Сильван точно не стал бы дожидаться, ускользнул бы от Яра за грань бытия. А Яр устал некроманта оттуда вытаскивать — еще прошлого раза хватило, все нервы себе измотал, легче плюнуть и отпустить.

Владыка Леса забрался на постель, встал над неподвижно лежащим магом на четвереньки, лицом к лицу, расставленными коленями по обе стороны от вытянутых под одеялом длинных худых ног. Одной рукой опершись о высокую подушку, вторую руку Яр положил раскрытой ладонью на его грудь, на слабо бьющееся сердце. Негромко заговорил, без тени обычной шутливости, крайне серьезно:

— Силь, ты меня слышишь? Прости, но сейчас мне придется сделать тебе больно. Твое сердце скоро остановится. Пока ты стоял статуей, оно изнашивалось. Человеческое сердце столько протянуть не может. Ты понимаешь меня? Я хочу снова исправить твоё тело, как в прошлый раз, после костра. Ты даешь мне разрешение?

Говоря это, Яр напряженно всматривался в неподвижные заострившиеся черты. И едва дрогнувшие веки и сбившееся дыхание стали для него знаком согласия. Яр мягко улыбнулся:

— Не волнуйся, в этот раз тебе не придется терпеть боль полгода, я управлюсь за пару минут, обещаю. Теперь я стал куда сильнее! И опытнее. — Яр негромко рассмеялся, впрочем, смех вышел несколько нервным. — Пожалуйста, доверься мне еще раз.

Однако сам-то Яр знал, что даже если бы некромант отказал ему в доверии, то он всё равно поступил бы по-своему. Так, как считал нужным. Даже если бы после этого они вновь поссорились.

В этот раз у Яра было время на подготовку. В прошлом пришлось действовать очень торопливо, и спешка обоим стоила озера пролившейся крови и долгих невыносимых страданий. Когда Ксаарз снял со столба над чадающим костром обугленное тело, он едва успел донести мага живым до своего логова в загородной роще. Сильван цеплялся за жизнь, но душа не могла удержаться в истерзанной плоти: его легкие изнутри были обожжены и покрылись коркой копоти, его ноги до таза сгорели в низком пламени, остались лишь костяные кочерыжки. И всё равно он стремился выжить... Пока Ксаарз не начал свое кровавое лечение, которое обернулось последней попыткой для некроманта.

Слава Небесам, эльф-изгнанник успел проникнуть в память мага, успел считать, — с алчностью, с трепетом! — каким образом в свое время Сильвана возвращал с того света его старик учитель. Ксаарз прежде и помыслить не мог, что, оказывается, у людей можно заменять внутренние органы! Конечно, дряхлый некромант перекраивал только мертвяков,

причем Сильван оказался единственным созданием его гения — он впрямь ожил после всех перенесенных операций. И эти знания, сохранившиеся в запечатанной памяти, Ксаарз получил для себя. Окрыленный некромантскими таинствами, опьяненный иллюзией всемогущества, эльф немедленно приступил к освоению новых методик лечения.

Вот только не было под рукой запасного мертвеца, у которого можно было бы «одолжить» нужные части для замены пострадавших во время казни. Тогда, чтобы заставить спасенного мага хотя бы дышать, Ксаарз, не долго думая, вспорол себе грудь и отдал ему собственное легкое. Разумеется, Сильван не выдержал: отказался принять «дар», отторгая орган всеми тканями, и разделанный, словно выпотрошенный поросёнок на вертеле, всё-таки умер на руках рискованного эльфа. Ксаарз матерился и истекал кровью, ему пришлось сильно постараться, но в итоге он своего добился — лекарь-недоучка переупрямил спасенного, который не хотел принимать спасение из его жестоких рук. Кое-как он заставил легкое прирасти, заставил сердце биться, заставил некроманта ожить. Наученный этим опытом, следующее легкое Ксаарз растил в себе тщательно и без суеты, используя частичку плоти самого Сильвана, тем самым исключив возможность отторжения. А вскоре и запасного мертвеца раздобыл, да не одного — охотники за головами сами приходили к их тайному убежищу, горя желанием вернуть некроманта на костер и за компанию четвертовать эльфа, осмелившегося помешать правосудию. В общем, впоследствии недостатка в «материале» не было. Ксаарз привередливо выбирал кости для ног попрямее, мышцы посильнее. Причем ткани тщательно перерождал под мага прямо на будущих «мертвецах», используя их жизненные резервы, чтобы самому тратить меньше сил, приращивая на новое место. Кстати, не сказать, что ему подобный процесс доставлял удовольствие, однако совесть эльфа не мучила абсолютно. Для необученного лекаря это было весьма познавательно. Да и просто убивать явившихся на порог головорезов, чтобы потом закопать в землю столь ценный материал — Ксаарз считал слишком расточительным баловством.

На этот раз получив из рук дочери бездыханное тело, прекрасно изученное вдоль и поперек, ни ломать ребра-хрящи, ни вспарывать грудную клетку ножом Яру совершенно не хотелось. Запасное сердце для друга он вырастил рядом с собственным, аккуратно выстраивая клетка за клеткой, бережно лелея, за эти несколько дней вылепив из комочка одолженной плоти полноценный здоровый орган, который откроет Сильвану путь в светлое и счастливое (неприменно женатое) будущее. Не напрасно после первого оживления Ксаарз оставил «на память» частичку друга в себе, запрятав кусочек плоти в укромный уголок тела, окружив пузырьком магии — вот же, пригодился спустя столько лет разлуки! Новое сердце идеально впишется во «внутренний лоскутный мир» некроманта, прирастет как родное.

Но сперва орган нужно вынуть из Яра и поместить в мага.

Яр закрыл глаза, терпя резанувшую боль. Тяжело задышал. Однако он сам управлял этой болью: орудовал невидимыми нитями силы в собственной груди, обрезая у выращенного сердца питающие сосуды, разрывая нервные волокна. Затем стало еще больнее: орган следовало разрезать на составляющие куски, чтобы вытащить наружу. Куски мышечной ткани продолжали дергаться, согласно сокращаться — пусть и разрезанное, благодаря незримому соединению посредством волшебства, сердце всё еще было единым целым и, как ни удивительно, оставалось вполне жизнеспособным. Яр криво усмехнулся этой забавной мысли, мелькнувшей на фоне мучительной острой боли.

Он коротко закашлялся, подавился, задохнулся: незримые нити разрезали плоть между

органами и через пищевод потянули кусок за куском вверх к горлу. Из внутренней раны хлынула кровь, Яр торопливо сжал губы. И выпустил из ладони нити силы в грудь некроманта. Прощив кожу насквозь, обогнув ребра, те настигли слабо сжимающееся сердце мага, оплели его, отодвигая чуть в сторону от привычного места, давая простор для дальнейшего действия.

Сильван дернулся от пронзившей боли, открыл рот в немом крике, чем Яр немедленно воспользовался: прильнул алыми губами к бескровным губам, заставил раскрыть рот как можно шире, едва не вывихнув ему челюсть. И влил ему в горло свою кровь, вместе с потоком которой по языку в глотку Сильвана скользнуло его новое трепещущее, ровно вздрагивающее сердце — часть за частью, кусок за куском. Яр буквально проталкивал в него жизнь, пропитанную чарами, заставляя делать душащие крупные глотки.

Когда куски, наконец, закончились, Яр разорвал подобие поцелуя. У обоих по искривленным болью губам потекли капли крови — теперь уже смешанной, мага и лесного владыки. Незримые нити вспороли внутренности Сильвана, проделав для нового сердца дорожку — и проводили цепочкой от горла вниз, затем в рану разрезанного пищевода, вглубь тела, часть за частью, кусок за куском, причиняя магу несказанные страдания.

И, наконец, собравшись на положенном месте рядом с прежним сердцем, новый орган принялся выстраиваться заново. Нити безошибочно складывали кровавую мозаику, Яр держал ладонь на груди, чувствуя жар магии, управляя нитями, словно кукловод из шапито, только вместо марионетки — на концах нитей жизнь существа, единственного на всём свете, которого бывший эльф мог назвать своим другом...

Яр уронил голову, без сил уткнулся пылающим лбом в прохладную грудь некроманта. Нужно было отдышаться. Им обоим. Острая боль отхлынула, оставив тупую, давящую, которая еще не скоро пройдет. Наконец-то. Он всё сделал правильно, у него получилось... А прежнее сердце пусть пока останется, так будет спокойнее наблюдать за приживлением нового.

Взгляд лесного владыки прояснился. Он досадливо цокнул языком, заметив, что струйка крови всё-таки пролилась на подушку, запачкав белье. Руку с груди мага он по-прежнему не убирал: горячее, пульсирующее сердце ворочалось внутри, нити ставили капризный орган на место, где ему предстоит трудиться еще век по меньшей мере, сращивали сосуды, сгоняли вылившуюся кровь в желудок, сшивали волокна нервов, причиняя жесточайшую боль. Боль, которую сейчас Яр ощущал, как свою собственную — вдобавок к своей собственной, ведь «наведение порядка» внутри себя он оставил напоследок, лишь торопливо зарастив самые серьезные повреждения. С собой владыка Леса как-нибудь попозже разберется, резь в левом боку можно пока и потерпеть, не умрет он от этого. Он и раньше был бессмертным эльфом, а как лесной царь — вообще богоподобен.

Он усмехнулся: должно быть, разлегшийся на бледном некроманте не менее бледный бывший эльф, приникший к безволосой груди в распахнутом балахоне, смотрится весьма двусмысленно. А глубокий кровавый поцелуй вообще тошнотворное отвратительное зрелище. Хорошо, что смотреть на них было некому...

Яр вздрогнул, пронзенный озарением, и оглянулся на дверь: свидетель-таки нашелся. Глава общины гоблинов, упросившая оставить ее во дворце на положении личной горничной и сиделки бывшей богини. Зеленое лицо приобрело нежно салатовую бледность. Глубоко посаженные глазки, обычно маленькие, округлились по медяку. Хорошо хоть догадалась за собой дверь закрыть, так и встала, прижавшись к двери спиной. Зато в руках очень кстати

держит стопку свежего постельного белья.

— Что ты видела? — спросил Яр. Дергаться не стал: подумаешь, обнимает старого друга! К своей досаде он совершенно не заметил, когда именно она вошла в спальню, слишком был занят.

— Ничего не видела, величество! — слишком быстро отозвалась гоблинша. — Не нашего ума дело влезать в деяния богинь. И я стучала, прежде чем войти, только ответа не услышала, не серчайте, подумала, мол, тут нет никого.

— Миленке не разболтай.

— Ваша дочь, вы и разбирайтесь, — буркнула та.

Дверь за ее спиной содрогнулась от удара плечом: легкая на помине Милена толкнулась с разбегу, как обычно, и удивилась, найдя гостевую опочивальню запертой. Она принялась дергать за ручку.

— Скажи ей подождать, — поморщился Яр. Дочка слишком уж быстро вернулась.

Коренастая гоблинша без особого усилия припирала собою трясущуюся от царевниного нетерпения дверь, высокие русалки на ее месте давно бы отлетели в сторону. Она громко произнесла, как велено:

— Высочество, извольте обождать, постель перестилаем! — И добавила от себя о наболевшем: — А я говорю: негоже незамужней девице за мужчиной ухаживать! Неприлично! Уж мне-то, вдовой бабе, иной раз стыдно делается, когда, скажем, переодеть надо, а барышня всё вперед меня старается влезть, пока вы, величество, не видите!

Милена с той стороны смиренно затихла.

— Верно говоришь, негоже! Да только совсем дочка от рук отбилась, отца слушать не желает! — громко поддакнул Яр, посмеиваясь.

Дышать становилось легче с каждой минутой: рубцы от срачивания кусков на новом сердце совершенно разгладились, не оставив следа, оно перестало бестолково дергаться и забилося ровно, хорошо, принимая на себя поток крови от старого. То же, освобожденное от непосильной роли, также подладилось под здоровый пульс. Кажется, два органа вполне неплохо сработаются. Боль почти совсем рассеялась. Осталось лишь добавить еще немного живительной силы, позаимствованной у Леса, но это можно сделать уже не в кровати, ведь перестелить постель действительно не помешает. Поэтому Яр слез со своего приятеля, вновь пойманного на грани перехода на тот свет... И ухватился за крепкую руку подоспевшей гоблинши, иначе поцеловался бы с полом.

— Спасибо, — выдохнул, с трудом разогнувшись, стараясь не обращать внимания, как танцует вокруг него комната. Собственное тело всё-таки мстило за пренебрежение к себе.

Гоблинша что-то невнятно буркнула в ответ. Яр очень осторожно, стараясь не делать резких движений, развернулся, откинул одеяло, поднял на руки костлявого некроманта. Снова медленно разогнулся, развернулся, отошел к широкому креслу, сел, пристроив закутанного в черный балахон мага у себя на коленях, уложив фиолетоволосую голову себе на плечо. Гоблинша споро занялась постелью. Яр наконец-то мог перевести дух.

— Погодите, вот! — Она достала из кармана фартучка платок, смочила водой из кувшина для умывания — и жестом показала, что неплохо бы вытереть кровь с лица. Причем заляпались оба. Яр улыбкой поблагодарил, на что новая служанка ответила смущенным бурчанием. Лесной владыка заулыбался еще шире: у гоблинши, похоже, имелся особый тон ворчания для любой ситуации.

И только гоблинша забрала платок, чтобы заодно отправить в стирку, как изящная

щелка под дверной ручкой откинулась будто бы сама собой — Милена вспомнила, что она не только послушная дочь владыки, но и колдунья.

— Ну вы закончили? У меня молоко остывает! Козье! С медом! — не утерпела-таки она, сунулась, приоткрыв дверь щелкой. Узрела родителя со спасённым, сидящими в одном кресле, умиленно заулыбалась: — Вы чего тут обнимаетесь в уголке? Что без меня делали, а?

— А ты как думаешь? — игриво прищурился Яр. — Целовались!

Гоблинша воздухом поперхнулась. С удвоенной энергией занялась наволочками, сметливо пряча от царевниного взгляда свежее пятно крови.

Как же хорошо, что он не оставил видимых следов! Пятно не в счет. Дотошная Миленка сразу отыскала бы шрам на груди некроманта и засыпала бы отца каверзными вопросами. Яр же своим отпрыскам никогда не врал. Да, бывало, умалчивал кое о чем, выжидая удобного момента для откровений. Но на прямые вопросы отвечал со всей честностью! Только вот нынче Милке обо всех подробностях знать еще рано.

Милена, дурачась, надула губки:

— Папка, как не стыдно! Опять ты за старое, да? А ведь обещал Ванечку мне отдать! Соблазнял бы его в своё время, теперь моя очередь.

— Скажи еще, что ты его первая нашла, — фыркнул отец. Но Сильвана обнял крепче.

— Ну, не первая, но без меня ты б его точно никогда не отыскал! — гнула свое упрямыца.

Гоблинша закончила с постелью, поклонилась царю, (хотя скорее выразила почтение двум своим «богиням»), и поспешила выскользнуть за дверь.

— Давай молоко-то, — напомнил Яр, протянул свободную руку.

Дочка засверкала глазами:

— Неужто будешь поить его через поцелуи?

— Пусть спит пока, ему позже подогреешь. Перепелиного бульончика, — невозмутимо заявил отец. Прихлебнул, поморщился: — Остыло.

— Ну так сам меня не пускал! — возмутилась Милена, старательно сдерживая свой звучный голос, чтобы не потревожить сон больного.

— И мёда переложила, аж приторно, — продолжал капризный родитель. Но пил мелкими глотками.

— Всего-то ложечку!

— Чайную? — ехидно уточнил отец.

— Нет, столовую, — призналась дочь, которая также не имела привычки врать, тем более папаше. — Но без горки!

— Фу, и с пенками! Мерзость. Ик!

Милена отобрала у заикавшего отца кружку, пусть молока в ней оставалось лишь на доньшке. Затем забрала у него и подопечного, перенесла того на свежие простыни, уложила, заботливо укутала одеялом. Поправила длинные волосы. Полюбовалась, приподняв капюшон, порадовалась, что сегодня некромант выглядит куда живее, чем прежде: и губы порозовели, и на скулах легкий румянец проявился вместо синюшной бледности. И дыхание стало ровнее, глубже. Забытье болезненной слабости наконец-то сменилось здоровым спокойным сном. С удовлетворенным вздохом развернувшись, Милена обнаружила, что отец устало откинул голову на резную спинку кресла, закрыл глаза — и тоже крепко спит.

— Два сапога пара, да оба на левую ногу! — тихонько фыркнула она. Сняла с изножия кровати пушистое шерстяное покрывало с кистями и укрыла своего хрупкого родителя. — И

как они раньше вдвоем жили? Как выжили-то?..

Сильван вскрикнул, вскинулся — и едва не утонул! Вдруг очнулся в воде, распахнул глаза, встряхнулся, от резкого движения его повело, чуть не упал, чуть не захлебнулся, хотел вскочить, но руки-ноги заскользили по гладкому дну... Чья-то заботливая рука поддержала его, другая рука отвела длинные влажные волосы с лица. Сильван огляделся: то ли пар клубился в воздухе, то ли какой-то туман застилал глаза, но он разобрал-таки, что находится в купальне. Необычной, красивой купальне, просторной, какие можно устроить только во дворцах. Глубокая купель с ароматной теплой водой, с бортиками из широких ступенек, чтобы можно было отмокать сидя или сойти дальше на глубину и вдоволь поплавать. Насколько он разглядел, шурясь изо всех сил, плавать тут есть где, головой о противоположную стену не стукнешься. А вокруг купели — то ли бронзовые, то ли деревянные лакированные колонны, причудливо разветвляющиеся к сводчатым потолкам. Никогда раньше подобного не видел. Жаль, проморгаться не получается, под веками будто песок скрежещет.

— Очнулся наконец-то? — прямо над ухом негромко произнес очень знакомый голос.

— Ксавьер?! — хотел крикнуть Сильван, резко развернувшись. Но вышло сипло, едва слышно, собственное горло подвело. И развернуться толком не получилось, подвели конечности: дрожащие ноги не удержали, руки не послушались. Он неуклюже рухнул — тотчас подхваченный в объятия.

— Ксавьер! — счастливо прошептал маг, оказавшись притиснутым щекой к мокрой груди друга, всё так же по-мальчишески безволосой, отнюдь не блещущей мужественным рельефом.

Руки с трудом, но удалось подчинить своей воле: Сильван поднял задеревеневшие конечности — обнял своего самого близкого, самого лучшего, единственного на всём свете друга в ответ, стиснул со всей имеющейся силой! То есть еле-еле. Просто повис на нем. Сполз бы под воду с бульканьем, если б его не удерживали под мышки.

— Как себя чувствуешь? — спросил эльф, перехватил поудобнее и погладил по волосам, темным от воды. Сильван мимолетно удивился: откуда вдруг взялись такие длиннющие волосья? Кажется, до ягодиц достают, он вроде бы чувял, как кончиками под водой щекочут. Вот же «облегчение» обнаружить, что руки-ноги как чужие, а зад на щекотку реагирует!

— Странно, — ответил маг. Язык тоже был каким-то деревянным, негнушимся. И привкус во рту противный, сладко-ржавый, приправленный горечью трав и приторностью мёда. Его чем-то опоили? — Ксавьер, у меня глаза болят. И голова гудит. И вообще всё болит. Почему?

— Глаза остекленели, теперь отходят, вот и болят. Это пройдет, потерпи немного, — отозвался Яр. Собрал колышущиеся по воде волосы, перекинул приятелю за плечо, чтобы открыть спину, потереть выступающие позвонки мочалкой из мягкого трёпанного лыка. Правда, не столько мыл, сколько гладил: костлявые плечи, худые руки... Шею вот намылил от души. Теперь, когда миновала опасность потерять друга навсегда, Яру очень-очень захотелось предъявить ему старые счёты и высказать всё, что на сердце накопилось, потребовать ответ за несправедливую обиду!.. Однако он сдерживался.

— Ксавьер, что со мной было? — спросил Сильван, жмурясь от осторожных прикосновений, от тепла, от заботы. Мышцы покалывало, онемение постепенно сходило с конечностей, к коже медленно возвращалась чувствительность. Словно он оживал после долгой могильной неподвижности, и это ощущение было восхитительным! — Кажется, мне приснился кошмар.

— Какой кошмар? — мурлыкнул на ушко эльфа. Взглянул умащивать ему волосы одуряющее ароматной густой смесью, да заодно сильными тонкими пальцами массировать кожу у корней, отчего назойливое гудение в голове развеивалось, и почему-то хотелось плакать.

— Ужасный кошмар, Ксавьер! — всхлипнул некромант. — Ты даже представить себе не можешь такой ужас. Как будто бы мы с тобой поссорились. Будто я отверг тебя, вот же идиот! И ты ушел, оставил меня. А потом за тобой ушел и Харон, обозвав меня идиотом, и он был чертовски прав... Боже, как хорошо, что мы вместе! Пожалуйста, не отпускай меня. Держи меня, пожалуйста! Прошу тебя!..

Яр тихонько фыркнул: его друг, даже, бывало, в стельку пьяным, никогда не вел себя так откровенно. Обычное проявление чувств у некроманта — это коротко зыркнуть пронзительным взглядом из-под низко надвинутого капюшона и многозначительно промолчать. Сейчас же он спешит излить переживания, прижимается к нему столь трепетно доверчиво всем телом, просит обнимать себя как можно крепче. Ну как такому искреннему и нежному отказать?

— И что было потом? После того, как ты остался один? — подбодрил высказаться Яр, проведя мыльными ладонями по лопаткам, по бокам. Остановился на пояснице, позволив обхватить себя за шею, прижал к себе, уткнувшись подбородком в костлявое плечо.

Сильван блаженно жмурился:

— Ничего хорошего, Ксавьер. Какое облегчение, что это был только сон! Я скитался, потерянный. Потом нашел мертвого младенца гоблина, девочку. Я оживил ее, взял с собой. Затем нашел какое-то гиблое местечко, потратил уйму сил, чтобы построить чертову кривую башню... Потом... Потом к нам явился Марр. Он что-то пытался мне рассказать. Твердил, что был в плену, эльфы заточили его в темницу... Просто хотел оправдаться. Но я не желал слушать. И еще он... он покалечил мое дитя, а я так сражался со смертью за ее искорку жизни. Я вспылел, и мы устроили безобразную драку. Марр улетел, обиженный до слез. А я... я оказался идиотом. Я думал, что спасаю мое дитя, а на самом деле я бросил ее. Одну. Без поддержки. Я такое ничтожество... Ксавьер, я даже в своем собственном сне — ничтожество. Почему ты не покинул меня такого?

— Потому что люблю тебя, — просто сказал Яр.

Сильван чуть отстранился, чтобы взглянуть ему в глаза.

— Я тоже люблю тебя, Ксавьер, — прошептал маг. Погладил мокрой рукой эльфа по щеке, пальцами другой руки вплеся в густые зеленые... зеленые?... да, зеленые волосы, заставил его чуть пригнуть голову, чтобы их губы оказались в непозволительной близости. Сильван торопливо зашептал, глотая слова, словно боялся испугаться собственной откровенности и замолчать уже навсегда:

— Я не хочу, чтобы такой кошмар сбылся наяву. Ксавьер, ты всегда заботился обо мне. Ты всегда помогал мне. А я, жалкий неудачник, боялся, что рядом с тобой окончательно стану никем, лишь твоей жалкой тенью. Я боялся, что влюблюсь в тебя окончательно, утону, растворюсь в тебе. Поэтому первым оттолкнул тебя. Прости меня? Пусть это было лишь во

сне, но я...

— Это не было сном, Сильван, — произнес с безграничным сочувствием Яр. Он не отстранился, но прикоснулся указательным пальцем к губам друга, словно запечатав уста. — Тебе всё это не приснилось. Прости. Прости, что я не отыскал тебя раньше. Что тебе пришлось вытерпеть это мучительное заточение в собственном теле. Мне очень жаль.

Сильван не мог поверить. Он словно вновь окаменел, застыла растерянная полуулыбка на губах, на его лице жили только глаза: недоуменные взмахи ресниц, лихорадочное движение зрачков, словно он пытался увидеть истину, всматриваясь в глаза напротив.

— Значит, я правду прогнал тебя? — тихо произнес некромант. — Мы не стали любовниками?

Яр рассмеялся:

— К несчастью, нет! Хотя для меня — определенно к счастью. Кстати, тогда я даже не сразу понял, что ты стал смотреть на меня иначе, не просто как на друга. И да, мне было очень больно, когда ты потребовал оставить тебя в покое и убираться прочь...

— Ксавьер, я... — перебил его маг.

— Силь! — нахмурился Яр.

— Ксавьер, позволь!.. — разволновался тот.

— Силь, дай сказать, наконец! — прикрикнул строго Яр. — Да, мне жаль, что ты испугался тогда. И скажу честно, мне до сих пор очень обидно, что ты вообразил, будто я могу оказаться таким же корыстным, как твой дракон. Вот как ты мог вообразить подобное? Как?! Разве мы не были вместе столько лет? Разве не пережили столько... Столько всего было! Силь? Как ты мог заподозрить меня в подобном бесчестном коварстве? Разве я давал повод? Скажи, чем я тебе не угодил?

— Ксавьер, я... — виновато опустил глаза Сильван, но Яр взял его за подбородок и заставил не разрывать взгляды. — Я испугался. Вот именно! Ты ничего не просил от меня. Я не знал, почему тебе нужен. Я не понимал, почему ты со мной! Я испугался, что однажды ты затребуешь такую цену за свою заботу, которая окажется для меня непосильной. Ты приучил меня зависеть от тебя. И я побоялся, что однажды ты можешь уйти, оставить меня, когда я окончательно стану беспомощным... Поэтому я...

— Поэтому ты не стал дожидаться и оттолкнул меня первым, — вздохнул Яр. Ему хотелось дать другу подзатыльник, чтобы опомнился, но вместо этого он обхватил его за вздрагивающие плечи и усадил на ступеньку купели впереди себя, прижав спиной к своей груди.

— Ксавьер, у тебя волосы зеленые, — невпопад заметил Сильван, негнушимися пальцами поймав локон за кончик.

— А у тебя фиолетовые! Силь, я изменился. Я давно не Ксавьер. И даже перестал быть эльфом. Яр, царь Леса, приятно познакомиться, прошу любить и жаловать.

Сильван неуверенно улыбнулся:

— Мне тоже звать тебя Яром? Так непривычно.

— Можешь обращаться «ваше величество» — так будет непривычно для меня, — отозвался Яр.

— А почему у меня волосы фиолетовые? Были же черные.

— Ты долго стоял на свету, вот и выгорели. Но тебе и так очень хорошо, Милке нравится до визга. А может, тебе на голову вылилось какое-то из твоих зелий, упало с полки. Ты сам не помнишь?

— Нет. Что-то смутное перед глазами мелькает: комната, заросшая ветками, разбитые окна... Ох, голова опять заболела. Может, ты и прав, может меня и стукнула упавшая бутылка или горшок. У меня там нет синяка?

Яр отвел его руку ото лба, приложил свою ладонь, теплую, покалывающую волшебством и нескончаемым ручейком силы, освежающей, как сок кисловатых лесных ягод. Сильван блаженно закрыл глаза... И даже ухом не повел на громкий шепот откуда-то со стороны, ворвавшийся в купальню вместе с дуновением сквозняка:

— Па-а-ап! Вы там не утонули? Долго еще отмокать будете? Ванечке пора настой пить! Бульон опять разогреть придется! Ну, па-ап!

— Брысь! Не подглядывай за мужчинами! — оглянувшись через плечо, шикнул Яр.

— Ой, было бы у вас там на что смотреть! Нашлись мужчины, одно название! — в тон отцу фыркнула Милена и обидчиво хлопнула дверью.

В наступившей тишине где-то звонко и отрывисто капала вода. А за стеной или под полом тихонько стрекотал сверчок.

— Силь?

— М-м?

— Я всё равно люблю тебя. Если бы ты тогда прямо предложил сделаться любовниками, я согласился бы, не задумываясь. Но при этом я не стал бы любить тебя ни больше, ни меньше. Однако теперь на этот же вопрос я ответил бы отказом. И всё равно мои чувства к тебе остались прежними, не больше, не меньше.

— Отказал бы из-за того, что я тебя... — печально вздохнул Сильван. Впрочем, он и сам не мог сейчас определить, печалиться ему или вздохнуть с облегчением.

— Нет, — покачал головой Яр. Мечтательно признался: — Из-за того, что я хочу от тебя ребенка!

— Сдурел? Или перегрелся? — вырвалось у некроманта.

— Я совершенно серьезно, — заверил Яр.

Сильван нахмурился, задумавшись — его друг впрямь не шутил. Маг скривился, голову вновь сжало раскаленным обручем боли. Но он через силу продолжил размышлять, для уверенности рассуждая вслух:

— Значит, мне не привиделось: пока я лежал без сознания, ты опять меня потрошил. Что ты со мной сделал на этот раз?

Он опустил руку в воду, поискал внизу:

— Ты переделал меня в женщину? Может, я уже беременный? Если ты чего-то хочешь, ты ни перед чем не остановишься.

Яр расхохотался. Сильван нашел, что искал, удостоверился, но всё равно обиженно поджал губы: он-то знал, на что способен его друг, сам воочию не единожды видел, как тот безжалостно обходился с людскими телами, попавшими в его власть. О том, что сам перекроен им от шеи до пят, некромант и думать не желал, и забыть не мог.

— Как такое взбрело тебе в голову? — удивился Яр. — К тому же я ведь только что тебе сказал, что нам не быть любовниками.

— Тебе и не надо ни страсти, ни любви, — буркнул маг. — Вложишь внутрь и вырастишь.

— Глупости! Дай уберу мигрень, а то ты...

Но Сильван резким взмахом отбил протянутую руку. Даже отсел подальше. Правда, едва со ступеньки под воду не соскользнул, но Яр его удержал — и сам отодвинулся, чтобы не

нервировать зря.

— Будто я не знаю, как ты относишься к людям! — бросил, расвирепев, маг. — Даже к диким зверям у тебя больше сострадания! Делаешь с нами, что заблагорассудится! И не спрашиваешь разрешения!

Яр помрачнел:

— Во-первых, в этот раз я спросил у тебя разрешения. И пусть ты наверняка этого сейчас не помнишь, но ты был в сознании и дал согласие.

— Как? Я говорил с тобой в бреду? — разозлился Сильван.

— Ты не бредил! Ты хотел жить! И это была единственная возможность! — вспыхнул

Яр. — Ты моргнул мне!

— Моргнул? — выразительно повторил маг.

— И во-вторых, — повысил голос Яр, — с каких пор ты причисляешь себя к людям? Ты некромант! Ты дважды умер! Трижды, если считать этот раз тоже. И два раза из трех тебя убили люди!

— Поэтому ты и был со мной так долго! — обвинил его Сильван. — Ты ненавидишь людей! И вообразил, что я обязан ненавидеть их так же сильно, как ты. Ты их презираешь! И как любопытный мальчишка, не отказываешь себе в удовольствии при каждом удобном случае выдергивать им лапки и обрывать крылышки, как каким-то бессловесным жукам!

— А вот это ты напрасно! — уже почти кричал Яр от несправедливого приговора в свой адрес. — Во-первых, у людей нет крылышек!

— Нет, иначе бы и их ты с наслаждением выдернул, — съязвил Силь, сложив руки на груди.

— Тьфу, это ты меня запутал, — отмахнулся Яр. — Во-первых, жуки вовсе не бессловесные. Они умеют общаться по-своему!

Сильван округлил глаза: эльф пугал его и смешил своим сумасшествием. Ксавьер и прежде не отличался здравомыслием, теперь, похоже, стал совсем плох.

— Во-вторых, — горячился лесной владыка, — я никогда не издевался над жуками! Тьфу, и да! Над людьми тоже не издевался, напрасно и бесцельно — никогда! Если причинял боль, то в исключительных случаях. Причем я одновременно всё испытывал на себе! Всегда! Даже когда мы вместе с тобой принимали роды у той крестьянки, обвиненной в колдовстве, помнишь? Кстати, спасибо ей, мне этот опыт очень пригодился, когда у меня жена рожала, — закончил он совсем тихо.

— Ты женат? — еще больше изумился Сильван.

— Да! — подтвердил Яр. — И это в-третьих! Моя жена — человек!

От удивления маг не знал, что и сказать. Только громко чихнул.

— Отец, всё! Хватит над ним мылиться... то есть — измываться! — на чих в купальню ворвалась Милена. В вытянутых перед собой руках она несла свежий черный балахон, пошитый кикиморами из мягкого бархата, прикрываясь им, как ширмой, от неподобающего девичьему взору зрелища. — Сам утверждал, что у него мозг о череп стучит, а сам всё триндишь и триндишь! Всё, вытаскивай его или я сама сейчас к вам залезу!

— Кстати, разреши представить, это моя дочь — Милена! — объявил Яр. Поднялся из воды, подал руку растерявшемуся Сильвану.

— Дочь? — повторил маг.

— Она нашла тебя в твоей башне и расколдовала. Сама! — лучась отцовской гордостью, поделился владыка Леса. Забрал у дочери из рук балахон, завернул в него мелко дрожащего

некроманта.

Милена перестала делать вид, будто отворачивается и не смотрит: подхватила под руки мага, приобняла, увела его в опочивальню. Яр прошлепал следом — и на пороге поймал кинутый в лицо восточный цветастый халат, который обычно надевал после купания.

— Заморозил всего! Ледышка же совсем! — Милена усадила своего некроманта к накрытому столу, но развернула не к чашке с дымящимся бульоном, а к себе и, присев перед ним на колени, принялась растирать ему руки полотенцем, ворча на нерадивого папашу.

Сильван поднял ошарашенный взор на своего друга. Мало того, что он отчего-то понимал речь этой девушки. Но ведь еще и девушка казалась ему странно знакомой! И вела себя с ним так по-домашнему заботливо, столь непринужденно... Яр улыбался на них двоих сквозь растрепанные кудряшки, из-под полотенца, которым сушил свои непослушные от влаги волосы. Сильван невольно покраснел. И торопливо отобрал у Милены полотенце, а та вздумала ему ноги вытирать, чтобы скорее натянуть на него шерстяные носки.

— Я сам, извините, — пробормотал маг.

Милена подняла голову, взглянула в глаза. Светло-серебристые, колдовские. Она ведь еще ни разу не слышала его голос! Жалобные постанывания и бормотание в бреду не в счет. И вот он наконец-то смотрит ей в глаза, ясным взором, осмысленно, видя ее саму, а не лихорадочные видения! И говорит с нею!..

— ...Ксавьер, скажи ей!!! Она меня не слышит! — взмолился Сильван едва не со слезами.

Яр хмыкнул. Позвал:

— Солнышко, приличные девушки не лезут парням под подол.

Милена не слышала даже отца. Она, зачарованная серебристым испуганным взглядом, на ощупь надела своему магу носки, колючие, толстой вязки. Однако тощие конечности из своих горячих рук выпускать не торопилась: утопая в сумеречном серебре, бездумно поглаживала стройные гладкие икры, немного увлеклась, добралась жадными ладошками до округлых коленок, трепеща от немужественной шелковистости кожи некроманта, и неосознанно попыталась чуть раздвинуть плотно сомкнутые колени... Пока на плечо ее не легла рука Яра, хорошенько встряхнув и вернув из мира грёз к суровой действительности.

— Милка, не увлекайся, я вас пока еще не поженил, — усмехнулся отец. — Я знаю, тискать его одно удовольствие, но подожди хоть откормим — приятнее будет!

— Ой! — только и пискнула в свое оправдание малиновая Милена. Подхватилась — и стрелой вылетела вон из покоев.

— Избаловал я ее, — самодовольно развел руками Яр без тени сожаления. Уселся за стол напротив ошеломленного мага, налил себе душистого травяного чая. — Ты давай ешь, а то остынет. Миленка прибежит, расстроится, подогреть понесет. Она сама готовила для тебя. Даже мне попробовать не дала. Наверняка пересолила.

Сильван сплотнул. С неловкостью развернулся к столу. Взял расписную деревянную ложку, помешал бульон в глубокой миске, вряд ли понимая, что делает и зачем.

— Я не шутил: я хочу от тебя ребенка, — повторил Яр, и эта фраза заставила мага вздрогнуть и очнуться. — От тебя и от моей дочери. Внука хочу.

— А-а... — кивнул Сильван, сделав вид, будто понял. Натянул на мокрые волосы капюшон, надвинул на глаза. Так ему было спокойнее. Так он мог попытаться обдумать всё это... Нет, и эдак уместить всё это в голове не получалось.

— Вообще-то у нас с тобой уже есть сын, — продолжал лесной царь. — Драгомир,

Милкин близняшка. Он тебе тоже понравится, вот увидишь. И ты зря напугался беременности: я его выносил, ничего особо ужасного в этом не нашел. Были свои проблемы, конечно...

— А-а?.. — не понял некромант, тихим вопросительным вздохом попросил пояснить.

— Ты не волнуйся заранее, Мирош с Милкой близняшки, но между собой совершенно не похожи, — успокоил его Яр. — Драгомир — вылитый я. И немного от тебя взял. Хочешь узнать, как я от тебя забеременел? — усмехнулся он, оперся локтем на стол, подпер подбородок ладонью. Уставился благожелательно, любуясь своим будущим зятем.

— Угу, — кивнул некромант.

Ссутулившись, он попытался завеситься капюшоном. Но Яр взял его за подбородок, заставил поднять голову. Нажав пальцами на челюсть, вынудил открыть рот — и, мягко отобрав из вялых рук ложку, стал скармливать бульон.

— Ты ешь да слушай, — приговаривал лесной владыка, потчuya, точно маленького, иногда уголком полотенца утирая убежавшие с губ на подбородок золотистые жирные капли. — Помнишь, после костра я вживил тебе легкое? Вернее, два по очереди, одно плохо прижилось, а вот второе, которое я специально для тебя выращивал... Вспомнил?

Сильван удрученно кивнул. И тут же помотал капюшоном: он не хотел помнить те времена. Совершенно не хотел.

— Ну, неважно, — отмахнулся ложкой Яр. — Главное, что кусочек тебя я так и отставил в себе, на всякий случай. Нет, я был уверен, что больше никому не дам тебя в обиду, не позволю тебе повредить, чтобы опять органы заменять, но... Ты глотай, не то подавишься. Вздохнуть потом будешь. Ешь и слушай, на пустой желудок размышлять вредно, потом обдумаешь, что я тебе говорю. Ведь сколько лет простоял голодным! А потом еще столько дней на одном молоке с мёдом и на бульоне... Ну, правда, еще Милка тебя пичкала грушами. И крови моей выпил полведра, когда я тебе сердце заменил на новое. Но разве ж это еда? — сам себя спросил Яр. И, опомнившись, кинулся поить побледневшего мага сладким терпким чаем из своей кружки: — Пей! Пей, полегчает! Если стошнит, опять потрошить буду! Прямо здесь, безотлагательно!

— Мне лучше! Не надо! — на угрозу просипел Сильван, бодро отпихивая кружку. Правда, ни разу не попал по ней рукой, потому что в глазах двоилось.

Яр всё-таки заставил его выпить настой — успокаивающий, им обоим полезно. После чего достал из-под салфетки вторую кружку, разлил из кувшина остатки травяного чая на двоих. Сел на место. Продолжил:

— Так вот... — вздохнул. — Мирош не хотел жить. Сперва я думал, что проблема в Луше, в жене моей, что она просто по женскому здоровью несчастливая такая, раз детей сбрасывает. Или моя кровь с человеческой смешиваться не хочет, поэтому... Но Милка, которую я в ней оставил, прижилась. А Драгомир во мне чах и заодно меня самого отравлял. Уж я что ни перепробовал!.. Но к счастью, вспомнил о частице тебя. Ты всегда хотел жить. Сколько тебя ни убивали, как ни пытали — ты стремился выжить. Просто потому что ты такой. Ты любишь свет и жизнь, хотя сам множество раз был за чертой. Поэтому ты единственный некромант, который не поднимает безвольных мертвецов, а именно оживляет, возвращая с памятью и душой!..

Яр, увлекшись, пожалуй, еще долго мог бы восхищаться уникальным даром своего друга, но заметил, что тому теперь уже от неловкости бульон в горло не лезет, и оборвал сам себя:

— Кушай, милый, или хочешь, чтобы я всё это спойл тебе с поцелуями?

Сильван, вздрогнув, беспрекословно снова взялся за ложку. И самостоятельно мужественно дохлебал бульон! За что немедленно получил тарелку каши с воздушными сливками и кисло-сладкими ягодами, над которой опять зачах, уныло принялся ковырять ложкой, из ягодного разноцветья выбирая лишь чернику с ежевикой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— В общем, я вспомнил о тебе, — завершил рассказ Яр, — и приживил крупицу от тебя к нашему с Лушей сыну. Так Мир сделался и твоим сыном тоже. Он прекратил рваться за грань, он научился от тебя жажде жизни... Ну, по крайней мере до некоторого времени он был счастливым и жизнерадостным ребенком. Потом сам себе заморочил голову... Хотя, вот ты вечно умел сам себя запутать в какой-то надуманной ерунде! Может, это он из-за тебя в меня влюбился?

Сильван растерянно ответил на обращенный на него испытующий взгляд:

— Из-за меня?..

— Я раньше думал, что Мирош точное мое подобие, — попытался объяснить Яр, машинально комкая в руке полотенце. — Думал, что раз я в свое время без памяти влюбился в родного дядю, то передал сыну скверную наследственную склонность, из-за которой он воспылал протвиеостественной любовью ко мне. Но вот сейчас говорю с тобой, и меня осенило: раз ты был в меня влюблен, то передав ему частичку тебя, не накликал ли я...

— Я не был в тебя влюблен, — твердо произнес Сильван. — Я боялся влюбиться. Я сравнивал тебя с Марром. Может быть, я даже хотел влюбиться, в глубине души. Но так и не влюбился, иначе не смог бы расстаться. Так что не приплетай меня к этому.

— Хорошо, значит в этом виноваты мы с Лушей, — с облегчением вздохнул Яр. Улыбнулся: — Значит, будет проще разобраться. И разубедить!

— И еще я рад, что ты наконец-то и сам понял, что относишься ко мне иначе, чем к тому своему дракону, — ехидно добавил владыка Леса. — По крайней мере в него-то ты точно был влюблен, безумно и самозабвенно.

У Сильвана совершенно пропал аппетит.

— Кстати, Руун действительно чувствовал себя донельзя виноватым перед тобой, в этом он не врал тебе, — вспомнил Яр.

— Он нашел тебя? — тусклым голосом спросил Сильван.

— Заглянул мимолетом, скажем так. К сожалению, я не успел у него узнать, где он оставил тебя, зачарованного. А потом и вовсе... — виновато вздохнул Яр.

— И как ты с ним поступил?

— Так же, как ты — прогнал.

Яр подставил перед пригорюнившимся некромантом большую кружку горячего чая и блюдец с засахаренной морошкой.

— Еще вот что! — заторопился лесной царь, которому дворец через беззвучную связь подсказал, что Милена несется к ним обратно со всех ног и будет с минуты на минуту. Надо было успеть сказать, пока она не слышит: — Моя дочь влюбилась в тебя. С первого взгляда. Она подарила тебе свой первый поцелуй. Она сняла с тебя заклятье своей кровью. И ее трепетная, ранимая первая любовь для меня важнее, чем наше с тобой общее прошлое. Возможно, ты не поймешь этого прямо сейчас. Но я собираюсь сделать всё, что будет в моих силах, чтобы моя дочь стала с тобой счастлива. А в моих силах очень многое, я теперь весьма могущественный, уж поверь. Дочь же мою я избаловал. Она привыкла получать всё, что ей нравится. Значит, она получит и тебя. Ты понял?

Для доходчивости Яр накрыл его руку своей, сжал сильно-сильно. И выразительно посмотрел в глаза, словно до души дотянулся.

— Ты знаешь меня, — тихо сказал Сильван. — Причем иногда мне кажется, что ты знаешь меня лучше, чем я сам. И это не касается моих внутренностей, в которых ты опять покопался! — прошипел он, не сдержался, вырвал руку из удивленно разжавшихся пальцев. — Так что не делай вид, будто тебя интересуется мой ответ.

— Ну вот и молчи, — хмыкнул довольный Яр, откинувшись на спинку кресла.

— Ты... правда заменил мне сердце? — недолго смолчал некромант.

— А ты разве не чувствуешь, что у тебя внутри стучит как-то странно, с эхом? — ухмыльнулся Яр.

Сильван решил проверить: приложил ладонь к груди, прислушался. Побледнел.

— Милка у меня девка шустрая да бойкая, ей в мужьях старик не нужен! Со старым сердцем ты б до венца не дотянул, она бы тебя в два счета заездила до мыла. Так что пришлось мне позаботиться о будущем зятя, как-никак мне с тобой еще внуков воспитывать, не хочу, чтобы дети безотцовщиной росли. Что делать с первым сердцем, ты сам потом решишь, предоставляю на твое усмотрение. Я бы посоветовал оставить оба — про запас, мало ли что может случиться, вдруг поранишься или тебя, тьфу-тьфу, подстрелят. Я так смотрю, сердце-то ожило, получив помощника, так что его можно залатать со временем, будет не хуже... Эй, ты чего удумал в обморок падать?

Яр вскочил, подхватил на руки мага: тот, пока владыка разливался ехидным соловьем, стал подозрительно креститься набок и в конце едва не сверзнулся под стол. Пришлось нести его к кровати, укладывать. Не обратив внимания на слабое сопротивление, Яр дернул за шиворот, распахнул на груди некроманта балахон — и приник ухом, прислушался к двойному стуку:

— Что-то ты зачистил! — недовольно заметил лесной владыка. — Что-то зашумел!..

— Я... всё нормально... я в порядке... — попытался возражать маг.

Но Яр на мгновение задумался, хмыкнул, обнаружив проблему — и напал на болезного с отнюдь не ласковым поцелуем. Сильван едва не поперхнулся от изумления. И едва не подавился — ощутив, как по языку протолкнулся к горлу какой-то горячий комочек, покалывающий чарами с привкусом железа.

— Кусочек потерялся, — оторвавшись, шепнул Яр ему на ухо. — Не волнуйся, сейчас я всё исправлю, больше шуметь не будет.

Сильван зажмурился от уколотившей под грудиной боли, во рту снова стало солёно и ржаво. И сердце на миг остановилось... Вот правда, второе продолжало работать, пусть и гулко. А потом и оба заколотились слаженным дуэтом. И темные мушки перед глазами рассеялись...

Зато взору Сильвана открылась застывшая на пороге опочивальни Милена. Лесная царевна метала грозными очами молнии, хорошо хоть целилась не в некроманта, иначе у него опять сердце прихватило бы, а в родного папу, который мага крепко обнимал, налёгши на него всем своим эльфийским весом.

— Отец, ты чего это с Ванечкой? А? — потребовала она отчета.

— Расцеловаться со старым другом нельзя? — проворчал Яр, успев шаловливо подмигнуть хлопающему глазами магу.

— Взасос — нельзя! Только в щечку! — строго уточнила Милена. С подозрительностью добавила: — И валяться в обнимку на одной постели тоже нельзя!

— Вот досада! — Яр малость подвинул мага на постели, улегся рядышком, подпер голову локтем. — А ведь мы с Силем столько лет вместе спали!

— С-спали? — икнула шокированная царевна.

— Бывало, и в обнимку, и под одним одеялом, — безмятежно продолжал лесной повелитель. — И хорошо, если было одеяло-то! И счастье, если в одной кровати, а то ведь бывало и в овраге. На сене еще куда ни шло, на еловых ветках тоже неплохо, но случалось и на голой земле. Или на снегу! Уж как мы тогда с ним обнимались крепко и жарко! Да, Силь?

Яр состроил мечтательную мордашку. Сильван вымученно улыбнулся в ответ: всё-таки эльф (теперь уже бывший эльф) всегда умел подобраться к его сердцу... Но стоило вспомнить о сердце, как улыбка на бледных губах болезненно замерзла.

— Ты что-то хотела, солнышко? — напомнил дочери Яр. А сам закинул руку приятелю на плечи и подгреб к себе поближе, якобы не замечая, что некроманта почти трясет от скрытой ярости.

— Ты велел поночугам лететь искать его дитя, — хмуро пояснила Милена. — Один отряд вернулся, пока никого не нашли, сейчас отдыхают перед новой попыткой. Даже мужиков гоблинских не видели. Похоже, гоблины поночуг боятся и очень хорошо от них прячутся. Так вот, поночуги просят, раз уж Ванечка очнулся, пусть сам объяснит, как это дитя выглядит. А то гоблинши рассказали, как сумели, да от их описания толку мало. Их послушать, дитя получается вылитым гоблином — такая же низкорослая и зеленая.

— Она и есть невысокая и зеленокожая, — кивнул Сильван.

При упоминании о воспитаннице, о том, что Яр послал на ее поиски свою летучую гвардию, некроманту сделалось стыдно за безотчетную злость на лесного повелителя. Яр не солгал ему, сказав, что изменился за прошедшие годы, что стал могущественным и почти всесильным. И он действительно готов сделать для Сильвана всё, что только возможно.

— Зелененькая, значит? — удивился Яр, уставился с интересом на смутившегося приятеля. — Девочка?

— Если ты намекаешь, что от тоски по тебе я согрешил с гоблиншей... — вспыхнул Сильван, зашипел на шутника.

— Я ничего такого не говорил! — рассмеялся Яр.

Некромант побледнел от гнева. Однако в присутствии Милены и ради своей малышки он постарался держать себя в руках:

— Она в половину человеческого роста, зеленокожая, с кудрявыми красно-рыжими волосами. Это всё, что в ней есть от гоблинов. Она стройная и худенькая, какими бывают человеческие девочки. У нее очаровательная улыбка. И... — он запнулся, не зная, поможет ли это. Но всё же сказал: — У нее глаза дракона.

— Ого, — негромко вырвалось у Яра.

Сильван метнул в него испепеляющий взгляд, но хозяин Леса состроил самую серьезную, сочувствующую и озабоченную физиономию, на какую был способен.

— Драконьи глаза — это как? — заинтересовалась Милена.

Сильван удрученно описал. И замолк, косясь из-под ресниц на Яра. Тот вздохнул:

— Была бы Лукерья дома, она бы погадала на пропажу! Или поворожила бы, чтобы быстрее нашлась. Конечно, и гоблины, и девчонка не глупые, чтобы попадаться нашим летающим страшилищам.

— А как ее зовут-то? — спохватилась Милена.

— Грюнфрид.

— Вот видишь, солнышко, он звал в бреду ее, зря ты его грушами пичкала! — обернулся к дочери Яр.

— Ладно, передам поночугам, что дитё отзывается на «Грюнфрид», — проворчала царевна, пропустив слова отца мимо ушей. — У поночуг слух хороший, вдруг чего и услышат.

— Отзывается? — с горечью улыбнулся Сильван. — О, нет. Она не может говорить. Очень сомневаюсь, что кто-то, кроме меня, знает ее имя.

— Немая? — посочувствовала Милена.

Некромант кивнул. Рассказал, пусть и не хотел вроде бы, но слова как-то сами собой лились из него. И как нашел свою воспитанницу — мертвым младенцем, посреди гнилого болотистого лесочка, на холодной кочке, завернутую в промокшую грубую тряпку. А невдалеке, на корявой ветке кривого дерева — повесившаяся мать. Гоблинша, явно согрешившая с мужчиной, с человеком. Отдавшаяся чужаку по доброй воле, иначе она не понесла бы от него ребенка. Силь понял, что несчастная была обманута в своих надеждах, в те места гоблины, жившие обособленно, обычно не забирались. Значит, девушку увезли из родного племени, заманили лживыми обещаниями. А когда она надоела или стала мешать — бросили. С младенцем на руках. Ей некуда было податься, в людских селениях зеленолицых коротышек не привечали. Поэтому она решила не мучить ни себя, ни ребенка: младенца придушила собственными руками, а сама повесилась на поясе от платья.

— Поэтому у обеих оказалось искалечено горло, — пояснил замершим от такой жестокости слушателям Сильван. — Грю я поднял, вернул к жизни. Она ничем не заслужила смерти. А ее мать трогать не стал, она сама сделала свой выбор, хотя могла ради ребенка попытаться примкнуть к другому племени, но не захотела, страдая от любви к никчемному человеку... У младенца оказалось много повреждений. Птицы выклевали глаза, поэтому я, помня, как это делал ты со мной, — он посмотрел на Яра, — я вырастил ей новые.

— И думал при этом о драконе, — тихо произнес Яр. С кажущимся безразличием добавил: — Не подозревал, что у тебя сохранилось что-то «на память» о Марре.

Сильван опустил голову. Тень бывшего любовника и прежде часто вставала между ними, доводя до скандала.

Милена молчала, не рискуя встречать с вопросами. Напряжение между некромантом и повелителем Леса буквально искрило грозowymi всполохами.

— От тебя Грю тоже кое-что досталось, — признался маг Яру. — Было непросто, но я овладел твоей магией жизни. Она мне, чернокнижнику, давалась дорого, но того стоила. Я даже попытался восстановить ей голос — и не так, чтобы она могла говорить, но чтобы пела, как настоящий эльф. У меня почти получилось! Почти... — он помрачнел, перед внутренним взглядом ярко высветились картины прошлого, отдающие болью в груди. — Я почти восстановил ей связки. Нужно было лишь помолчать всего неделю — и она научилась бы петь, стала бы трещать без умолку, как все девочки. Но нас нашел Марр. И моя крошка с воинственным воплем попыталась меня от него защитить...

Сильван закрыл лицо руками.

— Почему она от тебя убежала? — спросил Яр, не давая времени утонуть в горе.

— Куда она могла убежать — вот в чем вопрос! — перебила Милена.

— Наверняка решила найти Марра и отомстить ему, — безжизненно отозвался некромант. — Я столько раз ощущал ее ненависть, когда она забиралась на крышу башни и смотрела вдаль... Она понимала, что слишком маленькая, что не сможет одолеть дракона.

Она оставалась со мной, надеясь, что я сумею стряхнуть с себя заклятье. Но время шло... Вероятно, она посчитала, что медлить больше нельзя. Или что она достаточно подросла, чтобы отправиться в путешествие.

— Прекрасно! — потеряла руки Милена. — Тишка тоже отправился покорять дракона! Значит, там они и встретятся. Не думаю, что драконов на свете осталось слишком много и они разминутся. Надо отослать к Тишке птичку с письмом!

— Прекрасная мысль, — Яр поддержал дочь в начинании. — А поночугам опиши приметы Грю... Грушеньки!

Милена рассмеялась и убежала по делам.

— Тишка — кто это? — спросил Сильван.

— Наш с Лушей старшенький — Светозар Ярович!

Яр откинулся на подушки, заложил руки за голову, задумчиво уставился на сводчатый потолок.

— С горлом и голосом есть одна хитрость, — принялся рассуждать вслух хозяин Леса. — Если знать об этой мелочи, то можно избавиться от немоты за пару часов. Еще устанешь слушать болтовню своей воспитанницы и взмолишься о тишине!

— Твоей жены нет дома? Куда она делась? Я увижу ее? — спросил маг, думая совсем о другом. Пусть это недостойно родителя и опекуна, но если Яр пообещал найти Грюнфрид, то твердить постоянно, как он о ней волнуется, Сильван считал излишней навязчивостью.

— Увидишь, обязательно, — пожал плечами Яр, всё так же изучая ветвистые узоры на потолке. — Когда она пожелает ко мне вернуться, тогда и познакомитесь.

— Она сбежала от тебя? — фыркнул Сильван.

— Вы с ней не подружитесь! — уверенно и с какой-то вредной радостью посулил лесной владыка. — Луша на тебя чем-то похожа: так же пыталась меня воспитывать, переделывать под свои вкусы. Твердила, что я слишком легкомысленный. Она к тебе ревновала, никогда тебя не видев! Мы с ней получились идеальной парой, чудесно дополняли друг друга своими недостатками.

— Как ты мог жить — с человеком? — искренне не понимал некромант. Тоже лег, подпер голову рукой. Яр развернулся к нему лицом. Словно вернулись в те времена, когда на свете были только они двое — и весь мир открыт перед ними, как на ладони, вытворяй что душе угодно! Но это лишь казалось — оба изменились слишком сильно, оба обзавелись кем-то еще, кого боялись потерять.

— А разве я мог ее бросить? — спросил Яр.

Силь вопросительно выгнул бровь.

— Ее прабабка подобрала меня среди зимы, обогрела, накормила, хотя у самих запасов было до весны —мышь плакала. Я же не бесчувственный тролль, чтобы на добро отвечать неблагодарностью, — насупился Яр. — Потом, когда я уже заключил договор с Лесом, старуха умерла. Просто слишком старая была, люди столько не живут, сколько она коптила. Девчонка осталась одна. Ни родни, ни знакомых — никого. Хуже! Она в деревню идти боялась, там ее запросто могли пришибить как внучку ведьмы. То, что ее прабабка тех же деревенских жителей лечила от болезней, спасала скот от падежа, предупреждала о бедах заранее, подсказывала, как быть и что делать — об этом люди мгновенно забыли. А девчонку, соплю крошечную — объявили дьявольским семенем. Потому что, видите ли, ее мать нагуляла неизвестно от кого. А раз мать, как и бабка с прабабкой, были ведьмами, то и гуляли они исключительно с чертями на шабашах на лысой горе. Смешно. Знаешь, я

специально искал потом в своих землях хоть одну гору, которую можно было бы назвать «лысой» — не нашел.

— Поэтому ты взял девчонку к себе на воспитание, — продолжил за него Сильван.

— Ты тоже взял себе дочку, — ответил улыбкой Яр.

— И что потом? Она подросла — и?

— Лукерья очень здравомыслящая особа. Она подросла и решила выйти замуж, как положено девушкам. Заставила меня искать ей жениха. Я честно старался: заглянул в ближайшие деревни, наведалься в Новый Город. Описал ей самых видных парней, что встретились на моем пути. Даже тогдашнего князя предложил! Она послушала, поразмышляла, посравнивала... И объявила, что лучше меня ей мужа не найти.

Сильван хрюкнул в кулачок. Яр тоже усмехнулся. И продолжил:

— Мол, меня она знает, как облупленного. С недостатками уже смирилась... Тут она, конечно, приврала, потом еще долго пыталась меня «исправить» по своему разумению!.. В общем, другого такого, как я, ей не найти: богатого, титулованного, заботливого, красивого. А значит, и дети у нее от меня получатся чудо как хороши! Вот тут она не ошиблась. Кстати, потом еще поглядишь на Тишку и Драгомира — согласишься, что таких красавцев даже среди эльфов не сыскать.

— Просто ты очень хотел семью, поэтому и согласился потакать своей воспитаннице, — рассудительно заметил Сильван. В шутку поежился: — Представить не могу, чтобы моя Грю предъявила мне такие требования!

— Ты — это не я, — то ли подтвердил, то ли возразил Яр. — Вот найдем твою Грушеньку и поглядим, как она на меня посмотрит. Одно дело дважды умерший некромант в худой башне, и совсем другое — красавец царь в роскошном дворце, эльфийских благородных кровей!

Сильван насмешливо фыркнул. Обвинил:

— Говоришь так, будто ее не любил. Словно женились по расчету, чтобы детей завести.

— Любил и люблю, — не согласился Яр. — Но между нами была не та ослепляющая страсть, какой ты воспылал к твоему дракону, ради которого бросился в огонь, себя не помня. Глаза которого подарил своей дочери, даже после всего, что он тебе сделал... Разная бывает на свете любовь. Пожалуй, чем тише пылает страсть, тем дольше хватает ее тепла?.. Надеюсь, мы останемся с Лушей друзьями.

Яр замолчал.

— У нее есть кто-то? — понял некромант.

— Возможно, — неохотно сказал лесной хозяин. — Возможно и то, что она устала от меня, так же как ты в свое время. Но прогнать меня из собственного дворца не могла, поэтому ушла сама.

— Просто иногда ты пугаешь своим всесилием, — пояснил Сильван, и Яр удивленно вскинул на него глаза. — А теперь стал еще могущественней, связавшись с этим твоим Лесом.

— Лес, — повторил Яр меланхолично. — Он сказал, что нуждается во мне. В то время, когда я никому не был нужен, когда меня прогнали из родной семьи, объявили преступником, и ты отказался... Я понадобился Лесу. Не знаю, почему и зачем на самом деле...

— Лес, не подслушивай! — рявкнул он вдруг в пустоту, так что некромант на перинах подпрыгнул от неожиданности. Яр виновато рассмеялся: — Ну вот, даже по душам

поговорить невозможно! Лес велел передать тебе, чтобы не верил моим стенаниям. Мол, я прекрасный правитель и привел свои земли к благоденствию и процветанию. Причем о процветании — это Лес в прямом смысле слова.

Сильван улыбнулся.

— Ладно, пойду я, а тебе нужно поспать, — решил Яр. Перед тем как встать с кровати, вдруг коснулся губами лба мага: — Жара нет. Отлично! Что ж, сладких снов!

— Спасибо тебе, — опустил глаза некромант. — Спасибо за всё. Ты, конечно, ничуть не изменился, всё такой же... эм...

— Идеальный красавец, лучший собеседник и друг? — самодовольно подсказал владыка Леса. Добавил: — Если что-то понадобится, за дверью тебя караулит твоя верующая гоблинша. Можешь звать ее хоть среди ночи, она будет только счастлива услужить своей богине.

Маг кисло скривился.

— Если понадобится я, — продолжал Яр, — просто позови, дворец мне тут же шепнет, и я приду. В любое время.

Сильван нерешительно потеревил рукав своего балахона.

— Что? — спросил повелитель Леса.

— Насколько я могу быть откровенным с твоей дочерью? — с неловкостью уточнил маг на будущее.

— У меня от детей секретов нет! — уверенно провозгласил царь. — Я им всё рассказываю. Тут главное выбрать, о чём именно и в какое время рассказывать, а какие сведения лучше отложить на годик-другой, или лет на сто.

— Разве это и не есть секреты? — невесело улыбнулся некромант.

— Если Милка наведается к тебе среди ночи — а она точно явится! — предупредил строгий отец, — гони ее в шею! Тебе еще рано напрягаться, она же с тебя не слезет, если будешь мямлить и разведешь свою вежливость.

Сильван обещал это учесть.

Ночью некроманту не спалось. Лежал, вздыхал. Наверное, за время пребывания своего статуей отоспался на годы вперед. Правда, размышлять тоже особо не получалось, в разуме мысли бродили, сталкивались, рассыпались, перемешивались, перепутывались... Как ни прискорбно это понимать, но единственное, что ему оставалось — довериться Яру. Снова положиться на эльфа (теперь зеленоволосого правителя!), позволить ему сделать всё самому, а некромант будет лишь ждать и надеяться. Противно от самого себя, паршиво на душе, но ничего иного для себя Сильван не видел. Видимо, как был ничтожеством, так и не изменится...

Яр оказался прав и в другом: среди ночи к магу прокралась лесная царевна. Вошла тихо-тихо, под ругань шепотом гоблинши, оставшейся с той стороны двери. Вплыла эдаким видением, с распущенными волосами, в струящейся ночной сорочке из тончайшей материи, подчеркивающей изгибы женского тела. В руке внесла подсвечник с одной толстой восковой свечой, разливающей в воздухе тонкий медовый аромат.

Свечку Милена поставила на стол, а сама юркнула к некроманту под бочок. Точнее, пристроилась за спиной, обняла за пояс. И затихла, предоставляя магу право сделать вид,

будто крепко спит и появления ее не заметил.

Сильван так бы и поступил... Однако оба полежали в обнимку с четверть часа, но не задремали. Она не спала, он слышал это по ее дыханию. Сильван же таращился в полумрак, всей кожей тела под балахоном ощущая чужое тепло. И почти осязаемую благожелательность. Как будто она сама искренне верила, что он для нее — не сиюминутная симпатия, не каприз и не прихоть праздного любопытства. Она именно дарила ему свое тепло. Свою любовь. Как та же свеча отдает в пространство свой свет и трепет.

Разумеется, грубо прогнать своенравную барышню у него рука не поднялась. А вежливо попросить уйти — не послушается.

— Что ты со мной делаешь? — спросил, не стерпел, маг.

— Вливаю живительную силу, разве не чувствуешь? — невозмутимо отозвалась царевна. Потерлась щекой о его плечо. — Я соединилась сейчас с Лесом. И через себя — соединила с Лесом тебя. Почувствуй, какое это огромное и могущественное существо.

— Я не понимаю, что это, — признался с некоторым опасением Сильван.

— Это Лес! — даже не пыталась объяснить Милена. Ей-то это было ясно с младенчества. Само собой разумеющееся, такое, что не требовало объяснения. Как небо — как описать словами, какое оно синее и безграничное? Как ветер — как объяснить его скорость и напор, ласковость и свежесть?

И в какой-то момент Сильван понял. Он, закрыв глаза, вдруг увидел простор лугов. Цветочные поля с жужжанием деловитых пчел. Ягодные полянки, где лакомились медведицы с медвежатами. Сосновые душистые боры, где среди пушистых ветвей лежали в развалку, свесив широкие лапы, пятнистые рыси. Дубрава, за оврагом — кабаньи стада. Ольшаники и орешники. Лоси с развесистыми рогами и трубным криком. Березовые рощи с выводком оленей. Речушки и зеркальца рыбных озер. Темные ельники. Грибные местечки. Зеленеющие болота под птичьими трелями... Лес простирался на юг до степей и на север до ледяного моря. На запад — до морских заливов и цепочки холодных озер, и на восток, вбирая даже горный хребет.

— Вот видишь, Лес тоже тебя принял, — произнесла довольная царевна. — Теперь ты наш. Мы — семья!

Сильван промолчал. А что он мог сказать? И нужно было ли что-то говорить — этот Лес и так свободно читал в его сердце... В сердцах, черт.

— Я, знаешь ли, дочка своего отца, — выдала Милена. — Папка тебя обожает, как родного брата. Значит, ты для меня получаешься вроде дядюшки?

Сильван невольно скривился: числить эту сороку в племянницах ему почему-то не слишком хотелось.

— А так уж у нас в семье заведено — влюбляться в старших, — продолжала лукаво гнуть свое Милена. — Мама влюбилась в папку, когда он был для нее вместо старшего брата. Папка влюбился в дядю. Мирошка — в папку. Ну, а я — в тебя.

Сильван тяжело вздохнул, но промолчал.

— У тебя был кто-нибудь, кроме папки? — с придыханием от стыда и собственной головокружительной смелости спросила она.

— Мы не были с ним любовниками, — с досадой сказал Сильван.

— Угу, — сделала вид, будто поверила, ревнивица. — А до него? А после?

— А у тебя? — в пику спросил некромант.

— У меня — никого и никогда, я невинная дева, не волнуйся, — захихикала та. Жарко

шепнула на ушко: — Ты будешь моим первым и единственным!

Сильван неуютно передернул плечами. Закрыв глаза, словно кидаясь в пропасть.

— У меня был только один. И это не твой отец!

— Дракон? — уличила царевна, пылая любопытством и страстью. Аж задыхалась глубоко и часто, отчего высокая грудь упёрлась в острые лопатки, весьма чувствительно, невзирая на два слоя ткани, черной плотной и белой тончайшей. — И как это, с драконом? Он же большущий! И вообще — ну, дракон. Как у вас получилось?

— Как с человеком, — смущенно буркнул некромант. — У него две ипостаси.

— То есть он перекидывался в человека? — заинтересовалась она пуще прежнего. — Как волки-оборотни, только не в волка, а в дракона?

— Да, именно.

Царевна на такой короткий ответ посопела немножко, но униматься не собиралась:

— А расскажи о себе! — потребовала.

— Что именно?

— Всё!

— Зачем? — насторожился Сильван.

— Такое чувство, что я тебя с малых лет знаю, — призналась царевна. — Папка о тебе никому, кроме нас с Мирошкой, не рассказывал. Мама почему-то злилась, когда он упоминал о тебе. Тишка старше нас, он к тому времени в сказках на ночь не нуждался, ночевал у подружек. А мы с Драгомиром любили слушать папкины байки о ваших приключениях. Ты в этих историях выходил смешным и нелепым, таким беспомощным, что мне тебя вечно жалко было. Я, мелкая, воображала, будто это не папка, а я тебя спасала во всех переделках!.. А еще папка тобою пугал нас, когда особо расшалимся. Ворчал: «Вот позову некроманта, он сделает из вас скелетики!»

— Что за чушь? — не понял маг.

— Ну, это если мы коленки расшибали или шишки на лоб друг дружке ставили, — пояснила Милена. — А у скелетов синяков и шишек не бывает, к голым костям примочки прикладывать не надо.

Сильван промолчал, переваривая услышанное.

— Ты не похож на мертвеца, — сжав руки у него на поясе, с удовлетворением заметила Милена. — Отец уверяет, что ты не раз умирал. Но разве мертвецы бывают такими?

— Я и умереть нормально не умею, — вырвалось у некроманта.

— Расскажи? — повторила Милена. С надеждой, с желанием услышать и понять.

Сильван подумал, что это единственный выход отделаться от влюбленной девушки: раскрыть ей всю правду без прикрас. Какая же дурочка захочет обнимать мертвеца? Пусть и такого несуразного, неправильного, беспокойного покойника, как он.

— Впервые я умер лет в пятнадцать, — начал он сбивчиво. — Может, в тринадцать. Никого мой возраст не интересовал, а сам я не знал, сколько мне лет. Я тогда и считать-то не умел.

Она не прерывала, охала и иногда поддакивала. Поэтому рассказывать получалось просто и легко. Словно не о себе, а о ком-то постороннем, о чужой жизни... и бытии нежитью. Как рос сиротой, работал на чужих людей за кусок хлеба. Потом его заметили пришлые головорезы, выкрали из родного селения. Поймали, связали и увезли на глазах у прежних хозяев, но те проводили хмурым взглядом, палец о палец не ударили, чтобы догнать, отбить назад, о выкупе и речи быть не могло. Разбойники же собирались продать

смазливую мальчишку восточным купцам — в гаремах всегда нужны расторопные послушные юноши-рабы. А оскопить мальчишку дело не хитрое.

— Ох! — Милена заволновалась на этом месте, Сильван же криво усмехнулся:

— Не успели. Я помер в дороге от побоев, до города не довезли.

— Слава богу! — выдохнула лесная царевна с несказанным облегчением.

— Но мой хладный труп не выбросили в канаву на корм собакам. Выпотрошили, чтобы не завонял на жаре, набили брюхо сухой травой — и продали странствующему некроманту на опыты. Старик долго ругался на то, что выпотрошили, торговался, но всё равно заплатил целую серебряную монету.

— Бедняжка, — вздохнула Милена, погладила его по животу, рассылая по телу замершего мага потоки щекотно колющихся искр.

Вместо того чтобы просто поднять мертвеца и перепродать на каторжные работы или в гильдию убийц, как грошового исполнителя, старик некромант взялся «лечить» свою «покупку». Как позже он объяснил Сильвану: он почувствовал, что душа не желала оставлять мертвое тело, не хотела уйти за грань и раствориться в покое, равно как и не жаждала учинить мечь своим обидчикам, иначе старый маг сам бы упокоил мятежный призрак. Нет, Сильван просто хотел жить. За это стремление учитель и заплатил серебром. Не пожалел и потом денег — покупал подходящие свежие трупы, чтобы изъять органы для замены.

— Он потом со мной много чего интересного делал, — вспомнил с теплом Сильван. — Уверял, что никогда подобного мертвеца не встречал, за всю свою долгую жизнь. Ему очень нравилось копаться со мной: пришивал органы, любовался, как они прирастают, как оживают... И попутно обучал меня всему, что знал — чернокнижие, некромантия, колдовство попроще...

Сильван был послушным учеником, впитывал знания жадно, тренировался без устали. Постепенно оживал от заботы старого учителя — в прямом смысле слова, с каждым пришитым органом его тело становилось всё больше похоже на обычное человеческое. Вот только словно не жил на самом деле, а маялся в полуяви... Затем колдун умер. Сильван, хороня учителя, обнаружил, что старик ради его воссоздания самого себя не пожалел — поэтому и сошел в могилу раньше срока. Едва-едва успел закончить его обучение.

По наследству молодому магу перешел домик отшельника в лесу, при доме огородик и сад. Достались Сильвану и постоянные покупатели, приходили изредка по ночам за зельями или амулетами. Немного оставалось золота в спрятанном кошельке, но Сильван ничего и не тратил.

В общем, так бы и дальше то ли жил, то ли не жил новоявленный некромант, если б однажды не свалился на пороге его дома истекающий кровью дракон.

— Сам не знаю зачем, я стал ухаживать за ним, лечил его раны, перевязывал, поил из рук, — тихо произнес Сильван, а Милена нахмурилась от кольнувшей ревности. — Он поправлялся, а я радовался. Как будто вместе с ним сам очнулся от серой хмари. Стал замечать, как полыхает небо на закате, как светится перед рассветом. Какие яркие цветы росли у забора — остались после учителя, я-то их раньше просто поливал, как было заведено, а рассматривать даже не думал. До встречи с Марром... Он едва очнулся, начал болтать без умолку. То еще трепло был...

Наивный юный некромант, ничего не выдавший в жизни, повелся на речи оболъстителя. Выходил своё чудовище, влюбился — и поддался на уговоры, вызвался помочь. Марр Руун клялся любовнику, что не сможет найти себе покоя, пока не отберет у короля эльфов какую-

то вещь, что тот коварно выкрал из сокровищницы драконов.

Так «случайно» получилось, что эльфийский правитель как раз в это время приехал навестить своего союзника, местного государя. По плану Марра Сильван должен был поднять ближайшее к городу кладбище и отвести на столицу, чтобы отвлечь людей. Дракон же воспользуется суматохой — тайком проберется во дворец, где, как поклялся своей любовью, убивать никого не станет, а лишь возьмет то, что ему причитается по праву.

Сильван свою роль исполнил честно: во главе армии смердящих мертвяков вошел в город. Вот только не смог оказать достойного сопротивления страже и горожанам, когда те схватились за оружие. Он просто не сумел себя заставить — не отдал мертвецам приказ убивать живых людей. В итоге площадь оказалась усеяна костями и прахом, а некромант схвачен — и без суда и следствия отправлен на костер.

Костер второпях сложили из плохих отсыревших поленьев. К тому же поднялся ветер — видимо, отголоском магических битв, что разыгрались во дворце вокруг эльфийского короля. Сильван не получил быстрой смерти: огонь лизал его ноги, жарил, кусал, обгладывал. Чадающего дыма было недостаточно, чтобы умереть от удушья прямо на месте... А дракон всё не возвращался. Не спешил прилететь к нему на помощь, как ни звал маг его сквозь слезы.

Зато явился юный и крайне злой эльф, которого Сильван позже стал звать Ксавьером. Два преступника, они скрылись из города — причем Яру пришлось убегать как от людской стражи, так и отбиваться от преследовавших эльфов, да еще тащить на себе полумертвое тело.

— Я до сих пор не понимаю, почему он полез вытаскивать меня из огня, ведь он понятия не имел, кто я такой, — вздохнул некромант. — Потом снова собирал меня по кускам, как разбитую вещь...

Однако на этот раз получилось не так, как было со стариком-магом. Умирая опять, Сильван не держался за свое существование, раненый предательством в сердце. Зато и Яр был сильнее, чем маг-человек. Свою злость, накопившуюся на всё человечество в целом, эльф-изгнанник выплеснул в желание оживить того, в ком увидел родственную душу. К знаниям некромантии, прочитанным в памяти Сильвана, Яр присовокупил собственную магию жизни. И вдвоем у них получилось волшебство, которого прежде не бывало на свете: Яр заставил Сильвана переродился. Это был теперь не просто поднятый мертвец, не сшитый заново и оживленный человек, но существо, неведомое ранее богам и людям... Разумеется, Сильван не об этом рассказывал Милене.

— Из нас получился отличный дуэт, — улыбнулся он, вспоминая былые дни. — Совершенно разные во всём, мы многому научили друг друга. Его магия пробудила во мне дар возвращать жизнь, такой способности некроманты до меня не знали. Нашим «первенцем» стал «адский конь» Харон — жуткое на вид чудовище, добрейшее существо. Из скольких передрыг Харон потом нас вынес на своей спине, о скольких бедах предупредил благодаря своему чутью...

— Ой, ты это о Полкане? — безошибочно узнала по описанию Милена. — Он с нами живет, сколько я себя помню! А недавно уехал с Тишкой за границу, искать подвигов и совершать героические поступки. Кстати, вот он-то наверняка твою Грушу первым и отыщет, на Тишку у меня меньше надежды.

Сильван надолго замолчал. Похоже, его план не удался: он не стал противен царевне. Напротив, Милена прониклась к нему сочувствием и жалостью. Даже погладила по голове,

несчастливого. Впрочем, желание утешить бедолагу, похоже, ничуть не противоречило стремлению заполучить его в мужья, а напротив даже усилило оное.

— А женщины у тебя когда-нибудь были? — отрывисто выдохнула она, волнуясь всё о своем, о девичьем. И вдруг по-кошачьи лизнула в шею. Сильвана пробрала дрожь, и в отличие от прочих потрясений, это было не сказать, чтобы совсем неприятное.

— Нет... — выдохнул он. — Ксавьер... то есть Яр... Разве он тебя не?...

— Папка знает, что я сейчас здесь, — без стыда заявила дочурка. — Не волнуйся, тебе вредно нервничать. Он разрешил мне тебя соблазнить, ведь он любит нас обоих и будет рад, если мы станем парой. Правда, он велел мне подождать. И еще просил не брать тебя силой. Но я не могу больше ждать! Я уже так давно тебя жду! У меня всё горит внутри, аж дурно делается. И ведь ты не рассердишься? Я ведь тебе не противна? А полюбить ты меня еще успеешь, нам незачем торопиться. Начнем с ночей, потом и днем ты ко мне привыкнешь. Верно? Ты просто лежи, а я всё сама сделаю. Лежи! Я знаю как, я за Тишкой и русалками подглядывала, — она фыркнула смешком, довольная своей осведомленностью. — А когда он влюблялся в кикимор, то не подглядывала. Кикиморы под одежкой еще страшнее, чем наряженные! Ну, ты потом увидишь, они тебя ждут на примерку, они у нас мастерицы белошвейки...

Тараторя сбивчивым шепотом, она действительно решила сделать всё сама: деловито развернула опешившего мага на спину, заботливо подложила ему подушку под голову, поправила длинные волосы, чтобы не спутались и не мешались. Уложив его, уселась сама сверху, оседлав за бедра. Правда, помня об осторожном обращении, тут же привстала, перенесла вес на собственные колени, словно боясь раздавить выпирающие косточки возлюбленного. Наклонилась вперед — и поцеловала в губы. Неумело, несмело. Прикоснулась губами, сложенными бантиком, к приоткрытым в изумлении губам, потёрла сухими о сухие. И довольная донельзя отодвинулась.

Сильван не успел перевести дух с облегчением, всё-таки от дочери Ксавьера он ожидал большего мастерства в поцелуях! А она... Она взялась за ворот балахона и рывком распахнула, явив своему алчному взору белое костлявое тело, мощи, прикрытые нижним бельем.

— У меня слюнки текут, — застенчиво призналась Милена, водя ладошками по груди, по животу. — Знаешь, папка с Ярмарки привозил леденцы, петушки на палочке. Так вот, я еле могла утерпеть, еле-еле могла дожидаться разрешения, чтобы запихнуть петушка за щеку. Он такой вкусный, этот долгожданный леденец! И знаешь, ты для меня сейчас — как этот петушок. Нет, еще желаннее.

— На палочке?.. — шокировано просипел некромант.

— Я тебе потом покажу! — пообещала царевна. И умоляюще попросила: — Пожалуйста! Разреши? Ну, пожалуйста! Мне очень хочется! Я сейчас слюной поперхнусь...

Сильван только глазами хлопал.

— Нет, да? — безмерно огорчилась его молчанием Милена. На ресницах слезы заблестели.

Она скорбно нахмурила бровки, закусила жемчужными зубками пухлую нижнюю губу... И расцвела озарением:

— Ну, конечно! Прости, я же в первый раз, — повинилась она с искушающей улыбкой.

Завладела его безвольной рукой — и прижала пятерней к своей груди, поводила, заставила ощутить объем и округлость. Прищурилась:

— Ну, как? Нравится? Ой, ты наверное при свете стесняешься! Подожди минутку! Да и без ночнушки будет еще сподручнее, а то на воротнике вот рюшки, они мешают, правда?

Она хотела задуть свечу, но из-за волнения не справилась с собой — вместо легкого дуновения с ладони сорвался вихрь воздушных чар и опрокинул подсвечник. Огонь мгновенно накинудся на забытое полотенце, салфетку, скатерть. В один миг стол запылал. Милка досадливо цокнула языком: пришлось слезть с кровати, одернуть ночнушку, пойти взять у умывальника кувшин с водой — и залить пожарчик. Языки пламени нехотя съежились, красные искры на прожженных до дыр тканях почернели, в комнате стемнело, клубы дыма с шипением расползлись к потолку... Глаза Милены быстро привыкли к темноте, в приоткрытую ставню проливалось достаточно лунного света, чтобы дочь лесного владыки чувствовала себя уверенно, как днем.

Она обернулась к кровати... И растерялась.

— Ванечка? Что с тобой? — негромко позвала она.

Черный клубок, сжавшийся и мелко дрожащий в самом темном, самом дальнем уголке постели за занавесью балдахина, мало напоминал человека. Только волосы, выбившиеся из-под капюшона, змеистыми штрихами разбавляли этот комок черноты.

— Па-а-апка-а! — закричала Милена в панике.

Однако тот не дожидался ее зова. Еще несколько минут назад, почуяв вспыхнувший огонь, Лес затрубил тревогу. Яр сразу подхватился с постели, как был в льняных подштанниках, лишь успел накинуть халат на плечи, даже обуться не подумал. Спустя мгновение вдобавок к своей обычной боязни огня Лес ощутил беззвучный крик отчаяния такой силы, что вся Дубрава всколыхнулась в ужасе. Лес и Сильван ненавидели огонь как ничто на свете. И вот теперь их страхи слились воедино, питая и умножая друг друга.

Яр стремительно вбежал в комнату, Милка и охнуть не успела. Лесной владыка огляделся, мысленно послал сердитый приказ Лесу немедленно успокоиться и не будоражить всю округу из-за прожженной скатерти. Лес тревожно заупрямился, возразил было, что не он один перепугался, в подобный ужас не впадают из-за упавшей свечи. И затих, чутко прислушиваясь, жадно ловя отголоски памяти о давно прошедших событиях.

— Силь? — забрался на кровать Яр, осторожно на коленях подобрался к дрожащему некроманту. — Сильван, милый, всё в порядке. Посмотри сам — никакого огня!

Капюшон помотался, маг не желал поднимать головы, так и сидел, обняв колени и уткнувшись лбом в сцепленные руки.

«Пожар! Огонь! — озабоченно шептал Лес Яру. — Он видит огонь, а ты не видишь! Ищи лучше, потуши скорее!»

— Папка! Пап, я не виновата, я случайно свечку уронила! — бормотала Милена, переминаясь с ноги на ногу, ведь на половиках стоять босыми ногами всё равно холодно. — Он не пострадал нисколько, я сразу залила водой. Он толком и разглядеть ничего не успел, наверное, он ведь на меня смотрел, а не в ту сторону...

Яр мысленно отмахнулся от обоих, и от дочери, и от Леса. Склонился над беспомощным некромантом, ослепленным собственным прошлым:

— Сильван, послушай меня! Ты сейчас у меня во дворце, в Дубраве. За много миль отсюда нет ни одного человека! Тебе некого бояться. Никто тебя не тронет. Огонь вспыхнул и погас. Огонь легко залить водой. Ты под моей защитой, Сильван. Я позабочусь о тебе. Ты мне веришь?

Говоря это со всей возможной уверенностью в голосе, Яр встал перед ним на колени и

осторожно скользнул руками под капюшон, погладил щеки с дорожками слез, положил ладони на виски, стал по капле вливать успокаивающие чары, которые помогут очнуться от страшных видений.

— Ксавьер?.. — прошептал Сильван. Приподняв голову, сверкнул из-под капюшона мокрыми глазами, полными невыразимой надежды.

— Полегчало? — шутливо спросил Яр.

— Угу, — шмыгнул носом некромант. Яр обнял его, прижал больную гудящую голову к своей груди.

— Ты мне всё царство переполошил, — пожаловался владыка. — Знаешь, как Лес боится пожаров! А ты тут в своем ужасе утонул — из-за жалкой свечки.

— Прости, — вздохнул маг. Умом он понимал, что никакой опасности не было, хотелось умереть от стыда за свою слабость.

— Прости мою дурочку, — в ответ повинился Яр, оглянувшись на вспыхнувшую дочь. Пояснил для нее: — После казни на костре он не выносит вид огня. Даже яркий солнечный свет на него наводит смертную тоску.

— Я не нарочно, — чуть не плача прогнусавила Милена. И видя, что отец на нее не злится, она торопливо забралась к ним в постель, обняла дернувшегося от неожиданности Сильвана со спины: — Прости меня, Ванечка!!! Я не знала, что ты такой чувствительный у меня! Обещаю, я буду беречь тебя!

Некромант мучительно покраснел и спрятал лицо на груди Яра, тот же ухмылялся:

— Вот видишь, Силь, теперь у тебя появился еще один защитник. Защитница!

— Так, солнышко, кончай мне его нервировать своими всхлипами! И не трись так усердно грудью, хочешь его довести до лихорадки с жаром? — строго прикрикнул лесной владыка на дочурку. Та ёрзать перестала, но мага не отпустила, прижалась и замерла, сопя в упрямстве и смущении. — Слушай внимательно: на завтрак приготовь для него гречневую кашку с ржаными лепешками. И ежевичный кисель. Как желудком окрепнет, перестанет его мутить, можно попробовать дать черных груздей и черной икорки.

— Ясно! А если молоко черникой зачернить? — предложила понятливая дочурка. — А еще из черноплодной рябины морс сварю!

— Хорошее дело, — с исключительной серьезностью одобрил лесной царь. — Как раньше не догадались!

— Вы обо мне, как о домашнем животном говорите, — глухо пробормотал Сильван, не думая выныривать из-за пазухи владыки. Яр со смешком погладил его по капюшону:

— Ничего, привыкнешь. Тебе еще понравится!

На правах «любимого кота» Сильван этой ночью спал между отцом и дочерью: сам не отпустил Яра, молча вцепился и не позволил уйти, хотя готов был под землю провалиться от осознания собственной ничтожности и вины, что надоедает другу своими страхами. А Милену прогнать не удалось — присусежилась сзади, закинула ногу на своего нервного возлюбленного, чтобы лежал и не дергался, и уютно запыхтела в серебристый загривок.

Слушая в тишине дыхание быстро заснувшей царевны, Сильван наслаждался теплом ее тела. И всё же в полудреме крепко держался за Яра. Тот делал вид, что спит, а сам улыбался.

— Хватит лыбиться, — прошипел, не выдержал Сильван.

Яр охотно распахнул глаза. И прижался еще ближе: лбом ткнулся в пылающий лоб мага, обхватил руками за пояс, притиснулся. И, черные зрачки к зрачкам, прошептал:

— Теперь поверил, что мы тебя не отпустим?

— Что я буду здесь у вас делать, в вашем лесу? — проворчал шепотом некромант. — Подниматьдохлых зайцев? Оживлять утопленников?

— За утопленников у нас отвечают водяные, — поведал Яр. — А ты — будешь наслаждаться жизнью. Ну, хочешь, займись варкой варенья. Знаешь, какие у меня есть малинники? А хочешь, черничники для тебя отберу у кобольдов, отдам им взамен клюквенное болото, пусть из клюквы себе самогон гонят для разнообразия.

— Чтобы я — оживлял сгнившие ягоды? — хмыкнул Сильван. — Да ни за что на свете.

— Пап, отдай под его командование поночуг, — подала сонный голос Милена. — Они всё равно сами по себе не живые и не мертвые, так что ему в самый раз подойдут. Пускай границы царства охраняют.

— Светлая у тебя голова, солнышко! — умилился отец.

— Ну, а то! — подтвердила Милка. И от избытка нежности чмокнула некроманта в шею под ушком.

— А вот вольностей не надо! — шикнул на озорницу Яр. — Хотя бы при мне веди себя прилично.

Сильван попытался завернуться в балахон, как гусеница в кокон, да под шумок уползти с кровати. Но попытка к бегству была пресечена на корню — Милена его за капюшон и ухватила, подтянула обратно, уложила ухом на свою грудь, обвила руками за шею. Яр тоже не отставал — зажал с другой стороны. В таком положении ничего иного не оставалось, кроме как заставить себя расслабиться и принять всё, как оно есть.

Некромант уж и вспомнить не мог, когда ему в последний раз так сладко спалось. Разве только с Рууном... Но это было слишком давно, и воспоминание отравляла горечь предательства.

Глава 5. Грюнфрид

У Евтихия никогда не было проблем с ночевками в людских поселениях. Как только сделался Светозаром — сразу всё переменялось, стало не в пример сложнее.

Евтихию раньше и дела не было до того, есть ли в деревушке трактир с постоянным двором. Его в первую очередь интересовало, есть ли на окраине домик с одинокой хозяйкой. Молодой вдовушкой или крепкой бобылкой в самом соку, чей муж уехал в дальние дали на заработки, да возвращаться не торопится. К такой можно напроситься на ночлег, а в благодарность дров нарубить, с хозяйством подсобить или просто вечерок ей скрасить задушевным, скажем так, разговором.

Светозар, связанный обетом целомудрия, веселых вдовушек начал сторониться. Если в селении, куда его занесло на ночь глядя, имелся трактир — лучше он будет менестрелем до утра голосить дурацкие песенки на потеху пьяной публике. Лучше поработает на скупердяя хозяина — обычно в трактирах все хозяева скупердяи. И лишь в крайнем случае пойдет искать вдовушку. Причем желательнее постарше, подрыхлее, у такой обычно и дел по хозяйству накопилось больше, и пирожки такая печет вкуснее — опыт сказывается.

Нет, можно, конечно, всякий раз ночевать на свежем воздухе. Однако тутошняя природа Светозара не особо привлекала, какая-то она была чахлая и бедная по сравнению с родной землей. Лес походи найди, тут всё лишь поля, прозрачные перелески или болотистые низины. Тьфу в общем, а не природа.

Он и Полкана-то перестал оставлять за пределами селений. И не из опасений, что конь в его отсутствии повстречается с разбойниками, коих после такой встречи можно будет только пожалеть. Просто доброму скакуну попасться толком негде! Полкану, чтобы спрятаться, нужна хорошая чаша, чтобы бока почесать — бурелом желателен. Чтобы поохотиться — простор требуется да непуганая живность. А тут, в тесных западных королевствах, куда ни плюнь частные угоды. Погонишься за тощим фазанчиком — оглянуться не успеешь, как на кого-то налетишь, кого-нибудь собьешь с ног. Извиняйся потом, оправдывайся, убеждай, что сам не браконьер. А в селениях можно подзаработать монетку — и тут же прикупить продовольствия, не тратя время попусту. Или просто брать оплату за услуги копченым мясом, сыром и хлебом — пусть потом удивляются, что жуткий конь полуэльфа сему предпочитает пироги с потрошками или расстегаи с вишней.

Не сложно наплести местным, что, мол, была у Светозара невеста-красавица — превратили ее злодеи в такую вот причудливую коротышку, причем характер сохранился от красавицы — вздорный, свободолюбивый! А с конем — а что с конем? Тоже злодеи накуролесили, ведь еще недавно Полкан был белогривым пони. Он так и остался (глубоко внутри) милым, ласковым и совершенно безобидным зверьком. Так вот, чтобы обоих своих спутников расколдовать обратно, Светозар и отправился на поиски дракона. Очень уж драконья чешуя нужна для расколдовывающего снадобья! Что, разве чешую можно купить у бродячих торговцев? Да они ж, бессовестные, за полчешуйки столько золота спросят, что на верблюдах не увезти, еще и фальшивку подсунут. Впрочем, местные обычно не спрашивали, что за звери такие верблюды. Большинству любопытствующих хватало одного лишь заявления, что гоблинка на самом деле красавица полуэльфийка, а конь просто

зачарован в страшилище и не имеет привычки кусаться — на этом их интерес и заканчивался. Люди в западных королевствах оказались на удивление равнодушными к пришлым, если те обещали не задерживаться у них надолго.

Кстати сказать, в легенду о красавице народ верил охотно. Светозар позаботился раздобыть для гоблинки новый наряд, придел ее, хорошенько отмыл с душистым мылом, косички заплел изысканным манером, на бантики не поспешил, благо Лукерья Власьевна в свое время научила старшего сына заботиться о младших. И оказалась девчонка впрямь красавицей! Своеобразной, конечно, не на всякий вкус. Однако глядя на ее хорошенькое личико, люди чудесным образом забывали и о зеленой коже, и на вертикальные зрачки в оранжево-золотистых глазах внимания не обращали, пораженные «верблюжьими» ресницами. С ролью заколдованной полуэльфийки Груша стала справляться еще успешней после того, как Светозар на дневных привалах помог ей отучиться от некоторых чисто гоблинских привычек, таких как ковыряние пальцем в носу или громкая отрыжка после еды. Груша оказалась на редкость сообразительной, схватывала всё на полуслове, дважды повторять не приходилось. Светозар был очень горд за свою подопечную.

Однако не ведал он, что делается в душе девичьей, что прячется за стеснительной улыбкой. Между тем Грюнфрид, видя от своего рыцаря лишь искреннюю ласку и заботу, умудрилась влюбиться по самые уши, прежде чем сама за собой эдакую напасть заметила. Заметила — и испугалась! Не потому что боялась остаться с разбитым сердечком, а потому что твердо была убеждена, что ее рыцарь едет сражаться с драконом. Она мечтала увидеть дракона побежденным и выпотрошенным, возможно, зажаренным на вертеле над огромным костром. Однако теперь, испытывая к Светозару теплую привязанность, Грюнфрид ужасно боялась, что дракон окажется сильнее, чем она себе представляла, и он может навредить ее рыцарю, не дай боже покалечить или спалить его золотистые локоны!..

О буре, бушующей в душе гоблинки, Светозар не подозревал. Хуже того — обращался с нею, как с невинным дитём. Обманулся невысоким ростом и не думал, что даже будучи маленькой, можно быть достаточно взрослой... Впрочем, у Светозара имелось оправдание: взрослые девы не станут пинать своих рыцарей по коленке ни за что, ни про что. У него как-то не связывались в голове собственные улыбки, естественно расточаемые встречным женщинам, со столь переменчивым настроением подопечной, меняющимся в один миг от спокойно-благожелательного до скверно-мстительного.

Особенно тяжело было держать себя в руках, когда останавливались у вдовушек. Причем тяжело приходилось обоим, как Груше, так и Светозару. Он не мог избавиться от привычки быть милым с женщинами. Грюнфрид же не могла привыкнуть к тому, что для него это жизненно необходимо, так же как привычка дышать.

Поначалу они двигались вдоль оживленного торгового пути, поэтому постоянные дворы и трактиры встречались регулярно. Затем пришлось свернуть от тракта, заехать в глубинку. Тут уж выбора не было — либо ночевать в лесу, слушая вой голодных волков, либо воспользоваться гостеприимством местных жительниц.

С первой селянкой удалось договориться по душам. Светозар, как обычно, наколот дров с запасом. При этом занятии по привычке оголился по пояс и эффектно играл богатырскими мускулами под блестящей от трудового пота кожей, чем вызвал у хозяйки томление в груди и зубовное скрежетание у притаившейся в тени Грушеньки. Полкан вспахал своими когтями грядки на огороде, наносил от колодца воды, тщательно полил всю растительность, (кое-где удобрил по доброте душевной). Груша подсобила со стиркой, подмела двор. За это путники

получили жарко натопленную баньку, сытный ужин и мягкую постель под крышей, на душистых соломенных тюфяках. Полкана же на ночь определили в сарай, под теплый бок к невозмутимой корове.

Однако с наступлением ночи задачи Светозара не закончились, но напротив усложнились: вдовушка прозрачно намекнула, что требуется мужская помощь кое-где еще. Сославшись на тесноту скромного жилища, златовласого странника хозяйка уложила почивать в собственной постели.

В бытность свою Евтихием он не сомневался бы ни мгновения — доставил бы радость бедной женщине. Однако обет безбрачия (и громко сопящая за занавеской Груша), не позволяли Светозару поступить так, как он привык. Борясь с собой, со своими давними привычками, с требовательным зовом собственного тела, при этом стараясь не уронить достоинства в глазах вдовушки, не ранить ее категоричным отказом — в общем Светозар выкручивался, как мог. Заговорил хозяйке зубы, расписывая свою несчастную любовь, даже слезу пустил, вспомнив о былом и правдивом, однако приплетя к строго отмеренной правде неповинную Грушеньку. Вызвал растаявшую хозяйку на ответную откровенность, выслушал со всей сострадательностью, утешил, но в пределах целомудрия.

В общем, утро вдовушка встретила всё равно счастливая и умиротворенная после ночных исповедей. Светозар же весь следующий день клевал носом, сидя в седле. Едва не упал, да Грюнфрид вовремя одергивала, будила.

Следующим вечером всё повторилось в точности: новое селение, новая вдовушка, еще моложе и бойчее вчерашней. Эта разговоры разговаривать не пожелала — под покровом ночи накинулась на приезжего красавца, зацеловала, заобнимала... Светозар еле опомнился, еле удержался от грехопадения — выскочил из спальни в одних подштанниках. Назад в дом так и не вернулся, не рискнул. Пусть вдовушка и смутилась подобной реакцией, зато зауважала твердость рыцарского характера — сама явилась извиняться на сеновал, где внизу Полкан от безделья меланхолично жевал соломинку. Зарывшийся в сено Тишка малодушно промолчал на ее предложение забыть всё, не спустился с навеса. Она же не рискнула настаивать и лезть к нему наверх по крутой лесенке в темноте — очень уж чудо-конь выразительно косился в ее сторону, намекая взглядом, чтобы не надоедала его хозяйину.

На следующий день Грюнфрид имела спорное удовольствие любоваться темными кругами под мутными глазами неудовлетворенного жизнью рыцаря.

Третья вдовушка грозилась переплюнуть в откровенном кокетстве обеих предыдущих. Да и фигурой эта была несравненно хороша! Светозар пялился на крутые бедра, обтянутые юбкой, на высокие перси, плоховато прикрытые кофточкой, бледнел лицом и лепетал что-то маловразумительное. Он даже, махая топором, постеснялся рубашку снять, да всё равно не помогло.

Грюнфрид поняла: сила воли ее рыцаря на исходе! Поэтому, когда стемнело, и вдовушка выразительно кивнула златокудрому страннику в сторону опочивальни — Грушенька вцепилась в своего покровителя руками и ногами, беззвучно забилась в показательной истерике, брызжа слезами из зажмуренных от стыда глаз.

— Что это с ней? — опешила вдовушка.

— Простите, — с плохо скрываемым облегчением вздохнул Светозар, — она боится оставаться одна. Кошмары снятся, ждет, что на нее из темноты опять нападут злодеи. Ведь представляете — мало что личину на бедняжку налепили безобразную, так и голоса лишили, чтобы никому о своих горестях не смогла поведать!

— Как же ты узнал о ее кошмарах и страхах? — с подозрительностью уточнила хозяйка.

— Сердцем услышал! — не сморгнув, объявил Светозар, солнечно улыбнувшись.

Столь невинному союзу женщина ничего не могла противопоставить, кроме сиюминутных плотских утех. Пришлось хозяйке смириться — и сдвинуть две лавки, сделав постель гоблинки достаточно широкой для двоих.

В ту ночь Грюнфрид спала счастливая, с полным правом нежась в заботливых объятиях своего рыцаря. Да и Светозар с удовольствием выпался наконец-то! Засыпая, уткнувшись носом в кучерявую рыжую макушку, с умилением припомнил, как в свое время к нему ночь-полночь забирался под одеяло маленький Драгомир, ненавидевший подозрительные ночные шорохи.

После этой скромной победы Грюнфрид почувствовала себя гораздо увереннее. И эта ее уверенность безусловно пригодилась впоследствии.

Случилось так, что дальнейшей их остановкой стало захолустное поместье одного немолодого барона. Владелец с распростертыми объятиями встретил странников, объявив себя тонким ценителем искусства. Менестрель полуэльф по его уверениям был желанным гостем. Барон посулил не только уют и роскошный ужин, но обещал наградить золотом за вечер песен и поэзии! Светозар не почувал подвоха и легко согласился — играть на лютне ночь напролет ему уже было привычно.

После ужина барон около часа изволил слушать пение в парадном зале, где по случаю собрались почти все обитатели поместья. Светозар только набрал силу голоса, только размял пальцы, вошел во вкус — как вдруг хозяин поднялся со своего кресла, подозрительно смахивающего на трон, и пригласил менестреля продолжить выступление в его личных покоях, якобы там акустика лучше и никто не будет мешать божественному пению надсадным кашлем или шепотками. Женская часть свиты барона расторопно увела Грюнфрид в противоположное крыло замка, объявив, что малышке пора спать.

Гоблинке это всё ужасно не понравилось. Пока ее рыцарь терзал струны лютни, она успела разглядеть, какими масляными глазками пялился на красавца полуэльфа этот жирный плешивый барон. Поэтому, когда дамы оставили ее наконец-то в покое, она выскользнула из постели, — надо признать изумительно мягкой и свежей! — и быстро оделась. На заплетание косичек времени тратить не стала: торчат вихры закатным рыжим облаком, ну и пускай торчат, в темноте всё равно не видно.

Бесшумной мышкой она преодолела запуганные переходы и крутые лестницы, успешно избегая слуг и стражу. Прокралась в конюшню, где дремал Полкан, и попыталась донести до него свои смутные подозрения. Каким-то волшебным образом гоблинка и чудо-конь понимали друг друга без слов, словно между ними установилась незримая связь с первого момента их знакомства. Вот теперь-то эта связь пригодилась как никогда.

...Войдя в хозяйскую опочивальню следом за бароном, Светозар наивно поинтересовался:

— Разве вашей супруги и дочерей не будет?

— Нет, никаких женщин, — подтвердил тот, разливая вино по двум бокалам.

— Как хорошо! Я порядком устал от них, — вырвалось у Тишки.

Он поблагодарил кивком, взял протянутый бокал, отхлебнул. Вкус вина показался очень насыщенным, сладким, но не приторным, однако какие-то странные нотки щекотали язык... Впрочем, баронне позволил сосредоточиться только на вине. Он забрал лютню, небрежно

поставил ее на пол под стол, отчего инструмент жалобно звякнул, а сердце менестреля невольно ёкнуло.

— Как я вас понимаю, юноша! — воскликнул барон с воодушевлением. Завладел рукой менестреля, стиснул в чувственном порыве. И... приложил пальцы музыканта к своим губам.

Светозар поперхнулся вином. Озадаченно заметил:

— Вы так сильно любите музыку? Боюсь, мой талант не соответствует настолько высоким запросам...

— Нет-нет! Вы восхитительны, мой сладкий! — заверил барон, еще больше шалея от скромности и неиспорченности менестреля, который возвышался над хозяином поместья почти на две головы и при этом вел себя, как наивная девушка, не сознающая своей привлекательности. — Идемте, расположимся на постели, там продолжим наш разговор!

— Как пожелаете, — пожал плечами Светозар. — Позвольте лишь захвачу мою лютню...

— Не нужно, она нам не понадобится, — хихикнул барон, увлекая опешившего гостя в сторону широкой кровати под роскошным балдахинном. Почти силой усадил его на постель, перед этим рывком сбросил с нее меховое покрывало, обнаружив шелковые простыни.

— То есть не понадобится? — вообще перестал что-либо понимать Светозар. — Разве вы не хотите, чтобы я спел вам?

— Хочу! Очень хочу! Просто горю желанием до дрожи во всех членах! — зашептал в воодушевлении барон, опустившись перед менестрелем на колени, что вышло у него по возрасту не слишком-то ловко и совсем не изящно. Барон снова завладел рукой гостя, приложил ладонью к своей груди — к волосатой груди, обнажившейся в порывисто распахнутом вороте. — Спой мне, соловушка, спой! Прошу тебя, умоляю! Я жажду услышать твой чарующий голос, поющий мне песню любви протяжными стонами страсти!

— Ого! — вымолвил Светозар, подумав, что хозяин цитирует строку из какой-то баллады. Решил, что стоит запомнить на будущее, женщинам такая высокопарная чушь нравится.

Отняв от своей жесткой шерсти, барон вновь принялся осыпать поцелуями пальцы менестреля. Светозар хмурился и терпел, вырваться грубой силой ему казалось невежливым. Барон же счел его терпение приглашением — другой своей рукой взялся вдохновенно оглаживать коленки гостя.

— Хм-м, простите... — решился-таки воззвать к голосу разума Светозар увлекшегося поклонника музыки. — Что вы делаете? Кажется, вы хотели поговорить о балладах, или нет?

— О, да! Я очень хочу с вами поговорить, мой прекрасный златовласый бог! — резко припал к нему барон, обхватил его колени обеими руками, не позволяя свести ноги вместе. Небритой щекой он потерся о напрягшийся живот гостя, блаженствуя от проявившихся на торсе «кубиков». — Поговорить языком тел! Языком, что не терпит лжи и пустословия! Упитья допьяна самыми откровенными речами!

Светозар и не заметил, как и когда радушный хозяин успел расстегнуть на нем одежду, так что рубашка задралась — и щетина барона теперь очень ощутимо колола кожу! И вообще, что-то ему не нравилось, как подозрительно радужно стали сиять огоньки свечей. И комната чем-то стала напоминать палубу корабля в ветреную погоду. Светозар зажмурил глаза, снова открыл — что-то явно не так! Но толком сообразить трудно, в голове приятно зашумела пустота, зато внизу живота почувствовалось некоторое щекочущее оживление... Светозар Ярович густо-густо покраснел. И решительным образом взял барона обеими

руками за оба уха, с усилием оттянул раскрасневшуюся масляную харю от себя. Поглядел в его сияющие глазки, спросил, постаравшись придать голосу убедительности:

— Ты меня чем-то опоил, извращенец?

— Уверяю вас, юноша, это абсолютно безвредное средство! — жарко зашептал барон, порываясь дотянуться до рта менестреля губами, для чего оные вытягивал дудочкой, при этом умудрялся строить глазки и продолжал оправдываться. — Просто пара капель бодрящего зелья, чтобы нам обоим было легче расслабиться, чтобы получилось быстрее довериться друг другу. Прошу, доверьте мне свое великолепное тело! Я обещаю, я вознесу вас на вершины блаженства! Ни с одной женщиной вы не познаете столь ошеломляющей страсти, как со мной, опытным...

— ...греховодником, — закончил за него Светозар. С силой отпихнул от себя барона, отлетевшего с ойканьем на другой конец комнаты, и произнес с выражением: — Знай же, извращенец, что я дал пред Небесами и Лесом обет целомудрия! Я даже с вдовушками не сплю, всем отказываю, хотя уже зубы сводит от желания... и не только зубы... Но чтобы согрешить с мужиком?! Нет, на такое не рассчитывай!

Барон подобрался, сел на полу по-лягушачьи, утер слюни рукавом:

— Хотя бы один поцелуй? — принялся игриво клянчить.

— Ни единого! — грозно сверкнул очами лесной царевич.

Но стоило на мгновение отвести взгляд — барон с неожиданной прытью накинулся на свою жертву. Превосходящий вес и внезапность сработали как надо, хозяин поместья повалил гостя на шелковые простыни, оседлал его, уселся на бедра и принялся суетливо освобождать от одежды как себя, так и вожделенного любовника. Светозар не мог сопротивляться по простой причине — поняв, что с ним собираются сделать, он зажал себе рот обеими руками, дабы удержаться от тошноты. Позориться даже перед извращенцем было ниже его достоинства.

— О, мой холодный жесткий леденец! Я возьму тебя в рот, разогрею тебя своим страстным языком, заставлю тебя плавиться и таять! Оближу тебя всего с ног до головы, но одно место в особенности! — шептал ошалевший от похоти барон. — И когда ты станешь совсем влажным, я возьму тебя! Овладею со всей нежностью, обещаю, тебе понравится. А потом ты овладеешь мной. О, Небеса, неужели я стану твоим первым мужчиной?! Неужели никто до меня не прикасался к этому совершенному телу?! Ты научишься, как обращаться с мужчинами, я научу тебя. Уверен, ты станешь моим самым прилежным учеником! Воистину, не отлынивая от упражнений, ты быстро превзойдешь учителя! Я покажу тебе, как использовать твои музыкальные пальчики — не только для перебора струн лютни. Я заставлю тебя петь иную песню, ты будешь кричать и стонать, и ты узнаешь, что это слаще любой музыки!..

Тишка понял: еще одно слово — и его точно стошнит. Он рывком сбросил с себя барона, но тот обхватил его руками и ногами и не позволил сбежать с кровати — с эдаким грузом не побегаешь! Светозар вынужден был зависнуть на четвереньках над извращенцем, чтобы попытаться избавиться от его цепкой хватки. Однако одной рукой отцепить с себя четыре конечности было делом невыполнимым — какую-то отцеплял, три другие возвращались на облюбованное место, да не просто возвращались, а елозили, задирали на нем расстегнутую одежду, забирались под белье. К тому же барон, лежа под ним, выпячивал пузо, стараясь прижаться всем грузным телом, да всю расчирикался весенней пташкой:

— Ах, ты нетерпеливый какой! Хочешь быть сверху? Пусть будет по-твоему, я не

против! От тебя мне даже боль будет сладка! И всё же постарайся взять меня медленно, не спеши! Я и так весь твой, но прости, у меня давным-давно никого не было, наверное, я узкий, как юная девственница!

Извращенец заливался, кокетливо закатывая глазки, багровея физиономией в возбуждении и призывно причмокивая губами. А Тишка... если бы мог — заткнул бы себе уши и сбежал куда подальше. Однако барон не позволял ему ни того, ни другого. Поэтому оставалось лишь одно — вернуть радушному хозяину его ужин. Прямо здесь. Прямо сейчас. Как ни жаль, ведь повара старались.

— Бу-э! — булькнул менестрель далеко не мелодично.

— А-А-А!!! Извращенец!!! — заорал в возмущении барон, которому вылилось следствие его затеи прямо на багровую физиономию, за шиворот и на шелковые простыни. — Да как ты посмел?!!

— Извиняюсь, вырвалось, — равнодушно повинился Светозар, утер губы безвозвратно загубленной шелковой простыней, поднялся с морально поверженного противника, который лишь слабо трепыхался на постели, беспомощно размазывая следы ужина по лицу.

Тут большое окно спальни взорвалось осколками. Бархатные шторы распахнулись, точно театральный занавес: на подоконнике картинно замер Полкан, балансируя на цыпочках. На спине чудо-коня уверенным полководцем восседала Грюнфрид, взгляд ее горел жадной возмездия.

— Ой, это вы? — обрадовался Тишка. Недолго думая, набросил на кровать и барона меховое покрывало, подобрав оное с пола, барон лишь вякнул. — Погодите минутку, я лютно захвачу!

Пока Светозар торопливо застегивался и подтягивал штаны, завязывал пояс, пока искал лютно, брошенную возле дверей — постель зашевелилась. Барон утер физиономию рукавом, сполз с кровати, запахнулся в покрывало — и на цыпочках ринулся к дальней стене, где было развешано турнирное оружие. Схватив алебарду, он с угрожающим видом подобрался к Тишке, который не подозревал опасности за своей спиной. Тот наконец-то отыскал лютно под столиком с умывальным прибором и, одолжив чистое полотенце, принялся озабоченно стирать с лаковых боков инструмента некрасивые пятна от масляных пальцев барона, (а перед этим всё-таки прополоскал рот свежей водой и сплюнул в ночную вазу под столом).

Полкан взирал на происходящее с невозмутимой мордой, предоставляя молодому хозяину самостоятельно разобраться с проблемами, которые он сам на себя навлек небрежной беспечностью. Вот уж если не справится, тогда чудо-конь вмешается, пустит в ход рога и клыки.

Грюнфрид в смятении встала на седло: она не знала, как предупредить своего рыцаря, крикнуть ведь не могла. Зрелище полуголого барона, бегающего по спальне на цыпочках при своем-то весе, повергло гоблинку в ужас. Когда же владелец поместья направил в спину менестреля оружие и выкрикнул:

— Не жди, что я заплачу тебе за сегодняшнее представление! Это ты мне заплатишь — за оскорбление!

Тут уж Груша не стерпела: спрыгнула с коня на подоконник, с подоконника в комнату.

Светозар в недоумении обернулся — и уставился на блеснувший кончик алебарды. Несмотря на турнирное предназначение, клинок выглядел остро наточенным.

— На цепь тебя посажу, в подвале! Ноги мне целовать станешь, лишь бы я позволил тебе стать моим рабом! — разошелся барон, тыча алебардой в несостоявшегося любовника.

Тишка не стал прикрываться лютней, наоборот спрятал дорогой инструмент за спину. Зато пригодился тазик от умывального комплекта — менестрель выставил его перед собой, точно щит.

— Полукровка! Нелюдь, а воображаешь себя королевичем! — не унимался барон.

Острые алебарды звучно встретилось с тазиком, оставив на днище порядочную вмятину.

У Грюнфрид не получилось достать висевший на стене меч, слишком высоко, как ни подпрыгивай. Время поджимало, ощущать себя безоружной и бесполезной было нестерпимо, поэтому она схватила первое, что попало под руку — тяжелый серебряный подсвечник. В буквальном смысле плюнув на свечу, она метнулась к барону и... Она не размышляла и не планировала, она просто делала то, что велит ей сердце. В данный миг сердце приказало ей садануть длинным подсвечником, точно копьём, аккурат промеж ног барону.

Владелец поместья взвизгнул, взяв умопомрачительно высокую ноту, схватился обеими руками за разбитую всмятку промежность. Алебарду он, разумеется, выронил, звон «сложенного» оружия прозвучал аккомпанементом пронзительного крещендо.

Светозар сочувствующе поморщился.

— Прошу простить, что не оправдал ваших надежд, — извинился менестрель перед катающимся по полу и подвывающим хозяином.

Осторожно обойдя поверженного, Тишка отобрал у воинственно пыхтящей Груши подсвечник, взял ее за руку, с усилием развернул, — хотя она бы с удовольствием еще задержалась ненадолго, отвесила бы пару-тройку ударов от души, — и повел к Полкану. Тот любовался на них, сидя на подоконнике, словно огромный кот, завернув змеиный хвост вокруг лап.

— Предупреждал ведь меня папка держаться подальше от людей, в особенности от аристократов — впредь буду умнее! Лучше на голой земле спать, чем с голым мужиком... Тьфу ж ты! — ворчал Тишка. Закинул в седло гоблинку, приторочил лютню, затем и сам забрался.

Они не обратили внимания на спешивших на шум стражников и свиту барона. Чудоконь вылетел из окна головокружительным прыжком, нырнул в чернильную ночь, двумя скачками пересек двор, одним махом одолел каменную ограду, окружавшую поместье. Не особо, кстати, высокую — дань традициям, не тянущая на звание крепостной стены. И все трое вздохнули с невероятным облегчением, пустившись вскачь по освещенной месяцем дороге, прочь от чересчур гостеприимной обители. Причем трудно сказать, кто вздохнул глубже — Светозар по понятным причинам или гоблинка, измаявшаяся от ревности и злости. Или Полкан, которому в будущем предстоит обо всём произошедшем доложить лесному царю и который теперь успокаивал себя мыслью, что главное — успели сбежать вовремя!

...Незадолго до рассвета Полкан решил сделать привал, для чего выбрал лесную полянку, показавшуюся в темноте вполне пригодной. Осторожно присел на все четыре ноги, очень осторожно стащил с себя задремавших седоков, очень-очень осторожно уложил спящих в обнимку на траве и заботливо укрыл попоной. Приготовился бдительно следить за безопасностью, не смыкая глаз...

И себе на изумление очнулся лежащим на боку, прекрасно выспавшимся. Чирикали птички, сияло сквозь листву раннее солнышко. Под его животом посапывали Тишка и Грушенька, свернувшись между длинных конских ног «калачиком с начинкой», где гоблинка, как и положено «фрукту», исполняла роль начинки.

Полкан настороженно поднял голову на длинной шее, повел ушами, раздул ноздри, лоя смутные запахи, принесенные ветерком.

— Боже, как мне плохо!.. — простонал Светозар, разбуженный его беспокойным шевелением.

Полкан выразительно всхрапнул, указал озабоченной мордой куда-то в сторону. Тишка честно попытался сосредоточить похмельный взор, но ничего кроме колышущейся и расплывающейся листвы кустов не разглядел, как ни старался, хоть один глаз прищуривай, хоть второй, хоть оба сразу.

Светозар со сдавленным стоном крайне утомленного человека принял сидячее положение, откинувшись спиной на теплый бок коня. По-прежнему спящую Грушу он переместил с себя под живот Полкану, укрыл уголком попоны.

Он сладко потянулся... и крикнул от прострела боли по затекшим позвонкам. Всё тело ломило, настроение было какое-то непонятное — то ли драться хочется, то ли целоваться. И ведь не пил вчера ничего лишнего, а как будто самогона перебрал... Ох! В гулко гудящей златокудрой голове появилась одна, зато трезвая мысль: во всё виновато вчерашнее любовное зелье. Не иначе! Не вылившись положенным страстным образом из отравленного организма, коварное зелье бродило по телу без цели, пока не ударило в голову. Причем не просто бродило, а за несколько часов короткого сна снадобье впрямь забродило, что и привело к жесточайшему похмелью.

— Говорил мне папка держаться от людей подальше... — в очередной раз повторил себе Тишка. Крепко зажмурился, взялся пальцами массировать виски, да что-то плохо помогало.

— Кстати, Полкан, как вы меня вчера спасли? — вспомнил Светозар. — То есть нет! Как спасли, я знаю, я там был всё-таки. А как нашли? То есть нет! Это тоже понятно... Вот! Как вы поняли, что меня надо спасать?

Полкан негромко всхрапнул, пожевал мягкими губами.

— То есть ты с Грушенькой можешь общаться, как со мной? — не поверил Тишка. Даже о головной боли позабыл от такой новости. — А почему же тогда я ее не слышу? И что она тебе рассказала интересного? Как это — ничего? Как это ты у нее ничего не спрашивал?! Да ты же осёл после этого, дружище! Прости, вырвалось. Это я от голодухи злой, извини. Вчерашний ужин из-за того гада растратил на оборону.

Стараясь не тревожить спящую гоблинку, Тишка предпринял поползновение к седельным сумкам. К его крайнему огорчению ничего съестного там не нашлось. Мало того, что за выступление барон ему не заплатил, так из-за поспешного отъезда они не успели пополнить запасы провизии, ничего не купили в примыкающей к поместью деревне. Бормоча в адрес вчерашнего поклонника проклятия, Светозар совершенно расстроился. Фатально опустошенный желудок урчал от голода, и это были весьма тоскливые песенки. Ведь, по словам дриад, между поместьем барона и заповедной рощей, где поселился дракон, других поселений, постоянных дворов или трактиров больше не предвидится.

Полкан снова забеспокоился, пихнул мордой Светозара в плечо. Тот понял, торопливо пересел так, чтобы закрыть собою спящую малышку.

Кусты зашуршали, на полянку высыпались старые знакомые коротышки всей зеленолицей гурьбой.

— Опа! — воскликнул старший из гоблинов, узнав лесного царевича. — Твою ж! Это ж опять ты?

— Я, — согласился Тишка. А сам под попоной руку на плече дернувшейся Груши сжал, заставляя лежать тихонько и не высовываться. — Приветствую, странники!

— И тебе не хворать, — кивнул старший, остальные последовали его примеру. Евтихий вежливо кивнул в ответ, но с места не встал.

— Полагаю, ваши поиски до сих пор не увенчались успехом? — невозмутимо поинтересовался Светозар.

— Ага, это самое, не увенчались, — подтвердил гоблин. — А ты, стало быть, наше рыжее не встречал, да?

— Увы, — отозвался Тишка с должной долей сочувствия. — Не могу вас ничем обрадовать.

— Ну, ладно тогда, чо ж, — вздохнул старший. — Тогда мы пошли. Оно тут, похоже, нонешней ночью пробежало, её ж... Ох, её ж богине благоденствия! — то ли выругался, то ли благословил он, набрав в грудь побольше воздуха. Гаркнул на своих, что разбрелись по поляне, буквально обнюхивая каждую травинку: — От нас не уйдет!

— Найдем! Поймаем! Вернем бабам и богине! — дружно гаркнули в ответ кличем гоблины.

Груша под попоной и рукой своего защитника мелко задрожала. Тишка же окликнул старшего, прежде чем тот покинул поляну:

— Погодите, а разве ваша пропажа не девочка?

— Ага, её ж богине, девка, — подтвердил гоблин с таким озадаченным видом, словно давным-давно сказал об этом Светозару, что ж тот переспрашивает-то? — Ну, оно ж такое, говорю, мелкое, рыжее, с косичками, с ресницами эдакими. Вот!

Он невыразительно помахал в воздухе руками, подтверждая свои слова, потом резко сник и звонко шлепнул себя ладонями по ляжкам.

— Почему же вы тогда зовете её «оно»? — задал резонный вопрос Светозар.

— Дык, её ж... — замялся гоблин. Дернулся на свист собратьев, успевших отойти от поляны, махнул им рукой, чтобы шли, его не ждали, но Тишке всё же объяснил: — Оно ж у нас «дитё богини». Так бабы назвали, а бабам нашим завсегда виднее. К тому ж, оно на девку не тянет, вечно носится с нашими ребятишками по округе. Юбки на нее бабы пробовали надевать, так вечно всё изорвет, её ж. Потому в штаны наряжаем, как пацана. Так что во-о-от, значит. Оно — это оно и есть, её ж.

— Спасибо, теперь я понял, — искренне поблагодарил Светозар.

Когда гоблинов след простыл, Тишка приоткрыл попону. Так и думал — Груша трет глаза кулачками, беззвучно слезами умывается.

— Признавайся, беглянка, они тебя не собирались наказывать, а хотели лишь домой вернуть, правильно? — спросил Светозар, погладив по рыжей кучерявой голове.

Грюнфрид в ответ лишь всхлипнула.

— Полкан, спроси ее, почему возвращаться не желает, — попросил Тишка. Получив ответ, преувеличенно возмущился: — Как это говорить не хочет? Мы с нею тут возимся, от погони скрываем, а она, видите ли, с нами разговаривать отказывается?!

Гоблинка зарыдала пуще прежнего. Кинулась на шею к своему рыцарю, без лишних слов прося прощения за всё сразу: и за свой побег, и за надоедливость, и за упрямое отмалчивание, и за тайное желание, чтобы Тишка убил для нее дракона.

Светозар похлопал ее по вздрагивающей спине. Досадливо скривил губы: девчонка прижималась так пылко и доверчиво, а у него в крови еще любовное зелье бродило-

дображивало. Это вызывало какие-то неправильные ощущения. Откровенно смущающие ощущения!

Он пошарил у себя в кармане куртки — нашел, не выронил-таки! Кусочек сладкой пастилы, завернутый в тонкую вощеную бумажку, прихватил вчера со стола баронского пира.

— Вот, держи! — вручил своей «прекрасной даме» рыцарь сладкое утешение. — Не реви только. Расскажешь всё, когда соберешься с духом, договорились?

Грюнфрид кивнула. Стерла слезы ладошкой, пастилу взяла, растерянно запихнула в рот целиком. Полкан смешливо всхрапнул, оценив выпятившуюся зеленую щечку. Тишка тоже заулыбался. Грушенька же засмушалась, покатала пастилку во рту. И вдруг порывисто кинулась к своему рыцарю обратно на шею. Однако на сей раз не плакать, а...

Получив сладкий поцелуй в губы, сопровождаемый протолкнутым в рот кусочком конфеты, ровно половинкой, Тишка сперва оторопел от неожиданности. Невольно проглотил кусочек, едва ощутив вкус. И, не сознавая, потянулся поймать юркий язычок... Поймал. Завладел. Затанцевал своим языком в тесном сладком ротике. Груша льнула к нему, позволяя целовать по-взрослому. Сама отвечала, охотно, неумело, но торопливо и жадно...

Громкое конское фырканье прямо в ухо заставило Светозара очнуться. Он понял, что обеими руками прижимает малышку к себе — и тут же обеими руками схватил ее за плечи, резко отодвинул. Но не оттолкнул. И не отпустил.

Тишка заставил себя перестать жмуриться. Заставил поглядеть в глаза подопечной. Та, кажется, точно так же была смущена: отворачивала сиреневое от румянца личико в сторону. Но сквозь ресницы с опаской и искрой лукавства косилась на него. Поймав взгляды друг друга, оба совершенно по глупому заулыбались...

Полкан опять толкнулся носом в плечо хозяина.

— Я — совратитель малолеток, дружище, — нервно хихикнул Тишка. Отпустив гоблинку, он обвил рукой коня за шею, притянул к себе, потерся щекой о черную бархатистую щеку. — Обет целомудрия до добра меня не доведет, ей-богу... Полкан, если увидишь, что я ее домогаюсь, разрешаю дать пинка в отрезвляющих целях. Сама она, боюсь, будет не против повзрослеть со мной. Эх, все бабы одинаковые — что розовые, что зеленые...

Безостановочно вздыхая, мучаясь неудовлетворением и жестоким разочарованием, помноженными на голод и похмелье, Светозар объявил, что пора отправляться в путь. Возможно, дриады ошиблись, и по дороге им встретится человеческое селение, хоть какое захудалое. Иначе придется добывать пищу охотой, чего Тишка, как сын лесного владыки, не любил. Полкан мог обеспечить хозяина дичью сам, вот только те же заячьи тушки после его клыков, рогов и когтей выглядели неаппетитно, да и чистить-потрошить их было весьма проблематично...

Как же все трое обрадовались реке, пересёкшей их путь около полудня! Светозар к тому времени совершенно изнемог от голода и еще больше — от тесной близости в седле хрупкого девичьего тела. Грюнфрид немедленно залезла купаться-умываться, совершенно не стесняясь своего мрачного рыцаря. Впрочем, до сего утра он ее тоже не особо стеснялся, надо же как всё обернулось вдруг...

Полкан зашел в воду на глубину по самое брюхо — и давай подцеплять на рога и клыки рыбину за рыбиной, выбрасывать на берег хозяину, который быстро сообразил костерок. Вскоре над речкой потянулся аромат копченой чешуи и малость подпаленных хвостов.

...Сидя на бережку, поплеывая косточками, обгладывая хребты, странники не забывали вертеть головами по сторонам. Вдалеке заметили брод: берега там сгладило течением, посредине со дна поднималась отмель, прикрытая мелкой водной рябью. А там, где поглубже, кто-то позаботился расположить цепочкой каменные валуны, скользкими макушками выглядывающие из воды. Переглянувшись, Светозар и Полкан согласно подумали об одном и том же: вот тут они и перейдут речку.

Когда предпоследние рыбины уже с трудом лезли в рот, а самые последние были завернуты в широкие листья растущего поблизости лопуха и отправлены в седельные сумки до следующего привала — они заметили, как через брод перебирается одинокая фигурка. Путник с огромной корзиной на голове рискованно легко перепрыгивал с валуна на валун, размахивая для равновесия обеими руками.

— Как это у него корзина держится-то? — изумился Светозар. Он вспомнил, что видел на Ярмарке у восточных купцов смуглых грузчиков, которые точно так же сновали по сходням галер с тюками товара на головах, на сторонний взгляд беспечно, будто совершенно не боялись упасть. А ведь падали, и не редко, и шеи ломали, бывало.

На их компанию путник либо не обратил внимания, спеша по своим делам, либо вовсе не заметил. Они же не думали прятаться, но и знакомиться тоже не собирались. Просто сидели, наблюдали и молча жевали.

— Ох! — Светозара кольнула вина, будто он своими мыслями сглазил путника с его опасно раскачивавшейся корзиной.

Тот прыгал-прыгал да допрыгался — не удержал груз на макушке, а корзина утянула его самого в сторону и назад. В итоге раздался двойной, донесшийся даже до них громкий плеск — бултыхнулись оба, и корзина, и путник.

— Бедолага, — выразил общую мысль Тишка. Но на помощь не спешил: там же мелко, сам выберется.

Путник действительно выбрался обратно на отмель довольно шустро. Тем временем корзину снесло течением в сторону, где было уже глубоко. Увидев свою уплывающую поклажу, путник заволновался, похоже, он не умел плавать. Но всё-таки рискнул — кинулся снова в воду, догонять корзину, хорошо хоть та намокала медленно и не спешила уходить на дно.

Тишка от переживаний встал на ноги, вытянул шею, внимательно следя за происходящим. Корзина плыла, раскачиваясь и кружась, медленно погружаясь в воду... А ее хозяин что-то не показывался на поверхности. Подозрительно долго не выныривал!

У Тишки не хватило терпения гадать, выплывет несчастный или утонет — кинулся сперва вдоль берега, потом ласточкой сиганул в воду, даже не потрудившись сапоги снять. Полкан подхватил Грушу зубами, забросил себе на спину — и поскакал следом.

Светозар, как истинный герой, помог утопающему, вытянул на поверхность. Тот впрямь умудрился наглотаться воды за пару минут своего подводного плаванья. Тишка выволок его на берег, принялся приводить в чувства, вытряхивать из легких воду. Полкан же, ссадив Грушу на землю, мысленно велел ей расстегнуть подпругу и ремни — и, ловко выскользнув из сбруи, налегке прыгнул в реку, поплыл догонять корзину.

Груша, схватив в охапку седло с сумками и упряжь, поспешила к Светозару... и пораженно остановилась в десяти шагах от мокрых «купальщиков», выронив всё из рук на траву. Она смотрела на кашляющего путника широко распахнутыми глазами — и не могла понять, почему ее вдруг заколотила дрожь, почему сердце сжалось от ужаса, разум

помутился от бешеной злости. И только запах этого человека, долетевший до нее с дуновением речного ветерка, моментально разрушил преграды памяти. Перед глазами вспыхнула и погасла картина из прошлого — этот же человек... Нет, не человек! На коленях перед ее родителем, оправдывается, кричит, умоляет... Красная вспышка, пронзающая боль — Грюнфрид ударяется спиной о стену, в руках клинок, на клинке кровь. И бьющий в нос запах... дракона.

Грюнфрид перевела взгляд на Светозара, что склонился над спасенным, помогая ему сесть. Неужели полуэльфийский нюх настолько слабее, чем гоблинский? Неужели он не понимает, кого вытащил из реки? Она видела: не понимает. Для ее рыцаря это был лишь человек, нуждавшийся в помощи. Даже для Полкана, который подошел с пойманной корзиной в зубах, оставляя после себя следы луж — даже для адского коня это был лишь случайный путник.

Грюнфрид взяла себя в руки. Нельзя показать, что она его узнала. Она приветливо улыбнулась, когда Светозар ее представил их новому случайному знакомому. Никто не поймет, каких усилий ей стоила эта кривая улыбочка! Тот скользнул по ней взглядом — и на мгновение его вишневые глаза с вертикальными зрачками так же изумленно расширились, как ее, оранжевые. Драконьи.

— Руун Марр, — назвался в ответ спасенный. — Благодарю за помощь! Не представляю, что бы я без вас делал... Хотя нет, прекрасно представляю: булькал бы сейчас на дне речном, — он рассмеялся, сердечно пожимая руки своего героя.

Светозар заулыбался в ответ:

— Не мудрено утопиться — с такой-то корзиной! — заметил он. — Как ты ее вообще носишь на голове, эдакую здоровенную?

— О, на самом деле там ничего тяжелого, это сейчас она намокла, — охотно пояснил Марр. Открыл корзину — и по воздуху разлился вкусный аромат свежеспеченного хлеба. — Иногда с нею бывает куда удобнее, чем с заплечным мешком, например на узкой горной тропинке. Мне просто лень ходить в деревушку за хлебом слишком часто, всё-таки путь неблизкий. Вот, выиграл время! Это был мой запас на неделю вперед.

Он грустно вздохнул. Предложил:

— Может быть, вы не откажитесь взять себе хоть немного? Если прямо сейчас караван подсушить над огнем, их еще можно будет съесть, день-полтора хлеб останется пригодным. Жаль всё это выбрасывать, я же один не управлюсь, а у вас вон конь какой большой. Он у тебя хищный или всеядный?

Тишка заулыбался еще шире, с живостью поддержал разговор. Ему явно понравился этот парень, который казался таким открытым и доброжелательным. Грюнфрид придирчиво присмотрелась: действительно, на вид ничего жуткого. Даже красивый — на чей-нибудь прихотливый вкус, но точно не для нее. Высокий, почти как Светозар. В меру мускулистый, далеко не худосочный: в талии слегка расползся, вероятно от скучной спокойной жизни — булками питается, еще бы не растолстеть. Однако движения легкие, грация змеиная. Голос вкрадчивый, словно ладонью по мягкому бархату водишь. Чуть смугловатый, вернее сказать загорелый. На лице, на гладкой золотистой коже без щетины, выделяются сочные губы четкой формы, темно-вишневые до черноты, словно обожженные внутренним огнем. И подкупающая белозубая улыбка. Если уж она, гоблинка, для людей не выглядит отвратительным чудищем с ее зеленой кожей и сиреневыми губами, то Марру вообще легче легкого выдавать себя за обычного смертного. Слегка странного, но человека. Только узкие

зрачки выглядят подозрительными, но даже багряный цвет радужки сойдет за оттенок карего. А глаза, по-восточному подведенные по кромке век черными стрелками, он обычно прикрывал чёлкой, сейчас мокрой от «купания» и отброшенной назад. Болтая со Светозаром о пустяках, смеясь, Марр отжал свои длинные, до пояса, волосы, темные с прядками алого и черного цветов, заколол высокий хвост на макушке. Поправил челку...

— Ой, какие у тебя глаза необычные! — наконец-то заметил Тишка.

Прежде чем тот успел что-либо сказать в ответ, Светозар придвинулся к нему вплотную, встав на колени, тогда как растерявшийся Марр остался сидеть на земле. Тишка заставил его запрокинуть голову вверх, к солнечному свету, взяв его лицо в свои ладони. И заглянул в глаза, удивленно округлившиеся.

— Такой цвет редкостный, темно-красный, как стывшая кровь. С золотыми искрами, прямо как у Груши! — залюбовался Светозар, не замечая, что вгоняет собеседника в краску. — И ресницы роскошные. О, так это у тебя не краска? То-то я думал, как это от воды подводка не расплзлась. Открой-ка рот!

— Послушай... — заикнулся Руун Марр, пасуя перед натиском искреннего любопытства.

Тишка воспользовался случаем и заглянул ему в рот, обрадовался:

— Щеки и горло внутри черные! Вот это да! А язык, как у всех, розовый. Будто ты уголь всё время ешь, так интересно! Можешь закрывать, с зубами у тебя полный порядок, клыки не хуже, чем у Полкана, — пошутил Светозар, похлопал его по плечу, сел на место.

— Да, хозяин... — едва слышно вырвалось у ошеломленного парня.

— А как ты корзину приспособливаешь, с хвостом на темечке ведь совсем неудобно? — продолжал допытываться Тишка, не замечая, в какое смятение поверг своей непосредственностью нового знакомого.

— Наоборот, я же волосы кренделем закручиваю, чтобы дно корзинки на макушку не давило, — взял себя в руки, вновь засверкал беззаботной улыбкой Марр. Продолжил болтать о ерунде, а сам неприметно на тихую гоблинку всё косится, не упускает ее из поля зрения, справедливо ожидая подвоха в любой момент.

Полкан оказался проницательнее добродушного царевича: почувал, как давится ненавистью Грюнфрид, что аж челюсти заболели от натянутой улыбочки. Конь подошел к ней, вопросительно толкнул мордой в плечо. Но что она ему могла сообщить? Показать смутные вспышки воспоминаний? Да и зачем? Это лишь ее дело. В этот момент она поняла, что втягивать в план мести Светозара — бессмысленно и неправильно. Да и бесполезно. Как ее рыцарь постоянно говорил: «покорить дракона?» Не «победить», не «убить», не «поразить»...

Впрочем, именно поразить дракона ему прекрасно удалось. Марр смотрел на златовласого красавца зачарованно, глаза затуманились несбыточной мечтой. Уж она, Грюнфрид, постарается, чтобы эта мечта о дружбе между случайно встретившимися путешественниками никогда не сбылась!.. Эх, и опять всё не так: они встретились не случайно. Ведь Руун Марр и есть цель их странствия. Неужели в роще дриад всё равно не получилось бы смертельной битвы рыцаря и дракона? Грюнфрид хотелось зареветь от злости, от обиды, от безысходности. От душащей глупой ревности.

Полкан сочувствующе фыркнул ей в ухо, прошелся мягкими губами по щеке. И сердито зыркнул в сторону Марра: чудо-конь ощутил, что недавнему знакомцу вовсе не следует безоглядно доверять. Лесной царевич снова играет с огнем! На сей раз его противник

отнюдь не столь прост, как тот плешивый барон. Этот оболыщает улыбками и остроумными речами — от такого кокетства Тишка сам охотно потеряет голову!.. Ах, нет — похоже, уже потерял. Полкан сердито ударил копытом в землю, вырвал сжавшимися когтями кочку травы — как можно быть таким слепым?!

Между тем спевшаяся парочка, очарованная друг другом, переместилась от реки ближе к лесу. Там сложили костер и на весело занявшемся огне принялись просушивать «утопшие» хлебные караваи. Полкан от переживаний сырыми умял штук пять. Марр попытался угостить коня из своих рук, но скакун доверял ломать караваи на куски только гоблинке. К Грюнфрид Руун осмотрительно не подходил, отвечая на ее колючие злые взгляды своими, тяжелыми, темными, изучающими, непонятными, от них Грушу колотила дрожь хуже прежнего. Нет бы ей сразу намекнул, что вспомнил ее, убивать-де будет всенепременно, мучительно и страшно! Нелюдь и есть нелюдь — запугивает неизвестностью, гад такой. Поди разгадай, о чем думает, что замыслил.

Видя, что процесс просушки Светозару не дается, караваи у него получались обугленными то с одной стороны, то по всей корке целиком, Марр, дабы спасти остатки хлебов, принялся с усиленным вдохновением отвлекать своего помощника разговорами. Очень быстро Тишка разболтал о себе практически всё что можно. На объявленную цель путешествия («покорение дракона») Руун выразительно изогнул бровь, покивал: «Избавить местных жителей от разорительных набегов чудища — дело хорошее, богоугодное». На обмолвку: «всегда мечтал быть героем без страха и упрёка» — собеседник весьма кстати припомнил, что по пути сюда видел шайку разбойников, засевших в кустах.

— Они явно кого-то сторожили! — заметил между делом Марр. — И явно не меня, корзина с хлебом их не заинтересовала. Поэтому я сделал вид, что не вижу их гнусные хари сквозь редкую листву, и прошел своей дорогой.

— Уж я бы показал им, как строить ловушки честным людям! — вырвалось у Светозара.

— И ведь это было совсем недавно, — добавил Марр, кинув на героя понимающий взгляд. — Возможно, они всё еще там. Грабят кого-нибудь, мучают или убивают. Прямо сейчас и убивают.

— О, Небеса! Я должен их остановить! — моментально принял решение Тишка.

— Ради всего святого, будь осторожен, — от души посоветовал Руун Марр. Не обращая внимания на недобрые взгляды коня, он сам собрал хлеба, которые они успели просушить и не спалили до углей, положил в сумки Полкану, наказав съесть их в течение дня. — Тогда в добрый путь, о мой герой! Я очень рад, что судьбе было угодно свести нас, пусть для этого мне пришлось вымокнуть до нитки.

— Благодарю, я тоже рад! — улыбкой на улыбку ответил Светозар. — То есть, не тому, что ты чуть не утонул, но... В общем, нам нужно спешить!

Как никогда в этот момент Грюнфрид пожалела, что не смогла ни слова вставить, а то высказала бы своему рыцарю всё, что накипело в ее душе. Вместо этого ей пришлось позволить Марру прикоснуться к себе: посадить в седло позади Светозара, который загорелся идеей сражения с разбойниками, один против банды, да так ярко загорелся, что едва не забыл о своей маленькой спутнице.

Пока конь скакал сквозь рощу, подгоняемый нетерпеливым всадником, у Груши буквально горела кожа в тех местах, где к ее телу прикоснулся Руун Марр. Пусть касание было мимолетным, через одежду, объясненным услужливостью и заботой о ней же, пусть он не причинил ей боли или неудобства, гоблинка ощутила себя оскверненной. Заклятый враг

остановил торопливого рыцаря окликом и любезно подсадил ее в седло! Такое унижение естественно не улучшило ей настроение.

Когда Полкан притормозил перед перекрестком двух лесных дорог, Грюнфрид уже настолько распалилась от несказанной злости, клокотавшей внутри, словно котелок с обжигающим варевом из желчи и горечи, что гоблинка едва удосужилась рассмотреть, какое-такое сражение, собственно, перед ней развернулось. Она спрыгнула с коня, опередив Светозара, причем выхватила у своего растерявшегося рыцаря кинжал, что висел в ножнах на поясе — и понеслась вперед, врезалась в драку, раздавая беспощадные удары направо и налево, не щадя промежности и колени врагов — выше достать рослых мужланов не получалось.

Полкан сделал пару шагов назад, внимательно следя, с какой яростью Груша крушит разбойников. Светозар спешил — и тоже замер, пытаясь сообразить, с какой стороны приступить к этому клубку, чтобы не попасть под горячую руку своей же подопечной.

До их вмешательства расклад получался такой: восемь разбойников немытого вида лениво и с тупыми шуточками колошматили одного рыцаря в помятых доспехах и порванном плаще — бледного юношу со взором горящим, у которого клинок в руках плясал не от избытка мастерства, а от недостатка храбрости. Чуть в стороне еще двое бандюг прижали к дереву рыцарского оруженосца, пухлого коротышку крестьянского происхождения, который отважен был исключительно на словах, но не на деле.

Когда в процесс вмешалась гоблинка, расклад изменился кардинально: юный рыцарь воспрянул духом, мечом стал орудовать куда успешнее, хотя всё равно старался ударять клинком плашмя, чтобы случайно никого не убить насмерть. Оруженосец также воодушевился, поверил в то, что неминуемая кончина откладывается — и принялся бить разбойников не одним лишь словом, но и кулаками. Втроем они навели на банду такой страх, что главарь выкрикнул приказ:

— Ну их на, братаны! Нам заплачено за одного зайца с хомяком, а тут лягушка бешенная прискакала! Пушай тот хмырь сам с ними разбирается!

Светозар ловко поймал одного из «братанов» за шиворот, когда тот пробежал мимо, спасаясь от безмолвной жуткой гоблинши:

— Скажи-ка, любезный, что за хмыря помянул ваш главарь? Напали-то по заказу, стало быть?

Пойманный разбойник вывернулся из-под его руки, открыл было рот — да так и остался с открытым, ни матюгнуться, ни заорать не посмел. Выпучился на что-то поверх плеча Светозара и замер столбом. Тут остальные братаны подоспели — как по команде все брызнули разбежаться в разные стороны, так двое захватили того, который остолбенел. Да не удержались, тоже глянули, на что тот вытаращился. И заорали:

— А-ааа!!!

С воплем и унеслись, волоча за собой третьего.

— Черт, не удалось допросить, — расстроился Светозар.

Обернулся — и расстроился еще больше, сообразив наконец-то, что за плечом у него стоял Полкан, который своим видом и довершил победу над бандой. Самому же Тишке не то что не дали проявить себя героем — он даже меч обнажить не успел!

— Спасители! Спасибо вам!!! — с восторженным криком к гоблинке кинулся оруженосец.

Груша как раз подняла с земли запыхавшегося рыцаря, только-только принялась

отряхивать со светлого плаща пыль и соринки. Нет же, крепыш-оруженосец налетел, схватил ее в объятия, саму чуть не уронил, да чуть не пихнул обратно на землю собственного господина, тот и без того держался с трудом, стоял, на ветерке пошатываясь. И ведь Грюнфрид ни рывкнуть, ни пискнуть не могла, чтобы оруженосец поставил ее на землю и прекратил кружить под свои же немелодичные вопли. А стукнуть парня, чтобы опомнился поскорее, тоже не получалось, он ее так крепко стиснул в охапке, что руки не освободить. Поистине у нее сегодня неудачный день!

Светозар своей подопечной не завидовал, нет. Он стоял, смотрел на это всё, и самого себя внутренне грыз за то, что не сумел себя проявить даже в столь пустяковом сражении, позволил маленькой девочке сделать всё за него. Какой же он после этого герой? Абсолютно никудышный.

— Господин, гляньте, это ведь девчушка! Всю шайку девчонка разогнала! — продолжал восторгаться Грушей оруженосец, но на землю ее хотя бы поставил. Зато принялся с преувеличенной заботой смахивать с ее одежды соринки, не обращая внимания на безмолвные протесты. На своего избитого рыцаря, к которому обращался, коротышка даже не посмотрел, увлеченный благодетельницей. — Такая хорошенькая, пусть и зелененькая! Такая ладная, хоть и ниже меня росточком! Ух, так бы и расцеловал — в благодарность!

Груша насуплено зыркала на него своим как никогда драконьим взором, но поклоннику хоть бы что, умилялся еще пуще.

— А что тут у вас, а? Разбойники?

Грюнфрид охнула — и мигом спряталась за рыцарем, прикрылась пыльным плащом.

Тишка обернулся на голос: кому бы не пропасть! Гоблины высыпали из кустов на дорогу, причем каждый держал в руках вместо оружия по половине обкусанного каравая, не прекращая жевать на ходу. На приветствие Светозара старейшина пояснил, взмахнув хлебом:

— Там у речки сидит какой-то мужик, грустный-прегрустный! Над костром хлеб печет, вот чудила, его ж богиня да благословит. Нас увидел, зазвал подойти, каждому в руки выдал во-от такую буханку! Денег не спросил. И счастливого пути пожелал. Вот же люди на свете бывают чудные!

Руун Марр громко чихнул. Всё-таки купание в холодной реке даже огненному дракону здоровья не прибавит. От чихания он едва не выронил последний оставшийся у него каравай в огонь, чертыхнулся, поймав руками горячий хлеб. Марр всё никак не мог решить: здесь над костром одежду посушить, или как есть свернуть в мокрый узелок и вернуться домой, а там уж не торопясь развесить возле входа в логово, к утру высохнет. Но ведь и с гривой что-то надо делать. Подниматься в небо в мокром виде не особо хотелось — ветер всё-таки, можно окончательно замерзнуть и даже простудиться. А при простуде у него всегда жутко болело горло, с таким горлом огонь не изрыгнешь, а значит, останешься беззащитным...

От невеселых размышлений его отвлекло появление птицы. К костру подлетела сорока, опустилась на землю, прошлась взад-вперед, словно изучала следы, оставленные Полканом и Светозаром. На застывшего Рууна птица не обратила никакого внимания. И зря. Зато Марр заметил, что у сороки к ноге привязана ниткой крошечная трубочка из бересты — не иначе как футляр для записки! Руун заинтересованно хмыкнул, кашлянул. Вестница новостей подозрительно покосилась в его сторону, подпрыгнула, распахнула черно-белые крылья, намереваясь улететь... Узкая струя огня настигла бедняжку прямо на взлете. На землю рядом с костром упала обугленная птичья тушка, пахнувшая жареным мясом и палёными

перьями.

Руун Марр неторопливо подошел, поднял «дичь», вздохнул: ох уж это внезапное чихание! Воистину огнедышащему дракону опасно простужаться.

Чтобы птичка не сгинула зря, он решил дожарить ее, бедняжку, насадив на палочку и пристроив над костром. Чтобы послание не пропало, ему пришлось отвязать от «окобочка» футлярчик, чудом не сожженный огнем. Записка, найденная внутри, не пострадала, даже не обуглилась нисколько. Чтобы доставить послание по адресу, Марру пришлось его развернуть и прочитать...

— Ого! Хм-м... А... Ап-чи!!!

Руун Марр виновато вздохнул: доставить послание теперь точно не получится, ибо доставлять нечего — из-за очередного чиха тончайшая бумага в мгновение ока рассыпалась пеплом прямо в руке. С другой стороны, он мог бы на словах передать срочное сообщение... Пожалуй, он передаст. Хотя и не обязан — всё-таки мало кто может управлять своим чиханием, поэтому вины за собой Руун не ощущал. Так что бежать догонять путешественников из-за весточки из дома он не станет. Скажет потом, если снова встретятся. Обязательно скажет. Если не забудет, конечно.

Сильван нашелся в саду позади дворца. Яблони по прихоти Яра тут цвели круглый год, под дуновением ветерка сбрасывая невесомые лепестки на дорожки, вымощенные кругляшами лиственницы. Сливы в нежно-розовой дымке и вишни не отставали от яблонь в красе. (Причем имелся у Яра и другой сад, чуть подальше от дворца, там деревья круглый год были увешаны спелыми плодами. А с недавнего времени там и оливы появились — совершенно невкусные по мнению Милены ягоды.)

Милена не отказала себе в удовольствии подсмотреть и подслушать: притаилась за крыжовником, чуть раздвинула ветки, наострила ушки. Ее суженого окружала детвора — прыгучие шуликуны, маленькие застенчивые лешачки, страшенькие и в то же время кокетливые кикиморки, среди них затесались и мелкие гоблины, быстро сделавшиеся в этой пёстрой компании своими. И вся эта горластая, шустрая орава — на одного Сильвана. А тот ничего, на удивление не сбежал — поддался на уговоры поиграть, терпеливо сносил визги и хохот, глупые вопросы, суету и дерганье за рукава и подол мантии.

Милена с гордостью любовалась и тем, как же хорошо под ее руководством придворные мастерицы одели и обули некроманта — из задохлика колдун сделался стройным принцем! Хотя нет, она готова была поклясться, что на свете таких пригожих принцев не найти. Ведь ее жених вовсе не человек, а темный ангел смерти! Людские принцы с ним не сравнятся. С ног до головы хорош: от мягких сапожек на каблучке, от специально по ее заказу зауженных штанов, облегающих стройные ноги — до капюшона элегантно приталенной мантии. Причем широкий капюшон, отороченный по кромке блестящим черным мехом, теперь всё чаще оставался разложенным на плечах: привыкнув и пообжившись здесь, Сильван забывал прятать голову от света.

Кстати, как только достаточно окреп, он потребовал у Яра выделить себе чулан под алхимическую лабораторию — и первым делом составил средство, чтобы отбелить волосы. Так что к царвнинному огорчению, фиолетовый оттенок на серо-стальных шелковых прядях сделался почти незаметным. Зато при дворе появилась новая мода среди мавок и русалок —

выбелить кудряшки. Правда, получалось у девочек по-разному, у кого-то хорошо, у большинства нелепо до цыплячьей желтизны. Одна даже облысела, передержав состав — с воплями и слезами прибежала к царю, бухнулась в ноги, ревя белугой. Яр посмеялся, но сжалился: положил благословляющую длань на глупую голову, вырастил дурочке новую косу, лучше прежней.

Однако игры играми, любоваться на улыбающегося некроманта Милена могла сутки напролет. Но пора и честь знать. Царевна сделала вид, будто только что пришла — нарочито громкими шагами вспугнула детвору, разлетевшуюся кто куда, точно стая воробьев.

Сильван перед явившейся царевной слегка смутился, застигнутый за неположенным мрачному некроманту времяпрепровождением. Та же напустила строгости, как нянька: мол, кушать подано! Раз велел владыка кормить подопечного десять раз на дню маленькими порциями — извольте идти третий раз обедать!

За питанием (вернее сказать, откармливанием) чернокнижника Милена следила сама, даже ревностной гоблинше не доверяла. Изобрела диету для прихотливого «питомца»: черничные пироги, блинчики из темной черемуховой муки с черносмородиновым вареньем. Чернослив клала везде, куда можно. К крепкому черному чаю — ржаные пряники, на которых сахарной глазурью рисовала косточки и черепушки. Морс из черноплодной рябины или из ежевики, к красному хорошо прожаренному мясу — кисло-сладкий соус из терновника. Темный квас или темное пиво — это в компании с Яром. Белые грибы не давать! Если яйца — то перепелиные. И так далее в том же духе.

Послушно вернувшийся в свои покои Сильван уселся за стол и с плохо скрываемой тоской посмотрел на миску наваристого борща. Заикнуться о ложке белой сметаны он постеснялся. Царевна же, хлопоча вокруг стола, боролась с тайным искушением повязать подопечному салфетку на шею и кормить с ложечки, как это у нее на глазах неоднократно проделывал отец. Вот только Яру Сильван позволял куда больше, чем ей. Вздумай она подобное вытворить, пожалуй, еще подавится от возмущения и смущения...

Спокойное течение трапезы нарушило непредвиденное событие. В глубокой тарелке прямо перед некромантом вдруг забурился борщ, поднялся фонтанчиком из середины, превратившись в подобие головы. Из кусочков овощей причудливо сложились усы и борода, благодаря чему Милена безошибочно опознала водяного воеводу:

— Лещук Илыч! Вы что это вытворяете? — удивилась она.

Сильван от неожиданности сего явления в собственной тарелке пугливо отпрянул от стола, но царевна положила ему руку на плечо и заставила сесть на место. Чудеса чудесами, но обед никто не отменял! Пусть первое блюдо сделалось по вине водяного неаппетитным, зато припасена еще тарелочка с ароматными грибными котлетками и румяные пирожки на десерт. Дело Милены — откормить. А мышцы некромант и сам нарастит, играя с нею «прятки» по всему дворцу и окрестностям. Вот неужто своим чернокнижным начитанным разумом не понимает, что не скрыться ему от ее чувств? Что еще больше распаляет в ней страсть, заставляя гоняться за ним, как кошку за мышкой? Впрочем, Милене этот азарт охоты даже нравился.

— Яр-батюшка обмолвился, для Сильвана Иваныча потребны-де людские мертвяки, коли такие появятся, — сообщил водяной из тарелки, забавно шевеля капустными усами. — Так вот, есть у меня тут два тельца. Нужны ли такие? Или прикажете на тот берег выбросить, пускай смертные их сами хоронят?

Сильван под крепкой рукой царевны замер.

Лещук Илыч с пузырями в тарелке утонул, зато вместо себя явил иной фокус: борщ по поверхности застыл, сделавшись гладким, словно темное зеркало. И в этом круглом зеркале отчетливо возникла картинка, как если бы с высокого берега смотреть на реку: два мальчишки, лет десяти-двенадцати, раскинулись на воде, лицами вниз. А рядом — перевернувшаяся кверху дном лодка и сломанное весло.

Сильван в непонимании оглянулся на Милену — и поразился, с каким холодным любопытством та взирает на утопленников в тарелке, словно на мух, без малейшего сочувствия к погибшим. Дочь ведьмы и лесного царя, похоже, совершенно не ощущала себя человеком. От этого открытия Сильвана бросило в оторопь больше, чем от внезапного появления водяного и лицезрения малолетних покойников.

Картинка исчезла, а водяной вылез снова:

— Ну так что, нужны? Али можно на дно утянуть, сомам на корм? Я-то утопленников предпочитаю постарше, да желательно девиц — из них красивые русалки получаются. А эти мне без надобности.

— Они ведь недавно перевернулись? — уточнил некромант.

— С четверть часа, — отозвался водяной.

Милена пожала плечами, предлагая решить Сильвану. Тот решительно убрал ее руку со своего плеча и поднялся:

— Вытащите их, пожалуйста, на берег. Я хочу их осмотреть.

Кивнув, водяной растворился в борще.

— Ванечка, зачем они тебе? — спросила Милена. — У нас во дворце и так слуг полно, сколько хочешь себе возьми.

— Будь добра, прикажи оседлать коня и вели кому-нибудь проводить меня к этому месту, — вместо ответа потребовал чернокнижник.

— Ой, ну если надо, так я сама тебя и провожу, — заявила царевна, которой была безразлична судьба утопленников, а вот отпускать жениха одного совершенно не хотелось, пусть даже ехать тут недалеко. — Ты садись и кушай пока, а я распоряжусь.

Она ненадолго отлучилась — и вернулась, переодетая в мужской костюм, очертивший ее женственную фигуру еще более соблазнительно, чем обычные струящиеся сарафаны и платья. Сильван даже немножко покраснел и отвел глаза. Милена сделала вид, будто его смущения не заметила. Подошла к столу, наклонилась низко, якобы рассмотреть половинку котлетки, которой несчастный маг послушно давился в ее отсутствие. На самом же деле для того, чтобы продемонстрировать бюст, обтянутый тонкой рубашкой, с самого выгодного ракурса. Огорченно вздохнув над растерзанной котлеткой, Милена взяла нетерпеливого жениха под локоток, повела к конюшням.

Коня к удивлению некроманта для них оседлали только одного, пусть и здоровенного. К еще большему удивлению, царевна не стала оборачиваться горлицей или еще какой зверюшкой, не для того она в штаны переодевалась. Она взлетела на коня, опередив Сильвана — и подала ему руку, чтобы легко вздернуть его, подкинуть, точно пушинку, и усадить в седле впереди себя, как принцессу.

Пока некромант пытался обрести дар речи, временно утерянный из-за захлестнувшего возмущения — время возмущаться он упустил. Милена ударила коня каблуками под бока, завладела поводьями, второй рукой обняла мага за тощую талию и бережно прижала к себе, к своей мягкой груди его худыми лопатками.

Половину пути Сильван вынужденно молчал, сторя от стыда и униженности своего

положения.

Спас его сам Яр — почувствовал через Лес, как зачастили сердца некроманта. Отец мысленно связался с дочуркой и строго на нее прикрикнул, да так громко, что даже Сильван услышал раздавшееся по Лесу эхо:

«Милка, немедленно прекрати!!!»

— Что прекратить, папочка? Я ничего такого! — невинно отозвалась царевна.

Дальнейший их разговор остался для некроманта загадкой. Однако тесно прижиматься царевна перестала. И даже уступила ему поводья вместе со стремянами. Сама же смиренно принялась указывать, куда ехать.

Дабы скрыть своё огорчение, Милена трещала сорокой всю дорогу до речки, отвечая на незадаанные вопросы и многословно описывая, что за тем поворотом тропинки, да что такое там вон вдалеке на пригорке... Сильван горько порадовался одному: что мальчишки уже утонули, а не ждут помощи — при таких-то, как он с царевной, «торопливых» спасателях.

Лещук Илыч поджидал на берегу, теперь собственной персоной лично, да со свитой из русалок и водяных помладше. Деловито поздоровавшись с некромантом, воевода предъявил ему два промокших до нитки бездыханных тела.

Сильван всё еще не чувствовал уверенности в непривычном окружении, однако именно сухая деловитость водяного помогла ему справиться с волнением. Всё-таки давно он не практиковал черные чары...

— Ох ты ж! Ожили, гляди-ка! — зашептались речные жители. И заторопились на быстрину перевертывать лодку, отчерпывать воду, вылавливать второе весло, ушедшее на дно.

Сильван закончил заклинание, мысленно закрепил сплетенный узор чар на телах, чтобы со временем чары развеялись, оставив после себя естественные потоки жизненных энергий. Открыл глаза — и вздохнул с облегчением. Мальчишки кашляли, морщились, но дышали. Он присел на траву возле «утопленников», помог им сесть, наклониться, чтобы легче было выкашлять воду из легких.

— Ванечка, как здорово! — восхитилась умением жениха Милена. — А я думала, ты их на кусочки резать станешь!

Мальчишки подняли головы, прищурились на спасителя с недоверием, очень уж необычный он был на вид:

— Ты кто? — хрипло потребовал ответ старший. — На колдуна похож!

— Я — дочь Лесного царя! — встряла Милена, отодвинув мага плечом. — А это мой муж — Сильван Бессмертный!

— Бессмертный? — поёжились мальчишки, переглянулись. — Кощей нешто?..

Оба снова уставились на некроманта, в недоумении хлопающего глазами. Кивнули друг дружке:

— Точно, Кощей!

И подхватившись с земли, взявшись за руки, спасенные утопленники ринулись к речке с единым воплем:

— А-А-А!!! Дочка лесного царя за Кощея замуж вышла-а-а!!!

Речные жители им лодку придержали, чтобы снова не перевернули, с разбегу запрыгнув-то, весло дали в трясущиеся руки — и отпустили восвояси. Разве что платочками вослед не помахали.

Быстро грести у мальчишек сил не хватало, да и одно весло разогнаться не позволяло

шибко, так что пронзительные перепуганные крики еще долго разносились над речкой.

— Муж? — не утерпел-таки, выразительно выгнул бровь Сильван, когда отправились назад, обе пешие, ведя коня в поводу.

— Ой, Ванечка, не бери в голову! — зардевшись, отмахнулась Милена. — Это я так, чтобы мальчишек припугнуть. Чтобы не лезли в омут, не зная броду.

— Мальчишки-то скоро забудут, — негромко произнес некромант, отвернувшись от спутницы, словно бы увлеченный видом на заболоченный овраг. — А мне забыть ты разве позволишь?

Уличенная царица хихикнула.

— Чего ты хочешь добиться своей настойчивостью? — прорвало некроманта. — Чтобы я привык?

— Ага! — охотно кивнула Милена.

— Чтобы доверял тебе? — продолжал с плохо сдерживаемой горячностью маг.

— О, вот бы да! — согласилась царица.

— А если я поверю? — предположил Сильван. — Если позволю играть с собой? Опекать, оберегать, помогать во всём, укладывать спать, кормить с ложечки.

У Милены от предвкушения мечтательно затуманился взгляд.

— Позволю умиляться на мою никчемность и беспомощность. Как скоро тебе это надоест? Когда наскучит лелеять такое ничтожество? Когда у тебя раскроются глаза — и ты выставишь меня за порог, как ленивого кота, который разучился ловить мышей? И что тогда мне делать? Скрестись в дверь и жалобно мяукать?

Милена на мгновение представила мяукающего мага — и кровь бросилась к щекам. Коварный некромант, сам того не заметив, подбросил ей очаровательную идею, она загорелась страстью когда-нибудь заставить произнести его чувственное и нежное «Мяу!» Наверное, она настоит на этом в их первую брачную ночь.

— Отступишь теперь, пока еще не поздно, — мрачно попросил Сильван. — Я устал обманываться.

Милена упрямо помотала головой:

— Поздно. Для меня слишком поздно, Ванечка. Я понимаю, ты всё равно будешь ждать от меня предательства.

Сильван поежился от ее слов, попавших точно в цель.

— Я не знаю точно, что там у тебя случилось с твоим драконом, папка сказал, ты сам потом расскажешь, если захочешь. Только никто тебя не научил верить в настоящее чувство, не ожидая подвоха. Ты вон и папке не поверил. Даже если я буду клясться тебе, что никогда тебя не брошу, никогда не разлюблю — ведь это только насторожит тебя, — вздохнула Милена, глядя себе под ноги. — Тогда я могу сказать лишь одно: я дочь своего отца. Ты знаешь Яра. Знаешь, что назвав кого-то «своим» однажды, он никогда не отступится, никогда не откажется. Я такая же.

Сильван усмехнулся:

— Хороший поручитель. Однако при этом Ксавьер... то есть Яр — противоположность собственного отца. Так что нет. Позволь мне не поверить этому доводу.

Милена снова вздохнула, против столь справедливого примера не возразишь. Так она и молчала, сосредоточенно сопя, погруженная в размышления весь обратный путь, пока не показались над дубами шпили дворцовых башен. Тогда она вернулась к волнующей теме. Заявила, глядя в глаза, (а чтобы Сильван не отвернулся, для верности взяла его за воротник

обеими руками):

— Ванечка, ты всё равно от меня не отделаешься. Я найду способ растопить твоё сердце. Ведь не твоя вина, что оно заледенело. Я буду любить тебя так, что ты поймешь — ты вовсе не ничтожество. Потому что никчемную бестолочь так сильно любить невозможно. Ванечка, ты особенный! А для меня — самый-самый!

Сильван невесело улыбнулся на её спокойную уверенность. О нём она может говорить что угодно, он-то себя знал лучше. Была б его воля, давно бы покончил с собой, чтобы никому больше не отравлять жизнь своим смертельным невезением, тем более Милене. Только пока рядом Яр, все попытки будут бессмысленны — вытащит из-за грани, усюстит, стыда не оберешься. А главное, что его держало на этом свете — беспокойство за названную дочь. Удостовериться бы, что с Грюнфрид всё хорошо, что она не добралась до дракона, не вызверила его своими попытками отомстить, не полезла в огнедышащую пасть...

Во дворце их ожидали новости: поночуги по-прежнему не отыскивали дитя некроманта. Однако они сумели связаться с мужчинами гоблинской деревушки. Передали им выведенное на бересте письмо от старейшины деревни с приказом возвращаться домой и оставить дальнейшие поиски поночугам. (Вернее, отправляться туда, куда укажут ночные посланницы, ведь деревушка дружно перебралась на новое место). Однако мужчины отказались прерывать экспедицию, о чем сообщили в кратком ответном послании, накорябав оное прямо на обороте берестяного свитка. Якобы они то и дело нападают на свежие следы дитя, однако в последний момент эта непоседа ускользает буквально из-под носа. Теперь не только клятва «богине» их удерживает на чужбине, но на кон поставлена их честь охотников-следопытов!

— Не нагулялись, охламоны, — проворчала старшая гоблинша, она же личная горничная некроманта. — Чуют, что дома дел невпроворот, вот и не хотят возвращаться. А то ведь заставлю работать, избышки строить и огороды вскапывать — это вам не по холмам, по долам шастать, куропаток постреливая. Лентяи.

Оливковое личико недовольно наморщилось, но все прекрасно видели, что на самом деле старейшина переживает за своих мужчин. Впрочем, про избы и огороды она также преувеличила: Веснян по поручению Яра помог собрать достаточно лесных нелюдей в помощь, чтобы обустроить новое поселение, от рытья колодцев вплоть до теплых нужников на задворках.

— Что ж, подождем ответное письмо от Тишки, — подвел итог Яр. — Что-то мне подсказывает, что именно он привезет Грушеньку.

— Не он, а Полкан, — поправила Милена, не меньше отца доверявшая своей интуиции.

Их бы несокрушимую веру — да некроманту! Сильван в ту ночь от переживаний заснуть не мог. Не получалось, мысли мешали, страхи и здравые опасения заставляли ворочаться с боку на бок... Пока в темноте не прошуршали тихие шаги от двери до кровати. И он ощутил, как теплое тело прижалось к нему со спины.

— Спи, Силь, — шепотом приказал Яр, обняв, уютно накрыв обоих сбившимся лоскутным одеялом. — Вот скоро поправишься, наберешь вес, выдам за тебя Миленку — тогда спокойных ночей не будет.

Сильван выдохнул, поймав себя на легком уколе разочарования. Сам себе не поверил, но ждал он вовсе не друга, а его шумную дочку. Ис этой удивительной мыслью незаметно заснул.

...Утром оба глаза раскрыть толком не успели, как тут же зажмурились от внезапного

яркого света. И попытались спрятаться друг за дружкой — от возмущенных воплей царевны.

— Папка!!! — орала Милена, позабыв об уважении к старшим. Специально распахнула все окна настежь, впуская в спальню утреннее солнце, птичьи трели и прохладу, щиплющую сонные тела не слишком приятно. — У тебя совесть есть?!

— Солнышко, судя по тому, что тебе совести от меня не досталось ни капельки, значит, у меня ее не было, — проворчал Яр, по-кошачьи прячась в подмышке у некроманта. Благо тот дотянулся до своей черной мантии, висевшей на спинке кровати, и накинул им на головы, чтобы укрыться от слепящего солнца.

— Ах, ты ж!.. — задохнулась невыразимым возмущением Милена. Не нашла подходящих слов. Подумала было одеяло с них стащить, чтобы замерзли и взбодрились, однако поостереглась. В сердцах топнула ногой — и удалилась, выразительно хлопнув дверью.

— Ни спокойной ночи, ни тихого утра с такой женой не будет, — фыркнул Сильван.

— Угу, — сонно согласился Яр. — Может, я тебя себе оставлю? Пускай она за Тишкой едет, авось за границей себе кого-то поживее найдет, чем трижды мертвый некромант. А мы уж тут с тобой, по-стариковски, в тишине и покое доживем свой век. А?

— М-мм... — не стал сразу отказываться Сильван. Фыркнул: — По-стариковски? Да по эльфийским меркам ты же юнец сопливый! А если считать тебя повелителем лесного государства, учитывая средний срок роста деревьев...

— На себя посмотри! — надувшись, оборвал его рассуждения Яр. — По меркам чернокнижников и некромантов ты вообще молокосос!

Пришлось признать ничью, на чем спор и угас.

Позволив себе подремать еще с четверть часика, Яр, покряхтывая, всё же из постели вылез. Потянувшись, пятерней пригладил стоящие дыбом локоны... И подхватился, охнул — вспомнил, что на сегодня у него запланировано большое дело!

Стремительно выскочив из спальни, Яр полминуты спустя прибежал обратно, сунулся в дверь:

— Силь, не желаешь составить мне компанию и отправиться на войну?

Зеленолицая служанка, дежурившая под дверью и собиравшаяся предложить некроманту помочь с утренним умыванием и одеванием, при этом вопросе побледнела в легкую бирюзовость.

— На войну? — отозвался сладко потягивавшийся в постели маг. — А там будут трупы?

— Уж как получится, — многообещающе заявил лесной владыка. — По крайней мере из пары смертных было бы неплохо сделать управляемых мертвецов.

— А, это сколько угодно, сколько скажешь, — зевнул Сильван. — До начала твоей войны я успею принять ванну? Завтракать тогда не накрывайте, — махнул он служанке. — Перед работой лучше не набивать желудок.

Пусть завтракать Сильван отказался, (неизвестно еще, будут ли они кого-нибудь поднимать и в каком виде окажутся тела, в любом случае опозориться с отвычки он не хотел), зато Яр захватил с собой на войну целую корзинку снеди. Объяснил, что сидеть голодным не собирается в ожидании, пока эти смертные решатся приступить к делу.

Так и вышло. Устроившись на правом берегу Матушки, немного выше по течению от места слияния с Сестрицей и пониже того, где с левой стороны в Матушку впадала невеликая Сватынка, Сильван с Ярмом проскучали часа три, сидя в тени развесистого клена. Яр успел схрумкать десяток сочных яблок и половину берестяного лукошка вишен, по-мальчишески плюясь косточками с высокого обрыва. Сильван повздыхал — и тоже составил ему компанию. Правда «пулять» косточками в небо не решился, яблочные огрызки и косточки предоставил уносить заботливым муравьям, снующим среди травы. Вишни оказались сахарными! Еще бы, из личного заповедного сада лесного владыки.

К слову, от Дубравного дворца до берега путь оказался не особо близким, но верхом на лоснящихся конях они буквально долетели на считанные минуты. Яр выбрал место повыше, откуда противоположный берег отлично просматривался. Спешились, лесной хозяин наколдовал из трав плотный мягкий ковер, на котором и посидеть удобно, и полежать приятно, а коней отпустил пастись на заливном лугу, что раскинулся неподалеку, пониже обрыва. Скакуны недолго порезвились на суше, зашли в реку, нырнули... и не вынырнули. Сильван забеспокоился, но Яр лишь расхохотался: лошади в конюшне лесного царя были не те, что у смертных. Этих коней разводили водяные в своих темных омутах, потому и скакать они могли без усталости долгое время, летели со скоростью, недостижимой обычным животным. А вернутся «утопшие» кони на берег по первому же свисту хозяина. Яр со смехом предложил и Сильвану потренироваться в захватском свисте, да некромант пожалел скотинку дергать попусту, пускай спокойно пасутся у себя на дне.

— Кстати, Харон так меня через речные табуны нашел, — припомнил Яр, щурясь на яркое солнышко. — Прибился к одному, обрюхатил всех кобылок, разозлил тамошнего водяного своей беспардонностью и беспорядностью. После чего его поймали, понятное дело, и мне для суда привели.

— А почему он сделался Полканом? — уточнил Сильван. Немного обидно, когда твое творение, которого любишь почти как родного первенца, вдруг переименовывают.

— Это Луша, он ей старого пса напомнил, был у нее когда-то один брехливый, черный. Я долго не хотел их знакомить, думал, она напугается. Ан нет, оказалось, они за моей спиной сошлись полюбовно, она ему тайком от меня сухарики носила. И голову ломала, как бы у меня попросить, чтобы это чудище у нас оставить!

Яр улыбался, вспомнив давние времена, когда его Луша была еще совсем юная. Сильван тоже улыбнулся, но вышло у него кривовато.

Пока ждали начала военных действий, к Яру успели наведаться его подчиненные. Первым к царю за указаниями явился лесной воевода Сил Силыч Болотин, который ведал топким левым берегом Матушки, где сегодня как раз и должна была случиться война между православными горожанами и лесным народом язычников. Вторым ненадолго подошел уже

знакомый Сильвану водяной Лещук Илыч, начальствовавший над полноводной Матушкой.

Яр, утомившийся хрустеть яблоками, как раз решил отдохнуть — разлегся на травяном ковре, вместо подушки использовав колени приятеля. Сильван наедине был не против тесных объятий и дружеской близости, всё-таки привычки у бывшего эльфа никогда не изменятся, без толку ершиться. Но чтобы вот так, на виду у посторонних... Некромант смущался и прятал глаза — пока из-под глубокого своего капюшона не разглядел, что никому до его стыда нет дела. Похоже, здесь все давно свыклись с царскими прихотями и манерами. Лешии постарше и водяные смотрели на «их величество» с изрядной долей отеческого умиления, теперь перенеся отчасти такое отношение на самого Сильвана.

Единственной, кто ревностно возражала против «братских» объятий, была Милена.

— Выследила-таки, — вздохнул Яр, заметив в чистом небе стремительно приближающуюся дочурку, безошибочно узнав ее в образе горлицы. — Сейчас опять кричать станет.

— Папка!!! — Лесная царевна заорала на родителя, едва обернулась и ступила ногой на землю.

— Ну вот, — посетовал Яр, утомленно закрыв глаза, но не помышляя подняться с колен друга. — А так хорошо без нее сидели, тихо, мирно, грели на солнышке дряхлые косточки...

— Папка, ты опять?! Да еще тайком от меня?! Ну сколько можно!!!

— Милена, сколько можно! — негромко, но очень строго шикнул на дочь лесной владыка.

Та с непривычки к строгости сразу осеклась и притихла. Подошла неуверенно, робко присела на краешек ковра, вся — внимание.

Яр нахмурил брови и выговорил кровинушке:

— Ты можешь возмущаться сколько угодно, это не изменит того, что Сильван принадлежит не тебе одной.

Сильван под капюшоном фыркнул с веселой горечью: опять его делят! И ни слова, что он вообще-то свободный маг и принадлежит только самому себе.

— Силь — мой давний друг, напарник, он мне почти как брат, — продолжал отповедь лесной царь. — «Почти», потому что он для меня значит больше, чем родной брат! Если бы у меня был брат. Тем более если ты желаешь его себе в мужья, значит, он мне почти зять. А зять — это почти сын, правильно?

— А-а!.. — наконец-то уразумела Милена, и тень безотчетной ревности растаяла на ее посветлевшем челе. — Что ж ты мне сразу так не объяснил.

— А то разве не ясно? — хмыкнул Яр, лениво переменив позу, чтобы обнять «почти зятя» еще теснее, вгоняя того, привычного, в краску.

— Ну, извини свою непонятливую дочь, что разумом в отца уродилась — хихикнула Милена, мигом присоединившись к тисканью некроманта: зашла со спины, обняла за шею, запустив шаловливые ладошки за шиворот.

— Ох, договоришься у меня! — шутливо пригрозил Яр. В воспитательных целях ущипнул кровинушку через юбку за мягкое место, чтобы не заигрывалась, и так некромант покраснелся пятнами, не зная, бледнеть ли ему или пунцовать.

— А ничего, что сейчас на том берегу война начнется? — сделал неуверенную попытку призвать их к порядку Сильван.

— Не переживай, не пропустим, — отмахнулся Яр. И тут понял: — Ой, так тебе же не видно ничего!

С этими словами лесной владыка взял его за руку, переплел тесно пальцы. И Сильван ощутил ладонью жар, перешедший в легкую щекотку, которая через несколько мгновений сменилась обычным теплом. А вот голова неожиданно закружилась, перед глазами начало двоиться.

— Закрой глаза, поначалу так будет легче, — посоветовал Яр.

Сильван послушался. И изумился: он видел с крепко зажмуренными веками! Явственно, четко, даже слишком резко. Перед ним раскрылась панорама левого берега реки сверху, словно он смотрел с высоты птичьего полета. И смотрел он не из одной точки, а плавно летая кругами над острыми верхушками елей и сосен, над кудрявыми кронами липок и осин, над тропами, ручейками, болотцами, над прогалинами и перелесками. Над двумя войсками, приготовившимся к наступлению: горожане под стягами своего князя, и с другой стороны леска — чащобное племя, идолопоклонники. Первые делились на конных и пеших. Пехотинцы все как один одеты в белые рубашки под пластинчатыми доспехами. Видать, каждый перед походом наведалься в баньку, надел новое, чтобы, если убьют, прямо тут лечь в могилу честь по чести. У нехристей по большому счету не имелось справных лат, только у вождей и горстки их приближенных. Не густо у охотников было и с годным вооружением, а ведь соседи-горожане это противники посерьезней медведя, их на рогадины запросто не поднимешь, из лука не подстрелишь, как куницу.

— Как у тебя легко это всё получается, — оценил Сильван. Лесному владыке не нужно было читать заклинания, не было надобности в лаборатории на полу вычерчивать сложные пентаграммы, испещренные магическими символами, чтобы на определенный срок вселить собственное сознание в чужое тело. Нет, он просто позаимствовал зрение какой-то глазастой хищной птицы, и та сделала одолжение — зависла над нужной местностью, чтобы высматривать то, что интересно лесному царю, не отвлекаясь на свою обычную охоту за мелкой дичью.

— Пустельга. Вон она там кружит, — указал пальцем вдаль Яр. — Ну как, теперь всё рассмотрел?

— Зачем они всё это затеяли? Ведь сразу понятно, кто проиграет, — заметил Сильван.

— Ой, у них давние счеты! — затараторила Милена. — То городские на болотных нападут, уведут их баб в полон. То болотные город подожгут и пограбят. И так из года в год, никогда не устанут. Раньше болотных Щур образумливал, не позволял в открытую идти, чтобы стенка на стенку, ведь это чисто самоубийство получится. А как Щур помер, так всё — удержать некому. Правда, забавно вышло? И те, и другие рассчитывали нагрянуть к противнику внезапно и застать врасплох. Как бы не так — столкнулись тут лбами! Сидят в кустах и друг за дружкой подсматривают, кто, мол, первый начнет, того стрелами и утыкают.

— Солнышко, они не случайно собрали два войска одновременно, — сказал Яр. — У каждой стороны полным-полно соглядатаев. Что в городе, что в лесах — есть кому следить, найдется, кто донесет, кто по секрету нашепчет.

— Да будто я не знаю! — фыркнула Милена. — Папка, а можно я Ванечку поцелую? Он с закрытыми глазами такой милый, прям не могу!

— Нельзя! — отказал отец. — До свадьбы не позволю.

И Яр в подтверждении запрета подсел поближе и притиснул к себе «почти зятя», обняв за плечи. Тот чувствовал себя крайне глупо, продолжая жмуриться и видеть глазами пустельги.

— А когда свадьбу нам устроишь? — не отставала дочка.

— Когда мать вернется.

— А, ну так я сейчас к ней слетаю, скажу, чтобы она завтра пришла! — обрадовалась Милена.

— Сиди! — шикнул на торопыгу Яр. — Раз ты сюда явилась, то будешь нам помогать.

— А с чем помогать? — охотно осталась Милена, повисла на свободном плече некроманта.

— Увидим, — туманно ответил Яр.

— В общем, тут началось всё с того, что местных язычников пришлые богатыри, во главе с их прежним князем, выгнали с насиженных мест, — рассказал для Сильвана лесной владыка. — Дед нынешнего князя решил, что стрелка при слиянии Матушки и Сестрицы самое пригодное место, чтобы построить крепость, которая сможет защитить стольный град от нападений соседей-иноверцев. Местным идолопоклонникам поначалу сулили за эти земли выкуп заплатить. Предлагали им перейти в правую веру и остаться в деревне при крепости полноправными жителями, под рукой князя и защитой его дружины. Те не захотели предать веру предков и отдать землю по-хорошему — поэтому оказались вынуждены прятаться в болотистых чащобах. С тех пор так и живут, злые друг на друга.

— Не все отказались, — заметила ради справедливости Милена. — Многие семьи остались, выкрестились, получили землю под огороды и пашни — и разругались с более гордой нищей родней. Так эти новые горожане к лесным язычникам сделались еще злее, чем пришлые православные. Вот они-то вечно и устраивают нападения на бывших соплеменников. Даже сами творят в городе безобразия, а спирают на лесных, чтобы князь разрешил облаву. И еще лес поджигают, чтобы народ выкурить из деревень. Только раньше Щур со своим даром провиденья успевал уводить людей и скотину-животину дальше в болота, куда пришлые не сунутся. Так что и хорошо получается, что сейчас упрямые бараны лоб в лоб сойдутся здесь, а не возле своих домов, где семьи остались, да, пап? Пап, я скучаю по нашему старикашке. И что ж он не дался тебе? Жил бы сейчас молодой и здоровый. Дурак такой.

— Да, солнышко, я тоже по нему соскучился, — отозвался Яр рассеянно, так как его внимание теперь полностью сосредоточилось на происходящем на другом берегу: войска наконец-то пришли в движение.

Первыми выдвинулись в атаку пехотинцы из Нового Города. Крайние ряды быстро поредели, утыканные стрелами: всё-таки ни обтянутые бычьей кожей щиты, ни нашитые на толстые войлочные куртки пластинки металла не давали полной защиты. Многие стрелы падали по дуге сверху, минуя щиты, либо попадали между чешуей, а то и вовсе пробивали латы насквозь, или запросто могли угодить в шею да в голову. По еще живым павшим товарищам пехота бежала дальше нестройной гурьбой, матерясь на княжеские стяги, которые цеплялись за низкие ветки. Стрел поначалу у болотного войска хватало! Да и стрелять они умели метко, ведь все охотники, а не землепашцы.

У княжеской конницы доспехи были несравненно качественнее, однако Рогволод Всеволодович попридержал своих верных дружинников, поставив первыми под удар крестьянских мужиков, ради ополчения бросивших плуги-бороны. Ну как «мужиков» — все как один были бородаты, но большинству меньше тридцати лет, что для Яра сущая ребячья. С другой стороны, оно, конечно, на конях по лесу за врагом быстро не поскачешь. Хотя если бы князь показал себя умнее и выманил противника на чистые заливные луга, благо таких по

левой стороне Магушки имелось предостаточно, то дружина Рогволода в один мах смела бы племя Щура. Но и теперь, несмотря на потери среди ополчения, бесспорное превосходство оставалось за князем. Мужики прорвались вперед, и сейчас низкорослые охотники оказались вынуждены драться врукопашную с дюжими крестьянами. Зря болотный народ всё-таки осмелел, сидел бы лучше по своим топям. Позорное бегство — вот что ждало язычников совсем скоро, а вовсе не триумфальное взятие города, как мнили обделенные разумностью вожди.

— Пап, а ты за кого переживаешь — за горожан или за болотных? — спросила Милена.

— Твоя мать за язычников болела сердцем, — сказал Яр. — Мне-то самому безразлично, кто здесь окажется в выигрыше.

— Ой, да ладно! — не поверила дочь. — Ты же любишь на Ярмарку наведываться, значит, за горожан, признавайся!

— Не люблю я их князя, — поморщился Яр. — Морда красивая, а сердцевина гнилая.

Милена заинтересовалась таким описанием, решила попристальней разглядеть полновластного хозяина Нового Города. Русобород! Ну, как же иначе. Статен, даже сидя в седле выглядит высоким. Плечи в сажень — богатырь, одним словом. Глаза голубые, взгляд пронзительный. Милена поежилась отчего-то, хотя смотрела в глаза князя через дятла, притаившегося в густой листве. Не нравились ей такие. Отец сказал «красивый», а для нее эта высокомерная морда показалась не приятней редьки, выдернутой из грядки. Нет, пожалуй, редька всё ж будет приятнее. Да еще и бородат. Тьфу! Милена разорвала связь с дятлом, переключившись на то, что было рядышком, прямо у нее в руках. Уж куда как лучше любоваться своим женихом — вот Ванечка и красив, и мил, и строен! А до чего стеснителен да скромн!..

— Сколько уже полегло-то с обеих сторон... Я столько мертвецов поднять не смогу, — Сильван негромко напомнил Яру о себе.

— А всех и не нужно, — кивнул тот. — Но ты прав, хватит представления, пожалуй.

Яр встал, выпрямился, поднял руки к небу и прикрыл глаза напряженно дрожащими веками.

— Держись, сейчас папка колдовать будет, — весело шепнула Милка Сильвану на ушко. Некромант потер глаза пальцами, снова привыкая видеть человеческим зрением. По сравнению с восприятием хищной птицы всё вокруг показалось слишком зеленым, ярким и расплывчатым.

— Ураган поднимет? — понял Сильван.

— Как ты догадался? — удивилась Милена, да спохватилась: — Ох, да ведь, ты ж с ним до моего рождения познакомился. Это так странно! Правда, еще страннее знаешь что?

— Что? — послушно спросил Сильван.

— А то! — заулыбалась Милена, счастливо повиснув у него на шее, пока отец занят и не гонит ее прочь. — Выйду за тебя замуж — и сразу обзаведусь ребенком! Ну, твою Грушу удочерю, что ж ты так сразу бледнеешь-то, не бойся. И будет у меня взрослая дочь!

— Взрослая, — кивнул Сильван, который вправду немножко испугался вдруг столь резко обозначившейся перспективы сделаться настоящим отцом. — Взрослее тебя.

— Она ведь, получается, ровесница моей мамки, — продолжала ужасаться-восхищаться Милена. — Вот удачно я себе мужа выбрала!

— Погоди радоваться, ведь ты еще ее не видела, — резонно возразил маг.

— А что мне волноваться? Ведь она твоя малышка, а значит, плохой быть не может, —

заверила жениха лесная царевна с абсолютной непоколебимой уверенностью влюбленной женщины.

Между тем Яр действительно вызвал смерч. Ветер обрушился на левый берег с такой яростью, что сперва пригнул деревья, а после стал просто ломать стволы, словно лучины, выворачивать с корнем из земли.

Внезапно налетевший ураган перепугал оба войска. Битва немедленно увяла, смялась под натиском стихии. Армии разбежались в разные стороны. Мужики пригибались к земле, едва не вода бородами по полощущимся травам, резонно опасаясь, что ветер просто подхватит их и унесет черте куда. И не зря боялись: троих военачальников болотного племени ураган, закрутившийся юлой, пыльной, полной всякого сора воронкой, подхватил с земли, пусть те и пытались хвататься за деревья и друг за друга. Двоих подняло, покружило и бросило в реку, где они моментально утонули, утащенные на дно. Одного же, самого рьяного и молодого, ураган поднял выше сосновых макушек — и зашвырнул так далеко в чашу, что за неделю не дойти.

Конница унеслась в сторону города еще при первых крепких порывах. Впереди всех пришпоривал белогривого скакуна князь Рогволод. Он крепко сжимал коленями лошадиные бока, пригибался к шее, вцепившись в поводья, злой и жаждущий битвы: князь оказался бессилён перед разбушевавшейся стихией, а ведь почти удалось усмирить назойливую языческую погань! Если б не вмешалась погода! Смешно подумать — язычникам стихия помогла!.. Рогволод не оглядывался на дружину. Пятерых его ближайших приспешников смерч уронил на землю, причем невредимые кони резво вскочили вновь на ноги и понеслись дальше, а всадники остались на полегшей траве, не имея возможности подняться. Ветер давил и душил, толкая к реке, пиная, заставляя катиться кубарем — и в конце концов с плеском впихнул в реку. В воде же не только тяжелые латы мешали всплыть к поверхности, но чьи-то ледяные руки ухватили за щиколотки и потянули вниз...

«Двоих притопите, но не до смерти, а чтобы поняли», — велел лесной владыка.

Рогволод цеплялся до последнего — всё-таки не худосочный болотный коротышка, чтобы летать по небу! И всё равно полетать пришлось.

— Ох, хорошо летит, гусак лапчатый! Плащ как красиво развевается, с алым подбоем, — оценила со смехом Милена, проводив взглядом точку, закруженную воронкой удаляющегося смерча.

— Какого лешего?! — прошипел Яр, зло поглядев вослед князю. — Кой черт его понесло к нам в Дубраву? Я же четко вывел: повесить на башенный шпиль в городе! Где я ошибся?!

— Ты всё сделал правильно, — сказал Сильван. — Твои чары исказились его защитой. Похоже, под кольчугой у него припрятаны обереги.

Яр в расстройстве схватился за голову, нервно взъерошил волосы:

— Ты прав, Силь! Обереги, верно. Я ведь совсем забыл о Томиле!

— Точно! — с подсказкой осенило и Милену, для мага она пояснила: — Томил — это пропавший где-то за границей сын городского лекаря. А лекарь — это ученик Щура. Помню, Щур когда-то нас с ним познакомил. Ну, тогда еще этот мальчишка был голопопым карапузом, Мирош на него умилился, такого розовощекого, потом даже заглядывал к ним поиграть. А когда карапуз вырос, то оказался неплохим колдуном. Щур ученику столько не передал, сколькому смог научить своего «внучка». Потом, я слышала, Томил сделался в городе ближайшим советчиком князя. Бородатые старики-бояре к его мнению

прислушивались! Ну, а несколько лет назад князь его послал в Бурое ханство, выторговать выгодный мирный союз, и парень там сгинул. Следом за ним туда уехал его закадычный приятель, помощник воеводы Богдан Шмель, отпросился у Рогволода со службы, чтобы Томила искать — уехал и пропал. Вот эти двое действительно были красавцы парни, не сравнить с ихним князем! — заявила она с горячностью.

Выслушав ее пояснение, Сильван кивнул. Если он останется в семье Яра, ему действительно придется запомнить всех их знакомых, от леших и водяных до приемного внука покойного названного дедушки. Пусть даже этот внук давно сгинул на чужбине.

— Получается, ученик колдуна, который всю жизнь потратил на то, чтобы защитить свой народ, сохранил жизнь главному врагу своего племени, — подытожил некромант. Обернулся к Яру: — Я так понял, не князя ты планировал поднимать из мертвых.

— Ты снова прав, Силь, — вздохнул Яр.

Сколь ни хотелось лесному владыке немедленно кинуться вдогонку за «улетевшим гусем», сколько ни нашептывало скверное предчувствие, что лучше было бы растереть Рогволода Всеволодовича в пыль прямо на месте, Яр, скрепя сердце, решил всё-таки придерживаться первоначального плана. Необдуманные метания никогда не давали хороших результатов. В любом случае, никакие амулеты не спасут, если рухнуть с высоты птичьего полета, а уж к мертвому торопиться нет особого смысла. Дальше Дубравы он всяко не улетит, а Михайло Потапыч леший старый, умудренный опытом, он поймет, что за «подарок» вдруг свалился на его земли, и обязательно дождетя особого царского распоряжения.

— Что ж, пора привести в порядок тот берег, — произнес Яр. — Идем, Силь?

Вернее было бы сказать «плывем», так как перебираться через реку пришлось на лодке, понятное дело. На весла никому из них садиться не понадобилось — лодку отбуксировала стайка молоденьких смешливых русалок. Девицы то выпрыгивали из воды по голые синеватые груди, отчаянно строя глазки царю и его другу, то уходили под воду с головой, стучали неразумными макушками по днищу лодки.

Еще до отплытия владыка Леса определил Милене другое задание: найти в чаще вождя язычников, живого или мертвого.

— Лучше мертвого! — улыбнулся невесте некромант. — Не люблю возиться с полуготовым материалом.

— Как скажешь! — расцвела та ответной улыбкой, ведь это впервые, когда любимый ее о чем-то попросил. — Для тебя — хоть на блюдечке доставлю, разделанного на мелкие кусочки!

— А вот этого не надо! — укоротил дочкину самодеятельность Яр. — У меня на это тело далеко идущие планы. Так что будь добра, только найди, а трогать не думай!

Милена обернулась горлицей, упорхнула.

Яр и Сильван вдвоем обошли поле побоища. Оба морщились от запаха свежей крови и остывшего в холоде смерти духовитого мужицкого пота. Сильван машинально прикидывал на взгляд, сколько сил потребуется на то или иное тело, чтобы не просто поднять, но возродить — ведь кто из жен захочет, чтобы с войны вернулся не живой муж, а кукла с пустыми глазами? Делать свою работу «наполовину» и тем самым доставлять кому-то горе Сильван не хотел. Яр же на каждого мертвеца тратил едва ли пару секунд. Лесной владыка быстрым шагом проходил между непогребенными покойниками, огибал или перемахивал через упавшие стволы сломленных бурей деревьев, — и, не останавливаясь, раскрытыми

ладонями опущенных к земле рук словно бы оглаживал воздух, бормоча негромко:

— ...Этого ждут, а этого не ждут... Этого любят, этого ненавидят... У этого дело не законченное, этот пил много... Этот всё равно повеситься хотел, а этот собирался отомстить... Силь!

— М-м?

— Справишься здесь без меня? Мне надо поскорее найти князя.

— Справлюсь... — со здоровым сомнением кивнул некромант, оглядывая простор будущей работы.

— Постараюсь скоро вернуться. Не скучай!

Яр хлопнул в ладоши, тотчас из-под земли повывлезали корешки, побеги — и быстро принялись оплетать тела тех, кому владыка отказал в воскрешении. Сам царь уменьшился в крылатую фею, радужно мерцая крылышками, упорхнул обратно на свой берег. А Сильван остался стоять посреди поля битвы, взирая на вырастающие прямо на глазах небольшие бугры и холмики, радующие взгляд свежей зеленью.

В итоге этой «уборки» на поверхности земли осталась лишь треть от погибших. Гораздо меньше, чем было, но достаточно много, чтобы некромант тяжело вздохнул. Сильвану оставалось надеяться, что он достаточно оправился, набрался сил после своего окаменения, что он не свалится в обморок от усталости на половине заклятья и тем самым не сотворит из-за незавершенной формулы какого-нибудь кровожадного упыря. Давно он не поднимал за один раз столько человек... Впрочем, в «прошлый» раз поднятые и на людей-то были не похожи — скелеты и гниль. А здесь ему можно сказать, повезло: свеженькие, некоторые еще теплые. Души не успели отлететь, пока еще кружатся над мертвецами, словно пугливые бледные мотыльки. После «уборки» многие «мотыльки» потерялись, заметались между оставшимися, чужими телами. Трудно будет выбрать среди душ именно те, что по праву могут вернуться в тело. Как бы не ошибиться, не впустить чужой дух, который окажется более шустрым — вот это будет действительно скверно. А воскресить только что убитого человека — это не вопрос для некроманта.

Собирать землянику, если ты любимое дитя Леса, одно удовольствие. С простых смертных семь потов сойдет, пока они наберут лукошко. Да покусают их все, кому не лень: комары, оводы, мошкара, клещи, пчелы, шершни, осы, гадюки. Драгомир о таких страданиях даже не думал. Насекомые с почтением облетали его стороной, птицы пели над головой самые красивые свои песенки, белки сновали по делам, не стесняясь мимоходом пробежаться по плечам лесного царевича. А земляника — она сама ягодки подносила на листочках, словно на блюдечке. Причем самые спелые на стебельках вверх протягивала, зеленые или подпорченные стыдливо прятала в листве. Оставалось только взять — и в рот положить. Ну, или в лукошко, если лакомиться надоело. Полное лукошко быстро набралось, можно было возвращаться домой и ставить на огонь варенье...

Вопль, треск ломаемых сучьев, матюги!

Драгомир отпрянул от сосны, под которой собирал ягоды. Птицы с перепуганным ором разлетелись кто куда, белки брызнули рыжими молниями. Сперва в голове сына лесного владыки мелькнула мысль: как он мог не заметить медведя, забравшегося на сосну? Неужели тот на самую макушку залез?..

Снова треск, хриплый крик.

Мир шархнулся прочь, забыв прихватить лукошко. Медведи не матерятся!

Нечто падало сверху, тяжело, на пути пытаюсь ухватиться за ветки, но те ломались — и это нечто срывалось вниз. Пока не грохнулось на землю — ровно на оставленное лукошко. В разные стороны полетели мелкие брызги не то крови, не то сока от раздавленных ягод.

Драгомир вжал голову в плечи. Не привык он, живя в лесной тишине, к таким сюрпризам. Однако не убежал далеко — слишком уж интересно стало. Да и выяснить надо, всё-таки он сын царя, а тут у него перед носом безобразие какое-то творится.

Медведи определенно не носят сапоги. Именно сапоги Мир разглядел первым делом, осторожно подкравшись поближе. Упавший не шевелился. Лежал, раскинувшись на земле, на ковре пострадавшей земляники. Видать, хорошо грохнулся, сознание потерял. Пока летел вниз, определенно был в себе — матерился коротко, но внятно, Драгомир прекрасно слышал. Выше сапог виднелись штаны, задравшаяся к поясу рубашка, кольчуга с пластинчатыми узорными плашками, позолоченными кажется. А верхнюю половину тела скрывал намотавшийся плащ с алым подбоем, грязный и изорванный в лоскуты. Наверное, о сучья разодрал, пока «спускался».

Поразмыслив, стоя над недвижимым телом, Мир вспомнил, что на сегодняшний день была назначена война между городским и болотным народами. Лично ему было глубоко наплевать на распри смертных, да и проходить резня должна была на том берегу Матушки, поэтому Драгомир не беспокоился по этому поводу, занимался обычными делами. И нате вот, оказался втянут! Наверняка это отцово вмешательство, иначе почему бы городскому военачальнику вдруг вздумалось летать? С другой стороны, отец, вероятно, что-нибудь напутал, нарочно Яр ни за что не стал бы отправлять чужого смертного напрямик «на задворки родного дома». Да еще не предупредив сына загодя.

Признаться, Драгомир немного растерялся. Следует ли ему связаться с отцом и немедленно сообщить о «госте»? Или лучше подождать? Если Яр сразу же не явился следом за «посылкой», значит, он занят, и отвлекать его не надо.

С другой стороны, Лес сам мгновенно докладывает хозяину обо всех происшествиях. За одним исключением: если это не случается в «слепых пятнах». За теми местами, где в данное время находится кто-то из членов семьи, Яр самому себе и Лесу запретил наблюдение, оставляя за женой и детьми право на личную жизнь. Значит, Лес будет молчать о сосне, поломанной падением «чужеродного тела». И значит, если Драгомир сам не расскажет, то отец ничего не узнает...

Пока лесной царевич предавался размышлениям, тело замычало, заворочалось. И матюгнулось от всей души, бестолково пытаюсь освободиться от душащего плаща. Мир, не долго думая, взялся помогать. Выпутав же кучерявую русую голову богатыря, Драгомир уставился на гостя, позабыв о приличиях и манерах.

— Чо вылупилась, дура? — буркнул князь Рогволод Всеволодович, невольно насупившись. Таких красавиц ему в жизни еще не доводилось видеть. Нет, в городе девок хватало разных, многих он перепробовал, да по свету он успел поездить, всякого повидал. Но таких — точно нигде нет! Ангелы на золоченых фресках в эллинских церквях по сравнению с этим видением меркнут. А видение не думало отпрянуть, ресницами своими умопомрачительными эдак взмахивало в замешательстве, брови соболиные чуток хмурило, губки розовые сжало в задумчивости... Или, может, князь так крепко о землю башкой приложился, что не заметил, как помер? А это и есть ангел, что по его душу явился?

— Хрень какая-то, — вслух решительно молвил князь. Головой тряхнул, прогоняя звон из ушей. — Встать помощи, тетёха!

Драгомир на «дуру» не успел толком обидеться, а этот теперь еще и «тетёхой» обозвал! Но руку «стукнутому» подал, помог подняться с земли.

Князь, как на левую ногу наступил, так скривился от стрельнувшей боли. Чтобы снова не упасть, схватился за «помощницу», подтащил Мира к себе в подмышку, оперся о его плечи всем своим богатырским медвежьим весом.

— Ногу сломал, кажись, — прошипел Рогволод. И удивился краем сознания, что «девка» крепкая оказалась, не пискнула, когда он приналег, не пошатнулась даже.

— Нет, растянул только, кость целая, — ответил Драгомир, машинально «прослушав» пульсирующую боль в чужом теле. — Тебе повезло, что только этим отделался. Да еще вон, царапины. А мог бы шею свернуть. Или хребет сломать, тогда ноги бы отнялись.

Рогволод хмыкнул: «царапинами» лесная «красавица» среди прочего небрежно назвала сучок, воткнувшийся ему в мякоть локтя. Еще бы чуть, и насквозь бы прошло, хорошая «царапина»! А еще князь заметил, что голос у «девки» не девичий, мелодичный и звучный, но глубже, глуше, чем девкам в таком нежном возрасте положено. Да и одета «она» была не в юбку или платье, а по-мальчишески в штаны и рубашку под плетёный пояс. На ногах не лапти, а башмачки из мягкой кожи, тонко сработанные, (из мастерских кикимор по особому заказу Яра, который и сам лапти не полюбил, и детей приучил к удобной обуви).

Драгомир помог непрошеному гостю доковылять до поваленного ствола березы, усадил. Присев на корточки, стащил с него сапог, стал прощупывать распухающую лодыжку.

— Перевязать надо потуже, и через пару дней бегать сможешь, — между делом пообещал лесной царевич.

Рогволод от осторожных прикосновений напрягся. С рождения приученный к услужливости нянек и слуг, отчего-то забота этого случайного парня его смутила. Он не обязан с ним возиться, а вон же, не уходит, помогает. Сам-то наверняка не из простых крестьян, такой раболепствовать против собственной воли не станет... Князь поймал себя на мысли, что перестал смотреть на юнца, как на переодетую девку. И всё равно при этом не мог до конца поверить, что перед ним парень... Что-то сложно оказалось решить эту загадку для Рогволода Всеволодовича. Даже давнишний его приятель Томил Сивый — уж на что был по юности лет нежен, а всё равно князь с ним твердо понимал: парень! Хлипкий, но мужик. А этот? Черте что, а не паренёк...

Князь за глубокими раздумьями ни разу и не поморщился, не ощутил боли, пока Драгомир, оторвав от подола княжеской рубашки полосу ткани, крепко стягивал пострадавшую лодыжку. Потом Мир заставил поднять руки и через голову стащил с него тяжелую кольчугу, в нескольких местах зияющую прорехами, следом подкольчужную поддёвку на войлочной подкладке, рубаху, обгавленную пятнами крови — сучки у сосны оказались злее вражеских стрел, острыми щепками впились в тело, прорвав доспех. Рубаху Драгомир уничтожил окончательно, не пожалел вышитых красной ниткой петушков, порвал на длинные лоскуты. Выдернув сучок из локтя, туго перевязал руку. Чтобы удостовериться, нет ли еще глубоких ран, Мир остатками ткани вытер кровь и пот с мускулистого торса — пряча глаза от внимательно следящего за ним князя.

— Ты лекарка, что ль? — уточнил Рогволод, из упрямства не признавая за ним мужского рода.

— Нет, — мотнул головой Драгомир. Взял одну из двух крупных серебряных ладанок,

что висели на шнурке на шее князя, внутри которых был заключен точно не ладан, повертел в руке, спросил в свою очередь: — Хорошие обереги. Кто сделал?

— Друг, — коротко ответил Рогволод.

— Он тебе жизнь спас, — заметил лесной царевич. — Будь благодарен.

— Отблагодарю, коли увидимся, — небрежно пообещал князь.

— Увидитесь, — тонко улыбнулся Мир.

— А ты еще и гадалка? — вскинул бровь Рогволод.

Вместо ответа Драгомир внезапно дернулся, засуетился — и нашел выход: толкнул князя, да так что тот не удержался на бревне, рухнул назад, голой спиной в кустики черники:

— Ах ты, су!..

— Молчи! — шикнул на него Драгомир. И взмахом руки повелел росшему поблизости калиновому кусту прикрыть князя ветками. Вдогонку туда же кинул, скомкав, лоскуты рубахи.

Едва Драгомир успел отойти подальше от поваленной березы — навстречу ему из-за деревьев вышел отец.

— Мирош! Сокровище мое драгоценное! — завидев сына, шутливо распахнул объятия лесной царь. — Ты что так далеко от терема забрался?

— Ягоды собирал, — ответил сын, на сей раз слишком медленно реагируя на стремительные маневры родителя и потому почти сразу же оказавшись в объятиях.

— А где ж лукошко? — улыбнулся Яр, ласково потрепав пятерней по мягким волосам отпрыска.

— Я на него сел, — буркнул Мир, смутившись. — Случайно.

Яр расхохотался.

— А ты чего пришел? У тебя ж там война вроде бы в разгаре?

— Надоели они мне! — заявил лесной владыка, положил голову сыну на плечо, не помышляя отпускать. А Драгомир и не дергался, что отца несколько настораживало. — Я этих драчунов ураганом развел. Как петухов поливают из ведра колодезной водицей, так и я вот их.

— Угу, — вздохнул Мир. И поверг отца в изумление: неловко поднял руки, сам обнял его за пояс.

— Мирош, у тебя всё хорошо? — спросил Яр.

— Хорошо, пап.

— Не хочешь навестить нас во дворце? Милка замуж собралась, представляешь! Привела зеленых гоблинов, ты таких не видел никогда. И Сильван теперь с нами живет. Ты помнишь, я рассказывал о нем? Мой давнишний друг. Я очень хочу тебя с ним познакомиться. Приходи?

— Пап, потом, — отстранился Драгомир, опустил взгляд.

Яр помрачнел.

— Мир, я должен тебе кое-что рассказать. На самом деле Сильван...

— Не сейчас, пап! — оборвал его сын.

— Но... — непонимающе заикнулся Яр.

— Потом, — упрямо повторил Драгомир, пряча глаза. — Я приду. Но попозже. А Милка ко мне недавно заглядывала, про вашего некроманта уже рассказала. Расщебеталась, что не заткнуть.

— Мир... — растерялся отец.

— Ты зачем-то искал меня? — резко напомнил Драгомир.

— Да, — кивнул Яр огорченно. — То есть, нет. Я не собирался тебя беспокоить. Так уж вышло. Я потерял кое-что.

— В лесу? Потерял? — усмехнулся Драгомир. Искоса взглянул на непривычно мрачного отца.

— Я думал, найду здесь, но, кажется, что-то пошло не так, — смутно пояснил лесной царь. — Ведь ты ничего необычного здесь не видел?

— Нет, ничего, — уверенно кивнул сын. — Иначе позвал бы тебя.

— Да, конечно, — кивнул Яр. Взглянул на младшего пристально: — Если тебе что-нибудь понадобится, если потребуется помощь — позови. В любое время. Ты меня слышишь? Я защищу тебя, что бы ни случилось.

— Пап, ты к чему это всё? — без веселья усмехнулся Драгомир.

— Помни, малыш, я люблю тебя, — негромко и крайне серьезно произнес Яр. — Всегда буду любить и никогда не откажусь от тебя. Что бы ни произошло! Ты понимаешь?

— Пап, отстань, я это всё уже слышал, — тихо огрызнулся младший. — Иди уже, ищи свою пропажу. Здесь ничего нет, как видишь.

— Вижу, — еще тише ответил Яр. Склонил голову, словно принимая раздраженность сына. — Извини.

Он ушел, а у Драгомира на душе сделалось так паршиво, что словами не выразить. И ведь из-за кого пошел против отца — из-за смертного! Из-за людского князя, слухи о паршивом нраве которого долетели даже досюда, до лесной глухомани.

— Твой хахаль? — осведомился Рогволод Всеволодович, выбираясь из куста, при этом стараясь не наступать на больную ногу, а сапог держа в руке.

— Мой отец, — мрачно буркнул Мир. Перемахнув через поваленную березу, подобрал из примятого черничника тяжелую кольчугу с поддёрвкой.

— Да ну? Тискал он тебя как-то не по-родительски, — с издевкой заметил князь. — Да и где ж видано, чтобы батя был не старше дочурки!

— Прекрати! Хватит, я не девка! — вспыхнул Драгомир.

— Не то что? — выдержал его пылающий гневом взгляд Рогволод, не моргнув. — Бросишь меня здесь, раненого и беспомощного? Тебе совесть не позволит, лекарка.

— Ну что, нашел своего князя? — спросил Сильван вернувшегося друга.

Яр окинул взглядом поле боя: холмики-могилки почти сровнялись с землей, став ярко-зелеными кочками. Поломаные деревья источились в труху, из праха полезли веселенькие свежие росточки. Тел на поверхности земли не осталось, даже бурые пятна исчезли под травами. Только стрелы, застрявшие кое-где в древесной коре, напоминали о том, что здесь произошло около двух часов назад.

— Со всеми мертвяками управился? — уточнил Яр.

— Как видишь, всех поднял, все разошлись, — развел руками некромант, улыбаясь усталой улыбкой. Он сидел на траве, прислонившись спиной к стволу березы. Бледный более обычного, но явно довольный проделанной работой. — Каждый получил напутствие: что обязан жизнью его величеству Лесному Царю, что должен вести добропорядочный образ жизни, что ежели совершит грех, как то убийство по указанию начальства, именуемое

войной, или учинит преступление по собственному разумению, или каким-то образом причинит вред Лесу, или станет запойным пьяницей, драчуном, бездельником — дар жизни немедля оное тело покинет, и воскрешенный падет замертво, аминь.

— Правда, что ли? — хмыкнул недоверчиво Яр.

— Нет, конечно, стал бы я лишние силы на заговор тратить! — фыркнул Сильван. — Но пусть хоть какое-то время побудут праведниками, неужто тебе жалко.

Яр пожал плечами. Сел на землю рядом, прислонился затылком к шершавой коре. Вздохнул. Тяжесть в голове мешала трезво мыслить.

Сильван переместился поближе, шутливо толкнул плечом:

— Ты мне не ответил! Так нашел?

— Лучше бы не находил, — буркнул, не сдержался, Яр. — Лучше бы его на месте разорвало. Лучше бы он в болоте утоп. Лучше бы на ёлку сел, как на кол! Лучше бы... Эх, остался бы у себя в городе, и то было бы лучше.

— Он жив? — уточнил Сильван, понимая, что заседать с расспросами сейчас не лучшее время.

— Что с ним делается, — отмахнулся лесной владыка. Сменил тему: — Ну как, Милка еще не объявлялась?

— Разве вы не постоянно держите связь между собой? — удивился маг.

— Зачем? — в свою очередь удивился Яр. — Они сами по себе, я сам по себе, связываемся, только если нужно. Тем более я был на том берегу, через реку дозваться гораздо тяжелее. К слову, в людском городе, на обжитой исхоженной земле я вообще бессилён, оттуда до Леса совсем не докричишься.

— Поэтому твоя жена ушла туда жить, — кивнул Силь.

Яр отвернулся.

— Ты хочешь поднять вождя язычников для чего? — спросил некромант. — Чтобы вразумить? Сделать марионеткой? Или подселить другую душу?

— Ты такой проницательный, — усмехнулся Яр.

— И как ты будешь эту душу призывать? У тебя есть личная вещь или?..

— Да что его призывать, он не уходил никуда, — улыбнулся еще шире лесной хозяин, устремив взгляд в небо, светившееся лазурью сквозь прозрачную крону березы. — Не может он обрасти покой, когда тут такое творится. Думал, помрет и станет ему всё безразлично, а вот фигурки ему!

— Значит, он здесь, — понял некромант. — Уж извините, я плохой заклинатель, сразу не ощутил.

— Он тоже был не лыком шит, — пожал плечами Яр.

Сильван поднял руку ладонью кверху, закрыл глаза. Яр оглянулся через плечо: в верхке над раскрытой ладонью слабо засветилась крошечная искорка. Огонек рос, постепенно сделался маленьким облачком, вроде пара, что изо рта выдыхается на морозе, только этот светился призрачным сиянием. Спустя минуту облачко сгустилось, сжатое волей некроманта — и обрело видимую плоть, иллюзорную, временную, но так его безусловно удержать в руке было куда проще: пушистая гусеница. Больше обычных, крупнее и длиннее, слабо извивающаяся, словно полудохлая.

— Гадость какая! — весело отметил Яр.

Сильван открыл глаза, взглянул на дело своих чар — и скривился в брезгливости, едва удержал порыв сбросить гусеницу с ладони.

— Обычно они мотыльками предстают, — сказал в оправдание некромант. Попытался сунуть «насекомое» Яру, но тот с хохотом отпрянул, руки по-мальчишески спрятал за спину. На что Сильван обиженно надул губы и вынужден был оставить гусеницу у себя.

— Опять развлекаетесь? — издали донесся голос Милены. Она услышала их смех, завистливо протянула: — Вам бы всё хиханьки и хаканьки! Наделаете делов, а разбираться мне?

— Ой, притомилась, за одним-то мертвецом слетала! — отозвался Яр, не вставая с места, не спеша дочурке навстречу.

— А кто этого мертвеца запустил так ловко, в непролазный бурелом? Сами бы попробовали его оттуда вытащить! — ворчливо заявила Милена.

— Зачем ты его трогала? — расстроился Сильван. Обернулся на приближающийся шорох и треск: лесная царевна прибыла явно со свитой, в одиночку ей столько шума не наделать.

— Так он чуть в трясине не утонул! Как бы вы там по кочкам и воде свои пентаграммы рисовать бы стали? — пояснила Милена.

Кусты расступились, и стало понятно, откуда весь шорох: дочь владыки ехала, восседая на плечах у одного болотного хмыря, а четверо других шелестели следом, тащили за руки-ноги искомое бездыханное тело.

Поблагодарив хмырей, явно засмутившихся перед царем, Яр предложил разложить тело на чистом прибрежном песочке.

— Головой на север, конечности вытянуть в форме звезды, — распорядился Сильван. Некроманта вид хмырей уже не смущал, привык еще во дворце, где несколько представителей данной нечисти традиционно стояли на карауле возле ворот. — Да не так, лицом кверху переверните! Яр, у тебя бестолковые слуги.

— Что ты хочешь от оживших пней? — веселился, наблюдая, владыка. — Зато бегают они быстро, смотри, сколько у них ног-корешков.

— Значит, я оживлю, а ты заживишь раны, согласен? — предложил некромант.

— Как всегда, — кивнул Яр.

Милена стояла в сторонке, смотрела во все глаза и не вмешивалась. Ей хватило того, что отец сунул ей под самый нос жуткую гусеницу — от оглушающего девичьего визга деревья содрогнулись и хмыри присели, едва в почву не закопались с испуга.

Пентаграмму начертили тоже вдвоем: Сильван зажег свечение, обозначившее на песке нужный чертеж, а Яр хлопнул в ладоши — и тут же слетелась туча мошкеры и комаров, по светящимся линиям выстроились ровненько, послушно замерли.

— Идеально! У тебя такой четкости никогда не получалось даже на ровном полу, — похвастал Яр.

Сильван хмыкнул. Подойдя к телу, разжал челюсти и запустил в рот мертвеца вялую гусеницу. Та словно бы нехотя вползла в горло.

— Ой, гадость какая! — восхищенно пискнула Милена, глядевшая с почтительного расстояния.

А дальше смотреть особо было не на что. Некромант и лесной владыка встали над телом, взяли друг друга за руки, закрыли глаза. И всё. Хоть бы заклинания какие бормотали, так нет же, всё мысленно.

Милене минут через пять стало откровенно скучно. Она отпустила хмырей, и те поползли по домам, негромко перешептываясь между собой и поскрипывая древесиной.

Через четверть часа обессиленные приятели обнялись над трупом, поддерживая друг друга, пошатываясь, отошли, добрались до полюбившейся березы, почти что рухнули на землю.

— Ох, всё! Дальше пускай сам оживает! — простонал Яр, припав к дереву, точно к любимой, обхватив за стройный ствол обеими руками. Предложил некроманту: — Силь, давай со мной. Ты к Лесу можешь уже напрямую присоединяться, а тут тебе полегче будет, сила здесь пожиже идет. А потом и на нашем берегу попробуем.

Сильван отнекиваться не стал, тоже обнял дерево, прижался лбом к коре. Милена сдержала смешок, всё-таки оба действительно потратились сегодня изрядно.

— Ой, пап, он пошевелился! — заметила она, подойдя и наклонившись над бывшим трупом.

— Пускай шевелится, нечего без дела прохлаждаться! — проворчал Яр.

— Ой, пап, он глаза открыл! Как вы здорово его залатали, вот тут на горле такой разрыв был, а ничего не осталось, даже шрама не видно. И вот тут в груди дырища была. И шею переломанную на место поставили, гляди-ка!.. Пап, он моргает, так смешно! И сказать что-то хочет. Ну, горемычный, что сказать-то хочешь? Говори! Язык не вываливай, челюсть не выворачивай. Вот так, хорошо. А теперь повторяй: «Всем спасибо, что вернули меня к жизни!»

— Фвшщн... шбашипп...

— Вот, хорошо, умница! — подбодрила ожившего мертвеца Милена.

— Солнышко, отстань от него, он еще не привык к чужому телу! — урезонил нетерпеливую дочь Яр.

— А теперь скажи: «Меня зовут...» Ну же, не стесняйся! Как тебя зовут?

— Миения сафут... Щур.

Оживший захлопал глазами вполне осмысленно. Шуточки царевны и впрямь помогли ему вспомнить себя.

— Пап, он Щуром назвался, — усомнилась в умственной полноценности ожившего Милена.

— Всё верно, — сказал владыка.

— А! Так вот ради чего весь этот сыр-бор! — обрадовалась лесная царевна, разве в ладоши не захлопала. — Щур! Старикашка ты противный! Ну, здравствуй, покойничек! Как тебе нравится в новом молодом теле?

— Похансы фы фще! — обиделся воскрешенный.

— Сам ты поганец! Язычник и есть, — рассмеялся Яр. — Еле языком научился ворочать, уже обзываешься.

— Я ше умиир! — возмутился Щур, делая попытку сесть, Милена тут же ему пришла на помощь. Поддерживаемый ею за плечи, колдун устремил мрачный взор на притулившихся к березе мага и царя, те между собой посмеивались в хмельном облегчении.

— Подумаешь! — фыркнул Сильван. — Раз ты сразу после смерти не ушел, значит, на самом деле хотел остаться. А раз ты сделался неприкаянным духом, значит, ты попал под мою власть. Старик, ты мой раб отныне, смирись с этим!

— Какой он теперь старик? — погладила по пропитанным засохшей кровью волосам Милена. — Он теперь мужчина в лучшем возрасте, завидный жених. Ой, а ведь вождь был женат! Щур, женоненавистник ты эдакий, у тебя теперь жена есть! Вот встанешь на ноги, придешь домой — и получишь от женушки скалкой за то, что невесть где болтался, одежду

испортил и вообще на войну ушел без спроса!

Оживленный поник плечами, зыркнул исподлобья на нетрезво хихикающую парочку, явно обещая в будущем припомнить им сие унижение и самоуправство над ним, колдуном и провидцем.

— И не вздумай говорить бедной женщине, что ты не ее муж! — предостерег со смехом Яр. — Этим ты ничего не добьешься!

— Ражве я хочел чехо-то добичча?

— А разве не за этим ты здесь остался? — подмигнул Яр.

Щур тяжело вздохнул. Вот же, был провидцем, но о таком повороте собственной судьбы даже помыслить не мог. Яр обыграл его: без спроса подарил новую жизнь и дал законную власть над людьми, которой колдуну раньше так не хватало, но к которой он вовсе не стремился.

Драгомир не смог бросить своего незваного гостя. И почему-то не сумел заставить себя выдать его отцу. Почему — сам не мог понять. Вернее, стыдился себе признаться в причине.

Приковыляли к баньке, что уже стоило обоим немало пота. Причем вошли во двор не через передние ворота, а обошли кругом, проникли через заднюю калитку, украдкой, хоронясь от куста до дерева, словно воры.

— Мать дома, что ль? — понял по-своему Рогволод, спросил шепотом, оглядываясь сквозь ветки яблонь на окна высокого терема.

Драгомир помотал головой, объяснять не хотелось, да и сил не хватало. Хромой князь оказался слишком тяжелым. К тому же по дороге не стеснялся показывать свой нелегкий норов.

Поклонившись низкой притолоке, Рогволод Всеволодович вошел в уютный, смолисто пахучий предбанник и с облегчением развалился на скамье. Немедля потребовал себе воды — для питья и для мытья. Драгомир смолчал, вымыться после тяжелого пути обоим не мешало. Натаскал ведер от колодца, подогрел для князя чан теплой. Выдал ему лыковое мочало, кусок душистого мыла. Князь оценил медовый запах мыла, (кобольды научили русалок варить разные сорта для всяких нужд по заграничным рецептам), и, ухмыляясь, предложил, как особую милость:

— Потрешь мне спину.

— Сам справишься, — огрызнулся Мир.

— А если раны откроются? Истеку кровью, замараю тебе парилку, — оскалился князь.

Делать нечего, пришлось согласиться. Стараясь лишний раз не коситься в его сторону, Драгомир тоже разделся, но не догола, а до полотняных подштанников. Попытался представить, будто моется со старшим братом, как бывало прежде. Если не поднимать голову, если не смотреть в лицо гостю, то не велика разница: князь почти так же высок, как Тишка, хотя в плечах шире, мощнее, мускулы так и играют, когда Мир осторожно водит мочалом... Нет, воображение помогло плохо.

— Я тебе не жеребец, три поласковой! — прикрикивал князь. А сам откровенно посмеивается над тем, как Мир нервно вздрагивает всем телом, стоит им вскользь соприкоснуться голой кожей.

Банька была маленькая, князь специально пользовался теснотой и собственной наготой:

при каждой возможности прижимался, потирался, приналегал немалым весом, жарко, отговариваясь болью в ноге. Драгомир уже не рычал, отмалчивался, только зыркал злобно из-под взмокших волос, словно загнанный зверек. Дышал порывисто, приоткрыв губы. И этот его приоткрытый розовый рот отдавался в помутившемся сознании князя хуже бражного хмеля.

Закончив с пытками, выпроводив князя в предбанник, Драгомир торопливо ополоснулся холодной водой, вылил себе на голову лоханку. Только дверь в парилку сама собой без скрипа приоткрылась, а он не заметил.

— Девка! — разглядывая его без стеснения, объявил Рогволод. — Только плоская, как доска. Ничего, и таких брюхатил.

В лицо ему полетела мочалка, которую князь играючи перехватил, даже не забрызгался.

— Поесть принеси! — сопутствовал лесному царевичу окрик, когда тот вылетел из бани полураздетый, злой, мокрый, не успев толком волосы отжать и вытереться.

В отместку Драгомир не возвращался до густых сумерек.

Рогволод встретил его, лежа на скамье. Больную ногу он самостоятельно перевязал, разорвав найденное полотенце. Вместо своей, почившей, натянул рубашку Евтихия, оказавшуюся ему узкой в плечах.

— Хлеб и молоко? — выразительно выгнул бровь Рогволод, развернув узелок со снедью. — Даже масла пожалел.

Драгомир промолчал не менее выразительно, стараясь показать, что большего непрошенный гость не заслуживает. Не признаваться же ему, что за всё это время он не сумел взять себя в руки и поэтому ничего не приготовил? Сжег, выкипело, упустил, проворонил, проглядел, порезался и окропил кровью. Всё, что осталось после такой готовки сколько-то съедобным, выбросил поросенку. В итоге из еды, которую не совестно было подать городскому князю, нашелся лишь вчерашний хлеб. Молоко-то с грехом пополам надоил: коза, ощущая его нервозность, лягалась и норовила боднуть.

...Пока эти двое прожигали взглядами друг друга, стены баньки прожигал взглядом Яр. Лесной владыка притаился за плетнем, под низкой кроной яблони. По дрожащим листочкам рассыпался серебряный свет луны, медленно поднимающейся над лесом, бросая пятнистые отблески на бледное лицо бывшего эльфа.

— Я ничего тебе не скажу, царь-батюшка! — заявил надувшийся домовый, без вызова вдруг проявившийся из теней.

Яр, и без того на грани, от внезапного оклика сзади едва не сломал плетень, до того вцепился в жерди скрюченными пальцами. Обернувшись, узнав, плюнул в досаде:

— А я у тебя ничего и не спрашиваю, соседюшка!

— И правильно, не спрашивай, — не отстал домовый, сильнее сдвинул косматые брови. — Твой дурачок меня упросил молчать, ничего тебе против его воли не доносить. Будто я только и делаю, что вечно шпионю за ним! Чуть не со слезами умолял, я думал, на колени бухнется. И ради кого унижался? Ради этого гада! Да он же не достоин ноги целовать нашему сокровищу!..

— Заткнись, по-хорошему прошу! — шепотом, с надрывом потребовал Яр.

— Да я молчу, молчу... — уныло согласился домовый. — Вовремя надо было мальчонку в город отпустить. Хоть с Евтихием за компанию — узнал бы людей, попривык бы, не случилось бы такого. Стыдобища! Как девчонку глупую этот гад его морочит!..

— За-мол-чи! — прошипел по слогам Яр.

— Да боюсь я, как бы чего совсем уж скверного не вышло, — не унимался домовый. — Ведь, зная Мироша...

— Или я тебя сейчас ударю, — пригрозил Яр.

Дедушка-соседушка понимающе вздохнул и растворился в воздухе. Через полминуты тишины, состоящей из шелеста листвы и всхлипывающего дыхания бывшего эльфа, вжавшегося спиной в яблоню, снова раздалось ворчливое:

— Но уж ежели что, ты не серчай на меня, твое величество! Пусть провинюсь перед мальчонкой, а тебя в известность поставлю!

— Уйди уже, — взмолился Яр.

— Сам смотри, чтобы он тебя не заметил, — укорил домовый.

— Не заметит, не беспокойся. Ему сейчас не до меня.

— Ну, а может, и обойдется, — пробормотал соседушка. — Может, оно так и лучше. Авось развеет князь на твоём сыне отцовские чары... Ай! Ухожу, всё! Ушел уже. Страсти-то какие развели, ах, боженьки ты мой...

...То ли нога стала меньше болеть от травяных примочек, то ли князь что-то на ум себе взял, только на следующий день Драгомир с несказанным облегчением понял, что с его гостем вполне возможно спокойно разговаривать. После бессонной ночи, которую лесной царевич провел в собственной постели, беспокойно ворочаясь и бесконечно обдумывая всё произошедшее, это открытие словно сняло с его плеч пудовый груз. Даже дышать стало как-то легче.

Мир приготовил завтрак на троих, не забыв о соседушке, у которого искренне попросил прощение за доставленное беспокойство. Отнес еду в баньку, всё-таки приглашать в дом даже сделавшегося покладистым князя ему отчего-то не хотелось. Потом занялся огородом, поросенка же с козой обиходил еще поутру. Затем наступило время обеда — снова наведаясь к гостю. Сделал ему новую примочку. Пока перевязывал, посмеялись над занимательным рассказом из жизни княжеских дружинников, мужиков смелых, сильных, умелых, но иной раз до крайности недалеких. И вновь хлопоты по дому и хозяйству, со вчерашнего дня накопилось вдвое против обычного... Ужин — опять в обществе князя. После вкусной еды и от вынужденного безделья тот сделался вальяжен, точно сытый кот.

— Не был бы я женат, то взял бы тебя в супруги не раздумывая! — пошутил Рогволод. — Всем ты хороша: и стройна, и тиха, и стряпаешь отменно. Лекарка опять-таки! Грудями, правда, не вышла и задом тоща, ну да ничего, стерпится — слюбится. Правда, не представляю, как бы я стал просить благословения у твоего папаши, это ж смех один... Мда.

— А ты женат? — с натянутой улыбкой спросил Драгомир.

— Да, пришлось, отец сосватал. Она сына мне родила. Сидит в хоромы на своей половине, с бабской челядью, как сороки, целыми днями языки чешут. Иной раз неделями с нею не видимся. Да и не тянет.

Больше Мир не спрашивал ни о чем. Рогволод же готов был говорить, кажется, обо всём на свете. Но это только неискушенному Драгомиру мнилось. Вскоре князь вытянул из молчаливого собеседника всё, что было нужно: выведал, и чей он сын, и с кем раньше жил, и каким образом лесному царю удастся держать власть над огромным пространством земель, ведь людским князьям подобная широта владений даже не снилась. Наивного парнишку же развлекал байками, расписывая какая интересная жизнь протекает в городских стенах: якобы у жителя лесной глуши столько событий за год не случится, сколько в городе за день

выпадает!

Хромать Рогволод быстро перестал — отлично Драгомира выучила мать-ведьма, вдобавок талант лекаря открылся, доставшийся по наследству от отца, ведь прежде-то не на ком было дар оттачивать, вот он и дремал, скрытый.

В третью ночь своего пребывания в лесной усадьбе князь самовольно заявился в терем. Без свечей или ламп безошибочно нашел дорогу к нужной горнице. Разбудил тяжелым дыханием и тонким скрипом половиц едва задремавшего молодого хозяина.

— Я тебя не приглашал в дом, убирайся, — хриловато произнес Мир. Однако с постели не поднялся, пусть и смотрел пристально на явившегося гостя.

Тот замер на мгновение в темнеющем проеме двери, словно впрямь раздумывая, решиться или всё-таки уйти после столь недоброго приветствия.

— Что ж ты со мной, как с псом дворовым, неласково? Боишься, что грязь в дом занесу? Решился-таки. Двинулся к кровати.

Драгомир промолчал. Смотрел на белеющую в темноте рубаху, широко раскрытую на груди. Только задышал чаще, выдавая испуг.

— Я заснуть не мог, всё думал, — сообщил Рогволод. Забрался коленями на постель, навис над вжавшимся в подушки парнем. — Думал, крутил в уме так и эдак. И злость меня взяла. За смерть моих дружинников я бы твоего отца собственными руками убил!

Он низко наклонился, упершись ладонями в подушку по сторонам от головы лесного царевича.

— Не дотянешься, — с вызовом прошептал Драгомир не отводя взгляд, мерцая во мраке широко распахнутыми глазами.

— Зато до тебя дотянусь, — заметил Рогволод спокойно. — Не боишься?

— Попробуешь — умрешь, — пообещал Мир.

— Не стыдно будет на помощь звать? Лёжа под мужиком-то? — хмыкнул князь. — Хотя... Что-то ты не дергаешься, не убегаешь. Подозрительно!

Рогволод одной рукой стащил с него одеяло, задрал рубашку, просунул руку ниже.

Драгомир прикусил губу.

— Разве не будешь визжать и брыкаться? — с неподдельным удивлением уточнил князь.

— А ты увезешь меня в свой город? — спросил Драгомир напряженным шепотом.

Рогволод застыл: всё вот так просто? Он-то голову ломал, соображая, как бы соблазнить царского сынка!.. Нет, как соблазнить — это князь понимал, пусть и в общих чертах, всё-таки прежде к парням его в этом смысле не тянуло. Но как принудить мальчишку бросить дом и уехать за ним — вот что не давало Рогволоду покоя эти дни. И всё разрешилось само собой! Чудеса.

— Конечно, увезу, раз ты хочешь, — покладисто согласился князь.

Драгомир шумно выдохнул. С облегчением, в котором Рогволод заподозрил нечто большее, кроме ожидаемой радости избавления от скучной жизни в безлюдной глуши.

— Только женой своей не смогу сделать, — добавил для честности князь. — Придется тебе наряжаться девкой и жить при мне, как любовница. согласишься?

— Ты наконец-то признал во мне мужчину? — лукаво улыбнулся Драгомир.

— Да вот, удостоверился собственноручно, — хмыкнул Рогволод, сжав кулак сильнее и в ответ получив недвусмысленное движение бедрами навстречу. — О, какая девственница мне попалась, однако, распутная, глазам не верю!

— А ты закрой глаза, раз противно тебе с парнем обниматься, — посоветовал

Драгомир, сам же прикрывая веки, следя за любовником из-под ресниц. Рогволод привстал над ним ненадолго, чтобы стянуть с себя рубашку через голову, чтобы избавиться от мешающего одеяла.

— Почему-то мне не противно, — удивленно признался князь, возвращаясь. Не пытаюсь нежничать, налег на охнувшего парнишку всем немалым весом. — Не знаю, правда, как с тобой обращаться, но сообразим вдвоем, верно?

— Только не жалея меня, — прошептал, крепко цепляясь за мускулистые плечи, Драгомир. — Я не девчонка, не сломаюсь. Заставь меня позабыть обо всём?

— Помолчи уже, мешаешь сосредоточиться, — шикнул на него князь.

...Драгомир проснулся поздним утром. Сладко потянулся — всё тело ныло, на светлой коже во множестве расцвели синяки. Краем сознания подумал, что соседка, наверное, ворча и ругаясь, всё-таки позаботилась о живности, раз в открытое окно не слышно обиженного бляньня козы.

Лесной царевич не сожалел ни о чем из того, что произошло минувшей ночью. Рогволод оказался властным любовником, торопливым и алчным. Он использовал мальчишеское гибкое тело полуэльфа для собственного удовлетворения, делал с ним то, чего не мог бы требовать от родовитой жены или прочих женщин, пухлых, заполошных, ограниченных стыдом и запретами. Князь ненасытно брал и просил еще, в ответ одаривая скупыми жесткими ласками, от которых неопытный партнер таял и разгорался всё больше, не жалея себя, отдавая всего без остатка и ничего взамен не требуя. Собственный пыл, осознание своей порочности и смелости затмило для лесного царевича скупость князя. Он попросту не обращал внимания на болезненную хватку сильных пальцев, на удары и звонкие шлепки, которые князь щедро раздавал, как будто под ним был необъезженный конь, а не хрупкий полуэльф... Драгомир уверял себя, что не жалеет ни о чем. Кроме одного: князь ни разу не поцеловал его в губы. Кусал за плечи, широко и щекотно лизнул по хребту — было. Но сколько Драгомир ни тянулся за лаской, даже самого обычного касания губами губ не получил.

И всё-таки Рогволод заставил его позабыть обо всём на свете, как и обещал, как и просил Драгомир. Пусть на время, но Мир надеялся, что это лишь начало, и дальше его ждет полное и безоглядное счастье. Нужно только научиться подлаживаться под такое непривычное человеческое счастье плотской любви.

На вопрос, где Яр, Милена легкомысленно отмахнулась:

— Прячется где-то. Иногда с ним такое случается, находит зеленая хандра. Лес уверяет, что с ним всё нормально. Не волнуйся.

— Это из-за твоего младшего брата, Драгомира? — напрямую спросил Сильван.

Та смерила жениха темным взглядом:

— С Драгомиром тоже всё хорошо. Мы с ним близнецы, поэтому я бы почувствовала, если б ему стало плохо, — самоуверенно заявила она.

— Между ними что-то произошло? — настаивал маг.

— Я еще не стала тебе женой, чтобы разбалтывать семейные тайны, — отвернулась Милена. — Если тебе так интересно, спроси об этом у них самих. Папка от тебя ничего не скрывает!

— Если бы я еще знал, где его искать, — пробормотал досадливо некромант.

— Не волнуйся, — повторила Милена, — он скоро сам найдется, будет опять к тебе липнуть, как ни в чем не бывало. Отец не умеет долго хандрить, иначе заболит, а болеть ему Лес не позволит.

Однако Сильван не мог не беспокоиться. Пусть дочь и считает, что родителю всего лишь нужно некоторое время побыть одному, но Сильван-то видел ясно, что дело было посерьезней хандры. В последние дни Яр был не в своей тарелке: то чересчур бодр, то застывал на минуту, словно засыпал на ходу. Его что-то тревожило, не давало покоя. А чтобы легкомысленный бывший эльф потерял покой, проблема должна быть просто чудовищно огромной и неподъемной даже для всеильного лесного владыки.

Обойдя дворец кругом, от башен до парадных залов, от покоев до кухни, некромант наконец-то нашел владыку в подземелье. Яр сидел на покрытой мхом земле между могучих корней центрального дуба, привалившись спиной к стволу. Дремал. Сильван хмыкнул: царь был у себя дома и не собирался скрывать, чем он тут занимается. Подойдя, маг поднял опрокинутый кувшин из-под вина, потряс — пустой, нюхнул узкое горлышко — черничная наливка. Вкусная, однако не настолько, чтобы уговорить пузатый кувшин в одиночку.

Сильван присел перед Яром, протянул руку, намереваясь потормозить за плечо, чтобы разбудить... И не получилось потормозить-то. Некроманта бросило в холод. Яр не думал просыпаться. Он даже не шевельнулся. Как будто накрепко прилип к дереву. Но ведь дуб не сосна, к смоле не приклеишься! Сильван спрятал остро кольнувший страх за кривоватой усмешкой. Снова попробовал потрясти за плечи, позвал:

— Яр! Твое величество, просыпайся! Негоже государю пьяным ночевать в подземелье! Не спорю, дворец твой и ты вправе спать, где вздумается, но...

Некромант осекся. Сквозь одежду почувствовал, что кожа бывшего эльфа сделалась на ощупь твердой, как древесина. А волосы не просто зацепились за неровную кору — локоны вросли в дерево кончиками. Маг, затаив дыхание, провел пальцами между спиной Яра и дубом — промежутка не было. Он отдернул руки, нащупав движущиеся, живые стебли, что выползли из дерева и вошли в плоть Яра. Яр не спал. Он потерял сознание! Именно «потерял», растворившись в неохватном существе Леса.

Сильвана пробила дрожь.

Трясущимися руками, не жалея ладоней, отбитых о жесткие, задеревенелые щеки, некромант принялся хлестать по безмятежному лицу пощечинами:

— Яр, очнись немедленно! Яр!!! Ты меня слышишь?! Яр!!!

Бесполезно.

Лес, опасаясь, что помешавшийся некромант сделает владыке больно, заторопился: из ствола дуба выплеснулись тысячи новых зеленых побегов, упоительно душистых, свежих, клейких — и принялись ревниво оплетать безвольное тело. Кора распахнулась глубокой щелью, обнажив светлую сердцевину, и в эту щель стало затягивать бывшего эльфа. Сильвана же оттащили в сторону другие плети, выстрелившие из стен. Его связали, не позволяя мешать соединению. Хорошо хоть рот не заткнули:

— Яр?!.. Ксавьер!!! КСАВЬЕР!!! — уже орал некромант, тщетно трепыхаясь, как птица в силках. — КСАВЬЕР!!! КСА-А-А!..

Одна из плетей сжала под ребрами так сильно, что перехватило дыхание.

— Кса-а!.. Кса-а-а... — захрипел Сильван без голоса.

Яр распахнул глаза.

Лес мигом притих. Ростки и плети замерли. Яр обвел подземелье затуманенным хмурым взглядом. Ростки и плети как-то стыдливо поникли и расползлись по углам в тень. Сильвана поставили на землю, отряхнули и поправили на нем одежду. С самого Яра побег осыпались трухой.

— Что происходит, Яр? — хрипло спросил некромант. — Такое часто с тобой случается, когда ты напьешься?

— Нет... — с видимым трудом ворочая языком, отозвался лесной царь. — Ксаарз!

— Что? — не понял Сильван.

— Как малолетний ребенок попался... — с досадой проговорил Яр. — Если я когда-нибудь еще раз настолько раскисну, что захочу перестать существовать — зови меня по имени. Ксаарз! Это первое имя, которое я получил от родителей.

— Хорошо. Ксаарз, — повторил, чтобы запомнить, Сильван. Присел на колени рядом, взял всё еще дрожащими руками руку друга: — Что это было?

— Лес решил, что должен меня защитить, — усмехнулся Яр. — Я напился, показал слабину, и вот результат — меня тут же спеленали, как младенца. И собирались упрятать в самое безопасное место по мнению Леса — в землю, и поглубже, в спячку лет на сто с потерей памяти. Могу представить, как это выглядело со стороны.

— Нет, тебе такого ужаса не вообразить, — покачал головой некромант.

Яр снова хмыкнул:

— Я старшего сына так вытаскивал, и не однажды. Правда, он тогда совсем несмышленьшим был, своего разума еще не нажил... И теперь точно так же я сам чуть не задубел! Видела бы меня Лукерья, застыдила бы.

— Так всё-таки, что произошло? — повторил свой вопрос некромант. — Почему тебе плохо? Скажи мне!

— Потому что я ничего не могу поделать, — с глубоким тоскливым вздохом дал расплывчатый ответ Яр. Закрыв глаза рукой. — Я знаю, что скоро случится непоправимое. И не могу это предотвратить.

— Почему? Разве нельзя что-то сделать? Если тебе нужна помощь...

— Нет. Если я вмешаюсь сейчас, то меня возненавидят. А если не вмешаюсь, то будет уже слишком поздно.

— Ты говоришь о своем младшем? — спросил Сильван.

Яр вздрогнул, уличенный, поежился.

— Только не говори мне, что ты подглядываешь за собственным сыном! — ужаснулся маг.

— Я?.. Что?! Фу-у! Как ты мог подумать! — скривился Яр. Добавил: — Если бы увидел это воочию, то я бы этого скотину голыми руками... Нет, мне достаточно понимать, что там творится.

Вздыхнув, признался:

— Я не могу на Мира давить. А уговоров он не слушает. В этом он совсем не такой, как Тишка или Милена, он куда упрямее их двоих вместе взятых. Прошли те времена, когда я имел право им что-то запрещать, просто потому, что «так сказал отец!» У них каждого свой путь, своя судьба... Небеса, как же больно видеть, как твой малыш выбирает страдания — тебе назло!

— Ты сгущаешь краски, — возразил Сильван.

— Увы. Он солгал мне, понимаешь?! Первый раз в жизни решил обмануть — и кого?

Меня! Любимого отца! Любимого... Как ты догадался, что я напился из-за него?

— Что ж непонятного. Последние дни ты постоянно заговариваешь о своем младшем и тут же сам себя обрываешь на полуслове.

— Да? Не замечал... И что ты улыбишься? Мне плохо, а ты улыбишься! Два сердца в груди, а такой бессердечный.

— Я всегда подозревал, что из тебя получится слишком заботливый папаша, — признался Сильван. — Даже меня ты всегда опекал с чрезмерной заботой. Могу представить, каково пришлось твоим родным малюткам.

— Уж какой есть, — проворчал Яр. — Сделай мне внуков поскорее, чтобы я стал слишком заботливым дедом! И оставил детей жить своим умом.

— Твой сын не слабее тебя, — сказал Сильван.

— Ты же его не видел никогда! — перебил Яр. — Он такой... Он ведь... Эх.

— Позволь угадаю: он такой же, как ты? — улыбнулся некромант. — Дай ему время осознать свою силу. Вспомни себя — ведь ты не сразу научился жить самостоятельно, думать своей головой. Но тебя выбросили из дома без поддержки, а к нему ты всегда придешь на помощь. Дай ему это понять. Позволь ему выбрать: звать ли тебя или справиться самому.

— Вот из тебя выйдет умный отец, не то что я, — опять заворчал лесной владыка.

— А ты трезво размышляй, не увлекайся вином, — пожурил друга некромант, махнул рукой на опорожненный кувшин: — Настойка у тебя добрая... но больно злая!

Яр хмыкнул:

— Откуда знаешь? Ты ведь не пьешь?

— Вчера твоя дочь заставила, — насупился маг, отвел глаза. — Насильно споила полную кружку, уверяя, будто это безобидный морс. После чего зажала меня в темном уголке и... Видимо, она вправду чувствует своего брата близнеца, раз одновременно с ним потеряла голову, а с разумом и последний стыд. И совесть. Вместе с жалостью к моим старым костям... Теперь мне придется на ней жениться. Бойкая у тебя девчушка выросла.

— Ты всё-таки сделаешь меня дедом?! — мигом позабыл обо всех тревогах и горестях Яр, кинулся обнимать друга и теперь уж точно зятя.

— Надеюсь, не так сразу всё-таки, — смущенно пробормотал Сильван. — Со временем обязательно, наверное...

— Даже не мечтай! — радостно объявил лесной царь. — Милка ждать не приучена.

— Это я уже понял, — слабо улыбнулся некромант.

Рогволод не привык чувствовать себя гостем. Очень скоро, поначалу слегка прихрамывая, он стал разгуливать по двору и по округе с видом полноправного хозяина. Осматривался. Луга, где немного помог Драгомиру косить сено для козы. Поля, где однажды от безделья нарвал охалку васильков, а потом нахлобучил на обмершего от смущения мальчишку развесистый лазоревый веночек. В лес вместе ходили по ягоды, перемазались по уши в сладости сока и взаимных нежностей... А в одиночку в лес Рогволод всё-таки больше не ходил. Одного раза оказалось достаточно — забрел чуть подалее опушки, пока Мир готовил обед.

«Уходи! Не смей возвращать моего сына! Оставь его!»

Рогволода под льняной рубашкой морозом пробрало. Вроде бы и лето, и солнце светит, и птицы поют, ровно как минуту назад. Но вмиг вокруг него всё как-то потемнело, словно воздух сгустился. И холодом обдало могильным, иначе не сказать. А самое неприятное: на него смотрели с ненавистью. Со всех сторон. Сам Лес его ненавидел, единодушный с царем.

Князю стоило немалой силы воли, чтобы взять себя в руки, не убежать с воплем в сторону ведьминога терема, чтобы пятки сверкали. Он весело оскалился назло невидимому Хозяину, выкрикнул задорно:

— Прозевал ты своего мальчика! Он меня выбрал — со мной от тебя уедет!

Лес недобро зашумел. Рогволод отодвинулся от колючего куста, который явственно потянул к нему свои ветки.

«Если ты причинишь ему вред, тебе не жить.»

— Это мне нежить говорит?! — не отступался князь, хоть сердце в груди колотилось так сильно, как не трепетало в детстве, перед субботними розгами. — Выйди, покажись, коль такой смелый, что князю угрожаешь! Видал я тебя — сопляк сопляком! Сам на своего сына глаз положил, да взять невинного не решился? А как тебе дорожку перебежали, сразу строгим отцом заделался? Ревнителем добродетели? Да ты!..

Рогволод заткнулся, получив хлесткий удар березовым прутом по лицу. Утерев кровь с рассеченной губы, князь усмехнулся:

— Негоже, царь-батюшка, эдак-то. Был бы ты мужиком, вышел бы честно, поговорили бы с глазу на глаз. А так с тобой и разговаривать нечего.

Показательно сплюнув перед собой под ноги, князь с оскорбленным достоинством ушел из-под лесной сени.

— Что случилось? — всполошился вышедший ему навстречу Драгомир. Привстав на цыпочки, ухватил любовника за подбородок, повернул ему голову, пальцем оттянул губу, чтобы лучше рассмотреть ранку.

— Ничего, — ухмыльнулся князь, отчего ранка опять открылась и закровоточила.

— Как же ничего! Как же ты так?.. — возмутился Мирош.

Но Рогволод заставил его замолчать — притянул к себе за пояс, притиснул, положив властную ладонь пониже спины. И чмокнул в уголок рта, оставив, как печать принадлежности, красное пятнышко.

Драгомир затих. Только глаза широко распахнул, не видя в мире ничего и никого, кроме князя. И неважно, что Лес смотрел на них сейчас со стороны опушки всеми своими глазами. Главное, он получил свой первый поцелуй. Почти поцелуй, но для начала ему и этого легкого касания хватило для счастья, такого огромного, что изнутри распирало грудь и мешало дышать. Или то было не счастье, а еще только надежда на него? Какое же тогда будет счастье настоящее? Драгомир и представить не мог, загадывать боялся...

На следующее утро они вдвоем покинули терем.

Драгомир еще накануне в сумерки по просьбе (вернее сказать — по приказу) князя сбегал на берег Сестрицы, к тайному броду. Свистнул протяжно трижды, как показал Рогволод. И на условный свист на том берегу откликнулись коротким посвистом, из кустов высунулась бородатая заспанная рожа. Драгомир, внутренне обмирая, показал позолоченную пряжку с князева плаща. Рожа понятливо кивнула, скрылась в кустах, после чего появилась вновь: мелкий мужичонка, прикидываясь рыбаком, спустил на воду плоскодонку — и сноровисто подрулил к ждавшему Миру. Без лишних вопросов шепотом договорились, чтобы к назначенному часу ждали здесь с лошадьми и охраной.

День сменил ночь, и Рогволод, хрюкая смехами, выпихнул сонного юного любовника из постели, нарядил в женскую одежду, позаимствованную из старых сундуков Лукерьи, так как сарафаны Милены, пусть и выглядели богаче, но были велики как в груди, так и по длине. Волосы убрали под ленту, косицу заплетать не стали, слишком короткая получалась — у девиц обычно до колена или до пяток, а тут равно как у малышни, стыдоба. Драгомир молча пожалел, что весной обрезал волосья, сейчас как бы пригодились, вот точно бы краше любых красавиц получился бы, князю попрекать его было бы не за что.

А Рогволод, выведя из родного терема царевича под локоток, словно украденную невесту, сиял физиономией ярче червонца! И поднявшийся злой ветер, кидавший песок в лицо, его не пугал. Не обращал внимания на шелест и скрип деревьев, мимо которых шли. Мешала высокая трава, хватающая за ноги словно нарочно сплетенными петлями, хлестали встречные ветки. Он не верил самому себе! И уже прикидывал в уме, как далеко с такой покладистой «любовницей» он сумеет зайти, ибо эдакой удачей, идущей в руки, грешно не воспользоваться в полной мере.

У Драгомира сердце было не на месте. Шел, куда князь вел, и не смел глаз от земли поднять. С каждым шагом в груди щемило, стучало, а то обрывалось: остаться ли? Вырваться из рук князя, который держит его уж слишком крепко, не опасаясь оставить синяки. Дойдут до реки — назад пути не будет. Зачем Драгомир ему? Зачем Драгомиру он? Верно ли князь полюбил или только врет? Разумеется, врет. Побудет Мир любовницей некоторое время, ну месяц, ну до осени. Потом вернется домой, просить прощения у отца. Или, что скорее, не вернется. Как братец Евтихий, тоже поедет путешествовать, искать свою судьбу. Так почему не уехать сразу? Зачем идти в позорное услужение к князю? Узнал уж его в близости, потешил любопытство — не хватит ли?

Драгомир крепко зажмурился, помотал головой, прогоняя непрошенные мысли. Не его это рассуждения! Внушенные сомнения — он-то сам нисколько не сомневается, что полюбился князю. По-своему, но стал приятен ему и дорог. И тот честен с ним, не обещает невозможного, не клянется в вечных чувствах, не скрывает, что везет в город тайной любовницей, на позорное место бесправной комнатной девки. А то, что сердце зовет назад — так это трусость! И отцовские чары.

Мир оглянулся вокруг: Лес хмурился, небо оделось тучами, деревья шумели листвой. Он мысленно попросил прощения за причиненную тревогу. Пообещал, что с ним всё будет хорошо, что он обязательно будет счастлив. В конце концов, Новый Город рукой подать — не на цепь же посадит его князь в хоробах! Драгомир найдет время, чтобы приплыть на родной берег, навестить семью.

«НЕ УЕЗЖАЙ»

Лесной царевич вздрогнул.

— Замерз неужто? — заметил Рогволод, обнял за плечи: — Или переживаешь? Не бойся, тебе в моем городе понравится! Золотого терема не обещаю, но на скотный двор точно не отправлю.

Князь громко рассмеялся собственной шутке.

Мир же резко отвернулся, низко опустил голову: на мгновение он отыскал глазами среди зарослей пятно мрака, откуда всей кожей ощущал пристальный взгляд.

«Прошу тебя!»

«Не проси.»

Полил дождь, холодный, непроглядный. Слово в полдень наступили сумерки, летом —

зимние, густые, тоскливые.

Ждавшие на берегу лошади нервничали. Дружинники, явившиеся при оружии, говорили слишком громко, отвечивали пошлые шуточки. Когда завидели князя, да не одного, загоготали гусаками:

— А мы-то переживали! Мы-то гадали, не помер ли! А наш князюшка удалец, слетал на чертов бережок за чертовкой!

— Ведьму лесную себе нашел? Она его, что ль, после ран боевых выходила? Да в оплату за услугу потребовала ее под венец отвести?

— Под венец вряд ли, а возлечь на брачное ложе с такой чаровницей незазорно!

Парню, попытавшемуся ущипнуть «красотку» за мягкое место, князь с размаха и без предупреждения врезал в челюсть. Тот на ногах не устоял — с берега в реку плюхнулся. Но это вызвало лишь новую волну гогота, всё равно из-за дождя все были промокшие до нитки, купайся или нет. А к тяжелой руке и нелегкому нраву своего господина дружинники привыкли давно.

В седло Мира посадил сам Рогволод. Лесной царевич думал только об одном: как бы в обморок не уплыть. Схватился за врученный повод, словно утопающий за соломинку.

Брод переходили верхом, лошадям вода пришлась по брюхо. Кони всхрапывали, недовольно ржали. Драгомир беззвучно молился, чтобы Лещук Илыч не наслал на них мавок-щекотух. Но водяной, к счастью, решил не вмешиваться в сугубо семейное дело.

«Простите меня. Прощайте!» — Мир знал от отца, что в городе не сможет связаться с Лесом.

«Возвращайся!»

Драгомир порадовался, что дождь не прекращается, да от лошадей было полно брызг — не нужно вытирать мокрое лицо. Он улыбался, кусая губы: непонятно, как можно быть таким счастливым и верить в хорошее, когда всё внутри просто кричит от предчувствия беды. Нет, это не предчувствие. Он просто трус. Впервые ушел из дома — и теперь готов реветь, как девчонка.

Драгомир оглянулся, ища взглядом князя: вон его могучая спина, далеко впереди за серым маревом ливня.

Прежде чем вновь опустить голову, Мир заметил, с каким пристальным вниманием смотрят на него едущие по бокам воины. Его быстрый взгляд тоже увидели:

— Эх, девка, сидела б ты лучше в своем ельнике, — покачал головой тот, что постарше.

— Почему именно в ельнике? — хохотнул молодой, получивший по челюсти. Игриво подмигнул осмелившемуся вновь поднять глаза полуэльфу. — Такие ягодки в малинниках спеют!

Старший его товарищ досадливо сплюнул на молодецкую недалекость.

Драгомир выдохнул, когда лошади из воды стали выбираться на берег. Городские стены были видны уже отсюда, возвышались на верху крутого склона, что еще предстоит им преодолеть. Но теперь Миру сделалось гораздо легче, тоска отступила, с нею и дождь поредел, стал лениво накапывать. Кое-где на небе показалась просинь. А вдалеке сквозь разошедшиеся сизые тучи прикоснулись к земле и речным водам косые стрелы солнечных лучей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net